

Министерство образования и науки
Донецкой Народной Республики
Государственное образовательное учреждение высшего профессионального
образования «Донецкий национальный университет»

На правах рукописи

Писарева Виктория Вадимовна

**СОБСТВЕННО-РЕФЛЕКСИВНЫЕ И ПОСЕССИВНО-РЕФЛЕКСИВНЫЕ
ГЛАГОЛЫ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ**

специальность 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое
и сопоставительное языкознание

Диссертация

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Басыров Ш. Р.

Донецк – 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1 ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ РЕФЛЕКСИВНЫХ ГЛАГОЛОВ (РГ) В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ	14
1.1 Современные подходы к изучению РГ и их классификации.....	14
1.2 Функционально-семантическое поле возвратности в немецком и русском языках.....	31
1.3 Отношение РГ к залогу.....	34
1.4 Отношение РГ к категории вида.....	47
1.5 Основные понятия терминологического аппарата исследования.....	49
Выводы к главе 1	56
ГЛАВА 2 МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ СОБСТВЕННО-РЕФЛЕКСИВНЫХ И ПОСЕССИВНО-РЕФЛЕКСИВНЫХ ГЛАГОЛОВ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ	59
2.1 Понятие диатезы.....	59
2.2 Уровни описания собственно-рефлексивных и посессивно-рефлексивных глаголов.....	64
2.2.1 Семантический уровень и ролевая структура значения РГ.....	64
2.2.2 Референтный уровень.....	74
2.2.3 Синтаксический уровень.....	75
2.3 Обратимые и необратимые РГ и причины их появления.....	80
2.4. Типы необратимых РГ.....	88
2.4.1 Морфологическая необратимость.....	88
2.4.2 Семантическая необратимость.....	90

2.4.3 Синтаксическая необратимость.....	94
2.4.4 Лексическая необратимость.....	95
2.4.5 Комбинированная необратимость.....	96
Выводы к главе 2.....	97
ГЛАВА 3 ДИАТЕЗЫ СОБСТВЕННО-РЕФЛЕКСИВНЫХ И ПОСЕССИВНО-РЕФЛЕКСИВНЫХ ГЛАГОЛОВ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ.....	101
3.1. Лексико-семантические группы собственно-рефлексивных и посессивно-рефлексивных глаголов в немецком и русском языках.....	102
3.2 Типы диатезных преобразований РГ в немецком и русском языках.....	151
3.2.1. Диатезный тип «двухвалентный неререфлексивный глагол → одновалентный рефлексивный глагол».....	151
3.2.2. Диатезный тип «трёхвалентный неререфлексивный глагол → двухвалентный рефлексивный глагол».....	159
3.2.3. Диатезный тип «двухвалентный неререфлексивный глагол → двухвалентный рефлексивный глагол».....	165
3.2.4. Диатезный тип «трёхвалентный неререфлексивный глагол → трёхвалентный рефлексивный глагол».....	167
Выводы к главе 3.....	172
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	176
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	182
СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ.....	200

ВВЕДЕНИЕ

Категория рефлексивности занимает одно из центральных мест в системе глагола каждого языка, так как характеризуется тесной связью с морфологическим, лексико-семантическим и синтаксическим уровнями языка, что представляет собой определенную трудность при изучении данного категориального класса глаголов. Рефлексивные глаголы (РГ) и их смысловые классы были предметом детального изучения ученых Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР (сегодня Институт лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург), которые занимались всесторонним исследованием данных глаголов с 60-х годов XX века. Особое внимание лингвисты уделяли изучению категории рефлексивности с позиции универсальной типологической концепции диатез и залогов. Рефлексивные глаголы исследовались А. А. Холодовичем, В. С. Храковским, Н. А. Янко-Триницкой, В. В. Виноградовым, В. П. Недялковым, Э. Ш. Генюшене, Ю. П. Князевым, В. Д. Калиущенко, Ш. Р. Басыровым [138; 139; 140; 142; 143; 144; 145; 146; 147; 161; 29;30; 89; 90; 91; 32; 33; 34; 35; 63; 64; 53; 54; 9;10] и др.

Предлагаемая работа посвящена изучению собственно-рефлексивных и посессивно-рефлексивных глаголов и их конструкций в немецком и русском языках.

Под *собственно-рефлексивными глаголами* (далее – СРГ) в настоящем исследовании понимаются производные рефлексивные глаголы, в референтной структуре которых происходит элиминация (сокращение) второго референта (лицо) и совмещение у первого референта одновременно двух семантических ролей – субъекта действия и объекта действия. Рефлексивный показатель (далее – РП) в морфологической структуре таких РГ обладает значением *себя*, т. е. маркирует полное совпадение референтов субъекта и объекта действия, ср.: нем. *j-n., etw. washen* ‘мыть кого-л., что-л.’ → *sich waschen* ‘мыться’, т. е. мыть (самого) себя; рус. *одевать кого-л.* (например, ребенка) → *одеваться*, т. е. одевать (самого) себя.

Под *посессивно-рефлексивными глаголами* (далее – ПРГ) понимаются производные рефлексивы, в референтной структуре которых элиминируется второй посессивный или партитивный референт, а первый референт выступает одновременно в двух семантических функциях – субъекта действия и объекта действия. РП в структуре данных РГ метонимически ассоциируется либо с одной определенной частью объекта, либо с его несколькими частями, т. е. рефлексивный аффикс маркирует частичное совпадение референтов субъекта и объекта действия, ср.: нем. *etw. pudern* ‘пудрить что-л. (например, лицо, нос)’ → *sich pudern* ‘пудриться’, т. е. покрывать своё лицо пудрой; *etw. beherrschen* ‘сдерживать что-л. (например, гнев, страсть)’ → *sich beherrschen* ‘сдерживаться’, т. е. удерживать себя от проявления какого-л. чувства; рус. *прищурить* (глаза) → *прищуриться*, т. е. прищурить глаза; *красить что-л.* (например, губы) → *краситься*, т. е. красить себе лицо, волосы, губы (разг.).

Актуальность данного исследования обусловлена:

- сложной природой РГ, в которой тесным образом переплетаются явления морфологии, словообразования, семантики и синтаксиса;
- отсутствием в современной лингвистике специальных работ, посвященных комплексному и системному изучению СРГ и ПРГ с позиции диатез и залогов;
- необходимостью комплексного сопоставительного изучения СРГ и ПРГ и их конструкций на материале немецкого и русского языков.

Объектом исследования являются РГ в немецком и русском языках.

Предметом исследования является структура, семантика и функционирование СРГ и ПРГ и их производящих основ в немецком и русском языках.

Цель работы заключается в установлении общих и отличительных свойств в структуре, семантике и функционировании СРГ и ПРГ и их конструкций в немецком и русском языках.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

- осветить проблемы рефлексивности в языке, её отношение к категориям

залога и вида, а также принципы классификации РГ;

- описать методику исследования СРГ и ПРГ в сопоставляемых языках;
- выявить корпус СРГ и ПРГ в немецком и русском языках;
- установить особенности морфологической, синтаксической, семантической и референтной структур СРГ и ПРГ в сопоставляемых языках;
- определить мотивирующую базу СРГ и ПРГ в немецком и русском языках;
- установить и описать диатезные типы и подтипы СРГ и ПРГ, а также определить их продуктивность в исследуемых языках.

Достижение поставленной цели и решения конкретных задач диссертационного исследования основываются на общих принципах системного анализа языковых явлений.

Степень разработанности проблемы. В современной лингвистике РГ изучались на материале различных языков: славянских – в русском (Ж. Веренк [27], А. В. Знаменская [50], Ю. П. Князев [63; 64], А. В. Кравченко [68; 69], Н. А. Янко-Триницкая [161] и др.), украинском (Е. Г. Городенская [38], Р. П. Михайлик [82]), белорусском (Л. А. Антонюк [5], М. Т. Ковалева [65], А. Е. Михневич [5]), польском (В. Ostromecka-Frączak [184], К. Wilczewska [195], А. Schenker [189]), болгарском (Б. Ю. Норман [92; 93]), германских – немецком (Ш. Р. Басыров [9; 10], В. Д. Девкин [42], В. П. Недялков [89; 90; 91], J. Buscha [168; 169], G. Helbig [178], К. Brinker [165], G. Stötzel [192], F. Wagner [194] и др.), английском (Э. Ш. Генюшене [32; 33; 34; 35]), романских – французском (Е. Е. Корди [71], G. Reichenkron [187]). Имеются работы, в которых РГ анализируются в сопоставительном аспекте на материале английского и немецкого (R. Dirven [170]), русского и польского (А. Doros [171]), немецкого и турецкого (М. Gündoğdu [176]), немецкого и румынского языков (J. Stummhöfer, E. Viorel [193]), немецкого и украинского (С. А. Юшкова [158; 159]). Рефлексивы были также объектом интенсивного типологического изучения (Ш. Р. Басыров [9; 10], Э. Ш. Генюшене [32; 33; 34; 35], В. П. Недялков [89; 90; 91]).

РГ изучались в рамках универсальной теории диатез и залогов,

осуществлялись различные классификации данных глаголов. Основополагающими в области изучения РГ являются работы отечественных и зарубежных ученых (В. В. Виноградов [29; 30], Э. Ш. Генюшене [32; 33; 24; 35], А. В. Исаченко [51], Ю. П. Князев [63; 64], Э. И. Королев [73], В. П. Недялков [89; 90; 91], А. М. Пешковский [101], Ф. Ф. Фортунатов [136], В. С. Храковский [118; 142; 143; 144; 145], М. В. Черепанов [151], А. А. Шахматов [153], М. А. Шелякин [155; 156; 157], Н. А. Янко-Триницкая [161], К. Brinker [165], A. Doros [171], G. Helbig [178], E. Schulz [188], G. Stötzel [192] и др.). Важное место в теоретической базе диссертации занимают также публикации специалистов в области сравнительно-исторического, сопоставительного и типологического изучения языков (В. С. Андреев [4], Э. С. Ветрова [28], И. А. Герасименко [36], Л. А. Долгополова [44], В. Д. Калиущенко [53; 54], А. Э. Левицкий [75], Г. Г. Слышкин [122], Т. Н. Федуленкова [133], Н. С. Шарафутдинова [152] и др.), словообразования и семантики слов (Е. А. Земская [48; 49], И. С. Улуханов [131], В. И. Теркулов [129], W. Fleischer, J. Barz [173] и др.).

Материалом исследования послужили немецкие и русские СРГ и ПРГ и их производящие нерелексивные глаголы (далее – НГ) (нем. – 688 единиц, из них 344 НГ и 344 РГ; рус. – 706 единиц, из них 353 НГ и 353 РГ), полученные путем сплошной выборки из толковых и двуязычных словарей немецкого языка: «Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache» [209; 210], «Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache» под ред. Р. Клаппенбах и В. Штайница [213], «Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Verben» Г. Хельбига, В. Шенкеля [212], «Wörter und Wendungen. Wörterbuch zum deutschen Sprachgebrauch» под ред. Э. Агриколы [208], «Большого немецко-русского словаря» под руков. О. И. Москальской [204]; русского языка: «Большой толковый словарь русских глаголов» под ред. Л. Г. Бабенко [198], «Словарь русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой [200], «Новый словарь русского языка» Т. Ф. Ефремовой [202], «Словарь современного русского литературного языка в 17 томах» под ред. В. И. Чернышева [207]. Примеры употребления СРГ и ПРГ были получены из указанных словарей, а также из национальных корпусов немецкого и русского

языков [205; 211]. В ряде случаев при составлении рефлексивных и нерефлексивных конструкций привлекались информанты и специалисты немецкого и русского языков (далее – Инф.). Общий объем проанализированных конструкций составил в немецком языке – 702 примера, в русском – 716 примеров.

Связь работы с научными темами. Диссертация отвечает направлению исследований, которые разрабатываются на факультете иностранных языков ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» в рамках госбюджетной научной темы Министерства образования и науки ДНР № 20–1 вв/74 «Языковые структуры и значения в аспекте типологической, социальной и политической лингвистики» (номер государственной регистрации 0120D000009).

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые осуществлён комплексный анализ структуры, семантики и функционирования СРГ и ПРГ в немецком и русском языках с позиции теории диатез и залогов. В работе впервые представлено системное описание данных языковых единиц, выявлены закономерности их деривации на морфологическом, синтаксическом, семантическом и референтном уровнях. Новым в исследовании является установление типов и подтипов диатезного преобразования немецких и русских СРГ и ПРГ, их мотивирующей базы, а также определение степени их продуктивности в каждом языке.

Теоретическая значимость работы состоит в комплексном исследовании формальных и функционально-семантических свойств СРГ и ПРГ в немецком и русском языках, а также в создании модели описания данных РГ с позиции теории диатез. Выявленные закономерности системной организации СРГ и ПРГ углубляют современные представления о специфике данного разряда глагольной лексики и могут способствовать дальнейшим сопоставительным и типологическим исследованиям.

Практическая ценность работы связана с возможностью использования её результатов и эмпирического материала в учебном процессе, в частности, в теоретических курсах по общему и сопоставительно-типологическому

языкознанию (разделы «Морфология», «Лексикография», «Лексическая семантика», «Словообразование»), по теоретической и сопоставительной грамматике немецкого и русского языков.

Для комплексного и системного анализа СРГ и ПРГ в настоящей работе применяются следующие **методы и приёмы лингвистического анализа**: 1) *описательный метод*, который используется для комплексного представления полученных результатов; 2) *сопоставительный метод* для выявления общих и отличительных особенностей в структуре, семантике и функционировании СРГ и ПРГ немецкого и русского языков; 3) *метод компонентного анализа* для установления общих и дифференциальных сем в семантической структуре мотивирующих основ и их производных СРГ и ПРГ; 4) *контекстологический и дистрибутивный анализы*, с помощью которых определяются синтаксическая и лексическая сочетаемость СРГ и ПРГ в сопоставляемых языках; 5) *приём количественного анализа* лексического материала, позволяющий определить степень продуктивности СРГ и ПРГ, типов и подтипов диатезных преобразований данных языковых единиц, а также лексико-семантических групп (ЛСГ) глаголов, участвующих в деривации СРГ и ПРГ в сопоставляемых языках.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В немецком и русском языках СРГ и ПРГ представляют сложный по своей природе класс рефлексивов, в которых органически переплетаются морфологические, словообразовательные, синтаксические и семантические свойства.

2. В словообразовательном отношении немецкие и русские СРГ и ПРГ образуются путем присоединения к производящему нерефлексивному глаголу (НГ) рефлексивного аффикса: *sich* в немецком языке и *-ся* в русском языке.

3. У СРГ и ПРГ в немецком и русском языках выявлено четыре типа диатезных преобразований: а) «двухвалентный НГ → одновалентный РГ»; б) «трёхвалентный НГ → двухвалентный РГ»; в) «двухвалентный НГ → двухвалентный РГ»; г) «трёхвалентный НГ → трёхвалентный РГ».

4. Диатезные преобразования в сопоставляемых языках могут затрагивать:

а) одновременно референтный, семантический и синтаксический уровни («двухвалентный НГ → одновалентный РГ»); б) одновременно референтный и семантический уровни («трёхвалентный НГ → двухвалентный РГ»); в) синтаксический уровень и (факультативно) семантический уровень («двухвалентный НГ → двухвалентный РГ», «трёхвалентный НГ → трёхвалентный РГ»).

5. При переходе от НГ к СРГ/ПРГ в окружении глаголов сопоставляемых языков могут факультативно и облигаторно, автономно и комбинированно появляться различные конкретизаторы (уточнители) глагольного действия («время»; «место»; «способ действия»; «источник опасности»; «цель»; «причина»; «содержание»). Наиболее часто в немецких и русских конструкциях с СРГ и ПРГ появляются модальный, темпоральный и локативный конкретизаторы.

6. Семантика немецких и русских СРГ и ПРГ в значительной степени обуславливается семантикой их производящих НГ, обозначающих: а) физические действия субъекта над своим телом, одеждой, часто с использованием инструмента / средства; б) снабжение субъекта чем-л.; в) поведение человека и межличностные отношения; г) идеальную (ментальную) деятельность человека, часто связанную с внутренней энергией человека (вниманием, чувствами, состоянием); д) социальную деятельность человека; е) речевую деятельность человека.

7. Немецкие и русские СРГ и ПРГ образуются от данных ЛСГ в целом с различной степенью продуктивности. Наиболее продуктивно в обоих языках анализируемые РГ мотивируются НГ, обозначающими одевание или снятие с кого-л., чего-л. одежды, обуви, а также нанесение телесного повреждения кому-л. или лишения кого-л. жизни.

7.1. В немецком языке СРГ и ПРГ наиболее продуктивно образуются от глаголов физического воздействия на объект, владения и межличностных отношений, в то время как в русском языке – от НГ, обозначающих использование материальных и финансовых средств.

7.2. В русском языке более многочисленными являются СРГ и ПРГ

религиозного характера (рус. – 15 ед.; нем – 2 ед.). Количественное преобладание русских РГ данной семантики над аналогичными немецкими рефлексивами объясняется, в частности, особенностями строя сопоставляемых языков: в немецком языке сильнее развиты аналитические тенденции по сравнению с русским языком, поэтому русским синтетическим образованиям соответствуют в немецком языке аналитические конструкции и / или отыменные интранзитивные нерефлексивные глаголы.

Личный вклад автора диссертации в науку состоит в проведении комплексного анализа референтной, семантической и синтаксической структуры СРГ и ПРГ в немецком и русском языках, установлении типов и подтипов диатезных преобразований нерефлексивных конструкций в рефлексивные и степени их продуктивности, выявлении общих и отличительных черт СРГ и ПРГ в сопоставляемых языках.

Апробация результатов исследования осуществлена на следующих научных конференциях и семинарах: «Донецкие чтения-2016. Образование, наука и вызовы современности» (Донецк, 16–18 мая 2016 г.), «Международный молодёжный научный форум «Ломоносов-2017» (Москва, 10-14 апреля 2017 г.), «Донецкие чтения-2017: Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса» (Донецк, 17–20 октября 2017 г.), «Язык и речь в синхронии и диахронии» (Таганрог, 24 ноября 2017 г.), «Международный молодёжный научный форум «Ломоносов-2018» (Москва, 9-13 апреля 2018 г.), «Актуальные проблемы современной германской и романской филологии» (Луганск, 12 апреля 2018 г.), «XVI-й Международный лингвистический семинар «Сопоставительные и диахронические исследования языковых единиц и категорий» (Донецк – Пятигорск – Ростов-на-Дону, 19-20 ноября 2018 г.), «XVII-й Международный лингвистический семинар «Сопоставительные и диахронические исследования языковых единиц и категорий» (Ростов-на-Дону – Донецк, 25–26 ноября 2019 г.).

Основные положения диссертации изложены в 10 публикациях, в том числе в 3 статьях, опубликованных в специализированных изданиях,

рекомендованных ВАК МОН ДНР, одной статье в рецензируемом научном издании РФ, 6 материалах конференций разных уровней.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, трех глав с выводами к каждой из них, заключения, списка использованной литературы и лексикографических источников, списка сокращений и условных обозначений. Общий объем работы составляет 201 страницу. Основной текст диссертации включает 178 страниц.

Во **введении** обоснована актуальность исследования, его научная новизна, сформулированы цель и задачи, определены объект и предмет исследования, охарактеризованы эмпирический материал и методы исследования, обозначены научная новизна, теоретическая значимость и практическая ценность диссертационного исследования, сформулированы положения, выносимые на защиту, представлены данные об апробации результатов, описана структура работы.

В первой главе **«Теоретические основы изучения рефлексивных глаголов в немецком и русском языках»** освещены различные подходы к исследованию РГ и их классификации, рассмотрено отношение категории рефлексивности к категории залога, определены основные понятия терминологического аппарата работы (рефлексивный глагол, нерефлексивный глагол, собственно-рефлексивный глагол, посессивно-рефлексивный глагол, рефлексивный показатель, рефлексивная конструкция, нерефлексивная конструкция).

Во **второй главе «Методика исследования собственно-рефлексивных и посессивно-рефлексивных глаголов в немецком и русском языках»** представлены этапы исследования СРГ и ПРГ в сопоставляемых языках, рассматриваются уровни описания СРГ и ПРГ с позиции теории диатез, устанавливается набор основных типов референтов, инвентарь семантических ролей и синтаксических актантов, определяются типы необратимости СРГ и ПРГ в исследуемых языках.

В **третьей главе «Диатезы собственно-рефлексивных и посессивно-**

рефлексивных глаголов в немецком и русском языках» анализируются диатезные изменения, происходящие при переходе от исходной диатезы к производной. Выявляются типы и подтипы диатезных преобразований, их продуктивность, устанавливаются лексико-семантические группы глаголов, участвующих в реализации каждого типа диатез.

В заключении излагаются основные результаты исследования, намечаются перспективы дальнейшего изучения данных единиц.

ГЛАВА 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ РЕФЛЕКСИВНЫХ ГЛАГОЛОВ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

1.1 Современные подходы к изучению РГ и их классификации

Рефлексивные глаголы занимают важное место в системе немецкого и русского языков благодаря своему сложному и полифункциональному характеру. Это обуславливает многоплановость их исследования в лингвистике. Здесь можно выделить следующие основные направления исследования РГ:

1) изучение РГ на различных этапах развития языка, особенности их эволюции в современном немецком и русском языках (Ш. Р. Басыров [9; 10]; В. В. Климов [62]; И. И. Срезневский [124]);

2) изучение отношения РГ к залогам и, в частности, исследование синонимии некоторых РГ и их рефлексивных конструкций с пассивными конструкциями (ПК) (А. В. Бондарко [20;21]; К. Brinker [165]; G. Helbig [178]; D. Schulz [188]);

3) изучение статуса РП в структуре РГ и рефлексивных конструкций (Б. Ю. Норман [92]; J. Buscha [168; 169]; G. Helbig [178]);

4) изучение семантики РГ и образуемых ими рефлексивных конструкций (В. Д. Девкин [42]; Э. И. Королев [73]);

5) референтная семантика русского возвратного местоимения *себя* (Г. И. Берестнев [13]; А. Е. Кибрик, Е. А. Богданова [60]);

6) сопоставительное и типологическое изучение РГ (Э. Ш. Генюшене [33; 35]; Ю. П. Князев [63; 64]; В. П. Недялков [89]; M. Gündoğdu [176]; Ш. Р. Басыров [9]).

В нашу задачу не входит рассмотрение различных точек зрения по всем выше перечисленным проблемам. Остановимся на основных подходах к изучению немецких и русских РГ и их классификациях.

1.1.1 В *немецком языке* глаголы с местоимением *sich* представляют собой в семантическом плане неоднородный класс языковых единиц, которые

объединены общим структурным признаком. Поэтому, в грамматиках и в специальных исследованиях представлены различные подходы и классификации немецких РГ.

Так, в грамматиках Дудена [209; 210], В. Шмидта [190], В. Юнга [180], а также в словаре Э. Матера «*Deutsche Verben*» [214, с. 1–6] в основу классификации немецких рефлексивов положен *формальный* критерий. В соответствии с данным признаком все немецкие РГ делятся на *истинные рефлексивные глаголы* или *собственно-рефлексивные глаголы* (*echte reflexive Verben*), которые употребляются всегда с местоимением *sich* (нем. *sich schämen* ‘стыдиться’) и *неистинные рефлексивные глаголы* или *несобственно-рефлексивные глаголы* (*unechte reflexive Verben*), имеющие также *нерефлексивный* коррелят типа *sich waschen* ‘мыться’ – *waschen* ‘мыть’. Исследователи отмечают, что у собственно-рефлексивных глаголов местоимение *sich* образует с глаголом неразрывное единство, поэтому они не могут сочетаться с прямым дополнением [180, с. 198]. Напротив, у несобственно-рефлексивных глаголов местоимение *sich* рассматривается как прямое дополнение и к ним могут присоединяться другие дополнения [180, с. 198]. Например:

(1) нем. *Das Mädchen wäscht sich und das Kind* ‘Девочка моет себя и ребенка’ [Инф.].

Данная классификация вызывает у многих германистов справедливую критику, поскольку она не позволяет четко и полностью разграничить немецкие РГ (J. Buscha [168, с. 152]; G. Helbig [178, с. 78, 79], D. Schulz [188]). Так, РГ *sich fürchten* ‘бояться’ с позиций выше рассмотренной классификации является несобственно-рефлексивным глаголом, так как он может употребляться и без рефлексивного местоимения – нем. *j-n. fürchten* ‘пугать кого-л.’ Однако, между этой парой глаголов существует одновременно как формальное, так и семантическое различие, о чем свидетельствует, в частности, различное отношение данных глаголов к тесту на подстановку однородного члена – дополнения [А. А. Бернацкая [14, с. 13], ср. (1) с данным неправильным примером:

(2) нем. *Ich fürchte mich und ihn* ‘Я пугаю себя и его’ [Инф.].

Г. Пауль использует при классификации немецких РГ два критерия – формальный и семантический [185, с. 133–137]. Учитывая степень спаянности глагола с местоимением *sich*, исследователь выделяет следующие четыре группы рефлексивных глаголов:

1) глаголы, которые не употребляются без местоимения *sich* („die bloß reflexiv gebrauchte Verben“) (нем. *sich schämen* ‘стыдиться’);

2) глаголы, которые могут употребляться и без местоимения *sich*, обнаруживая при этом заметные семантические различия (нем. *betragen* ‘составлять’ → *sich betragen* ‘вести себя’);

3) глаголы, которые служат заменой соответствующих интранзитивных глаголов (*sich in etwas bohren* ‘сверлить что-л.’);

4) глаголы, которые употребляются в сходном, но не в тождественном с интранзитивными глаголами значении, ср.: нем. *sich in etwas stürzen* ‘броситься куда-л.’ (намеренное действие субъекта) → *in etwas stürzen* ‘упасть куда-л.’ (ненамеренное действие).

Заслуживает внимание классификация немецких РГ, предложенная А. А. Бернацкой [14, с. 5–28]. Данная классификация исходит из деления РГ на (от)объектные и (от)субъектные [161]. В работах А. А. Бернацкой немецкие РГ рассматриваются т. о. в составе образуемых ими рефлексивных конструкций (РК) и соотносятся с переходными нереплексивными конструкциями (НК). По признаку совпадения/несовпадения подлежащего в НК и РК выделяются модели субъектного (см. ((3))) и объектного (см. (4)) типов, например:

(3) нем. а. *Er duckt den Kopf* ‘Он нагибает голову’ → б. *Er duckt sich* ‘Он нагибается’ [14, с. 13].

(4) нем. а. *Man öffnet die Tür* ‘Дверь открывают’ → б. *Die Tür öffnet sich* ‘Дверь открывается’ [14, с. 20].

Для моделей субъектного типа, по мнению А. А. Бернацкой, характерным является соотнесенность грамматических субъектов в исходной и производной конструкциях. В этой связи исследовательница выделяет три модели в порядке утраты рефлексивным местоимением *sich* свойств объекта-дополнения:

1) Данная модель имеет следующий вид: $S_{V_t} - S_{V_r}$, где S – субъект подлежащее, V_t – транзитивный глагол, V_r – рефлексивный глагол (см. (3)).

В РК (3б) прямое дополнение НК (3а) (*den Kopf*) сокращается, а его место занимает местоимение *sich*. Смысловая связь местоимения *sich* с элиминированным прямым объектом полностью не исчезает в силу партитивных отношений (целое-часть) между человеком (его телом) и частью (голова).

2) Вторая модель в концепции А. А. Бернацкой схематично совпадает с первой: $S_{V_t} - S_{V_r}$. Приведем ее пример:

(5) нем. а. *Sie legt das Kind ins Bett* ‘Она укладывает ребенка в постель’ → б. *Sie legt sich ins Bett* ‘Она ложится в кровать’ [14, с. 16].

В приведенных конструкциях подлежащие совпадают, однако, в НК (5а) одушевленный субъект каузирует одушевленному дополнению признак «изменение положение», а в РК (5б) одушевленный субъект называет носителя имманентного признака «процесс».

3) В следующей модели типа $S_{V_t} - S_{V_r}$, $O_{V_t} - präp + O_{V_r}$, где O_{V_t} – объект переходной НК, $präp + O_{V_r}$ – предложное дополнение в РК:

(6) нем. а. *Er rächt den Tod des Vaters* ‘Он мстит за смерть отца’ → б. *Er rächt sich für den Tod des Vaters* ‘Он мстит за смерть отца’ [Инф.].

В приведенном примере третьей модели имеет место сохранение всех синтаксических актантов исходной НК: грамматические субъекты в НК и РК полностью совпадают, прямое дополнение исходной НК (*den Tod* ‘смерть’) трансформируется в предложно-косвенное дополнение в РК (*für den Tod* ‘за смерть’). В РК (6б) рефлексивное местоимение *sich* полностью утрачивает свойства объекта и не соотносится с прямым дополнением.

Что касается объектного типа, то здесь А. А. Бернацкая выделяет две модели, общим признаком которых является соотнесенность подлежащего РК с прямым дополнением НК [14, с. 20]. В рамках данного типа лингвист выделяет две модели.

В первой модели (см. (4)) подлежащее РК совпадает с дополнением НК. При этом в РК сема *каузировать* исчезает, так как отсутствует каузирующий элемент.

Вторая модель объектного типа ($O_{vt} - S_{vt}, S_{vt} - präp + O_{vt}$) иллюстрируется следующим примером:

(7) нем. а. *Die Pfützen spiegeln den Himmel* ‘Лужи отражают небо’ → б. *In den Pfützen spiegelt sich der Himmel* ‘В лужах отражается небо’ [14, с. 22].

В данном примере подлежащее в РК (7б) соответствует грамматическому объекту НК (7а), а предложное дополнение в РК (7б) – подлежащему НК (7а).

Сходная схема описания рефлексивов представлена и в типологической классификации РГ/РК, предложенной В. П. Недялковым [90; 91], которая строится на двух признаках – семантическом и синтаксическом. Выделяются т. о. три типа РГ:

1) *субъектный тип РГ*, у которых субъект действия, выраженный в РК подлежащим, совпадает с субъектом действия, выражаемым в НК подлежащим (см. (3));

2) *объектный тип РГ*, у которых субъект действия, выражаемый в РК подлежащим, совпадает с объектом действия, выражаемым в НК подлежащим (см. (4));

3) *деагентивный тип РГ*, у которых субъект действия, не занимающий позиции подлежащего в РК, совпадает с субъектом НГ, выраженным в НК подлежащим, например:

(8) нем. а. *Er sitzt in Sessel* ‘Он сидит в кресле’ → б. *In diesem Sessel sitzt es sich bequem* ‘В этом кресле сидеть (букв. сидится) удобно’ [Инф.].

По характеру отражения в РК прямого дополнения в *субъектном типе* выделяются следующие смысловые группы [43, с. 25–29]: 1) взаимные или рефлексивно-реципрокные РГ, содержащие в своем значении смысл друг друга (*sich küssen* целоваться, т.е. целовать друг друга); 2) собственно-рефлексивные глаголы, имеющие дополнительное значения себя (см. (1)); 3) собственно-посессивные, описывающие примерно одинаковую ситуацию с соотносительными НГ (см. (3)); 4) рефлексивно-моторные (или автокаузативные) РГ, у которых субъект и объект действия полностью идентичны, а значение РГ невозможно описать естественным образом через значение НГ:

(9) рус. а. *Он поднял чемодан на второй этаж* → б. *Он поднялся на второй этаж*, в. *Он поднял себя на второй этаж [43, с. 27]:

В свою очередь, *объектный тип* РГ распадается на следующие смысловые группы:

1) *декаузативные РГ*, утрачивающие по сравнению с НГ смысл каузировать (см. (4));

2) *собственно-конверсивные РГ*, сохраняющие смысл НГ:

(10) нем. а. *Die Pfützen spiegeln den Himmel* ‘Лужи отражают небо’ → б. *In den Pfützen spiegelt sich der Himmel* ‘В лужах отражается небо’ [14, с. 22].

3) *квазиконверсивные РГ*, которые утрачивают смысл *каузировать* и факультативно выражают субъект действия из НК косвенным дополнением или обстоятельством:

(11) рус. а. *Снег провалил крышу* → б. *Крыша провалилась под снегом* [43, с. 28]:

Деагентивный тип РГ разбивается на две группы [118, с. 30–31]:

1) *субъектно-модальные РГ*, в которых содержится модальная характеристика субъекта действия (см. (5));

2) *объектно-модальные РГ*, в которых содержится модальная характеристика объекта действия:

(12) нем. а. *Das hast du gut gesagt* ‘Ты сказал об этом хорошо’ → б. *Das sagt sich leicht* ‘Это легко сказать’ [Инф.].

Сходной классификации рефлексивов придерживается в своей работе и Э. Ш. Генюшене [32, с.160–185], анализируя выше перечисленные смысловые группы РГ в плане диатезного преобразования.

1.1.2 В ряде работ, посвященных РГ, определяются условия и факторы, способствующие и, наоборот, препятствующие образованию рефлексивов (В. Д. Девкин, Н. Я. Янко-Триницкая, G. Stötzel, G. Helbig, J. Buscha, D. Schulz [42; 161; 192; 178; 168; 169; 188]). В этой связи исследователи указывают на некоторые факторы, ограничивающие деривацию РГ:

1) значение производящей основы (НГ). Это ограничение носит в основном внелингвистический характер, т. е. связано с реальной объективной действительностью. Так, от переходных глаголов типа *завоевать что-л., покидать кого-л., что-л., посещать кого-л., арестовать кого-л.* в русском и немецком языках невозможно образовать РГ, действия которых были бы направлены на самого субъекта, так как это не соответствует реальной действительности.

2) существуют транзитивные глаголы, способные употребляться также интранзитивно. Так, немецкие переходные глаголы *etwas anfangen* ‘начинать что-л.’, *etwas aufrüsten* ‘вооружать что-л.’ отсутствуют соответствующие РГ **sich anfangen, *sich aufrüsten*, так как в языке функционируют их интранзитивные корреляты *anfangen* ‘начинаться’, *aufrüsten* ‘вооружаться’.

3) К возможным ограничениям относится также сочетаемость глагола только с неодушевленным дополнением [89].

4) Образованию РГ могут препятствовать нормы языка (языковой узус), недостаточная активность соответствующего типа РГ [89].

1.1.3 В *русском языке* глаголы с постфиксом *-ся* традиционно именуется терминами «возвратный залог» или «возвратные глаголы» [29; 30; 153; 101]. Для удобства изложения и описания мы будем, однако, использовать в работе единый для двух сопоставляемых языков термин – «рефлексивный глагол».

В русистике РГ рассматриваются двояко:

1) как словообразовательный класс, который полностью исключается из сферы залога;

2) как промежуточный класс между формами действительного и страдательного залога.

Первую точку зрения на русские РГ как словообразовательный класс занимает Н. А. Янко-Триницкая, которая, однако, включает сюда также РГ со страдательным значением [161, с. 21–23, 88–90, 130].

Другая группа исследователей рассматривают РГ как промежуточный класс глаголов между формами действительного и страдательного залога и выделяет у

глаголов с частицей *-ся* различные типы значения [21, с. 223–244; 51, с. 356; 128; 29, с. 630–635; 101, с. 128–136]. В сферу словообразования попадают, в частности:

1) РГ с *собственно-возвратным значением* (глаголы включенно-возвратного объекта или прямо-возвратные глаголы) (*одевать – одеваться; брить – бриться*). В этой связи отметим, что постфикс *-ся* «произошел из отдельного слова путем сцепления с другими словами (ср. древнерусское: *и вълъзоша деревляне, начаша ся мыти*)» [101, с. 129], маркируя т.о. в данных РГ значение *себя*;

2) РГ с *реципрокным значением* (взаимные глаголы или возвратные глаголы включенного/взаимного объекта) (*обниматься, ругаться*);

3) РГ с *обще-возвратным значением* выражают изменения во внутреннем состоянии субъекта (*сердиться, радоваться*);

4) откаузативные (отобъектные) РГ (*крутиться, вращаться*).

По мнению лингвистов, у названных РГ частица *-ся* выполняет словообразовательную функцию, т. е. в большей или меньшей степени изменяет значение производящей основы.

Исследователи отмечают также РГ, образованные путем одновременного присоединения к производящим глаголам (*бегать → набегаться*), именам существительным (*толпа → толпиться*) и прилагательным (*резвый → резвиться*) префикса и/или суффикса и частицы *-ся* [101, с. 135; 73; 151; 9].

В этой связи В. В. Виноградов подчеркивает, что РГ данного способа “еще глубже уходят в лексическую систему языка” [30, с. 638]. У РГ типа *нагуляться, догуляться, отгуляться* исследователь выделяет косвенно-результативно-возвратное значение, которое выражает полноту, исчерпанность проявления действия, удовлетворенность или истощенность субъекта действием, интенсивность захвата субъекта действием [30, с. 636].

1.1.4 В современной лингвистике существует два подхода к определению категории рефлексивности: *семантический подход*, направленный на понимание рефлексивности как семантического явления, когда действие направлено на действующее лицо, которое одновременно занимает роль субъекта и объекта

действия [168, 169; 91] и *морфологический подход*, направленный на выделение производящей основы и формального рефлексивного показателя [161; 33].

Часто оба подхода используются одновременно. Так, В. П. Недялков понимает смысл формальной деривации РГ в маркировании изменения значения, т.е. семантической деривации. В результате такого преобразования может происходить добавление некоторого смысла (например, смысла «себя»), вычитание смысла (обычно каузативного) и одновременное добавление одного смысла и вычитание другого, то есть пересечение значений РГ и его производящего нерелексивного глагола [91].

Среди исследователей семантического подхода выделяются, в частности, и работы А. Исраэли [179], Н. Герритсена [175], С. Кеммер [181], в которых делается попытка сочетать элементы двух предыдущих подходов.

С. Кеммер считает средний залог (медий) универсальной семантической категорией, объединяющей все лексические классы глаголов на *-ся* в разных языках, и описывает десять семантических типов РГ, которые обычно связаны с медиумом. Для С. Кеммер медиопассив – это формальная категория, куда относятся все глаголы, имеющие «средний маркер» – местоимение *себя* в полной форме («тяжелая форма»), и *-ся* в краткой («легкая форма») [181, с. 45–46].

Н. Герритсен утверждает, что «различные виды использования *-ся* («рефлексивные», «средние», «пассивные») являются только контекстно-зависимыми интерпретациями одного инвариантного значения. Инвариантное значение *-ся* может быть описано следующим образом: причинная цепочка события начинается и заканчивается субъектом-референтом, то есть субъектом глагола на *-ся* являются как отправная точка, так и конечная точка. Н. Герритсен рассматривает систему глаголов на *-ся* как континуум от рефлексивного до пассивного, в то время как С. Кеммер рассматривает их как средний залог и объясняет, почему некоторые языки, имеющие медий, стали обозначать рефлексивные, взаимные и другие семантические типы [175; 181].

Так, А. Исраэли считает необходимым провести различие между *-ся*-глаголами, которые можно отнести к медиопассивным, и *-ся*-формами

(пассивами) [179, с. 46–47]. Пассивные формы являются регулярными образованиями от глаголов несовершенного вида без морфемы *-ся*. Таким образом, они рассматриваются как часть *не-ся*-глаголов, потому что парадигма глаголов на *-ся* в какой-то степени представляет собой очень ограниченные лексические классы [179, с. 47]. Чтобы избежать терминологической путаницы из-за двусмысленности, А. Исраэли отказывается от терминов «рефлексивный глагол», «возвратный глагол», поскольку данными терминами называют любой глагол с постфиксом *-ся* [179, с. 48]. Она использует термин «рефлексивный глагол» только для собственно-рефлексивных (т.е. возвратных) глаголов. Это особенно важно потому, что лишь небольшое количество глаголов, имеющих постфикс *-ся* в русском языке, приобретают истинно рефлексивный смысл (т.е. объект = субъект), несмотря на традицию называть такие глаголы возвратными [179, с. 48].

Исследователями рассматриваются различные семантические группы РГ, однако в большинстве классификаций представлены следующие типы РГ: рефлексивные (или возвратные), РГ со значением «партитивный объект», декаузативные рефлексивы (акциональные, эмоциональные и медиальные), бенефактивы, посессивные РГ, консеквенциональные, каузативные, дейктические, волитивные, неконсеквенциональные, рецептивные, квазипассивные, агрессивные и взаимные РГ.

Из сказанного следует, что категория рефлексивности связана как минимум с тремя языковыми уровнями. При этом рефлексивность может трактоваться как формально, так и содержательно. В рамках формального подхода рефлексивами признаются все глаголы, содержащие в своей структуре РП независимо от его значения, а рефлексивными по смыслу являются те глаголы, которые поддаются, в частности, толкованию через производящую основу глагола и смысл *себя* (*одеваться* = *одевать себя*). Рефлексивный смысл глагола передается т. о. через однореферентность двух окружающих его семантических актантов, т. е. субъекта и объекта действия. Иными словами, один референт (участник

описываемой ситуации) соответствует субъекту и объекту действия, т. е. актанты однореферентны.

Такой трёхуровневый подход к рассмотрению РГ в оппозиции с их исходными НГ позволяет соответственно производить и многоступенчатую классификацию РГ, учитывающую морфологический, семантико-синтаксический и референтный уровни.

Морфологическая классификация РГ обращает внимание на наличие или отсутствие производящего слова, его категориальную принадлежность и состав словообразовательного форманта. По признаку наличия или отсутствия производящей основы РГ распадаются на морфологически обратимые, которым в соответствие можно поставить соотносительные производящие основы (рус. *мыть–мыться*; нем. *j-n., etw. waschen → sich waschen* ‘мыть кого-л., что-л.’ → мыться’) и морфологически необратимые (*reflexiva tantum*), не имеющие исходного производящего слова (*бояться – *боять*).

Синтаксическая классификация РГ производится с учетом тех изменений в поверхностной (синтаксической) структуре рефлексивной конструкции (РК), которые связаны с сохранением или изменением количества актантов и их синтаксического ранга в структуре предложения по сравнению с исходной нерефлексивной конструкцией (НК).

Особый интерес представляет семантическая классификация РГ [90; 91; 35; 63; 64]: На широком сопоставительном и типологическом материале исследователи выделяют несколько смысловых классов РГ, в частности:

1) собственно-рефлексивные глаголы, в которых наблюдается полная однореферентность актантов (рус. *Он застрелился*);

2) посессивно-рефлексивные глаголы, где отмечается частичная однореферентность актантов (рус. *Она пудрится*);

3) автокаузативные РГ, субъект которых приобретает также признаки объекта (Он поднимается); При автокаузативном (термин Э. Ш. Генюшене [33], см. также С. С. Сай, К. В. Гото [39]) употреблении рефлексивного постфикса *-ся* субъект самостоятельное изменяет своё состояние, но, в отличие от субъекта РГ,

не оказывает на себя воздействие таким же образом, как субъект соответствующего переходного глагола воздействует на объект: рус. *Иван бросился на амбразуру*.

В данной конструкции субъект действия (*Иван*) не бросает *себя* на амбразуру, как мяч в примере рус. *Иван бросил мяч* (ср. РГ *вытираться, мыться*, где субъект вытирает или моет себя точно таким образом, как при переходных глаголах *вытирать* и *мыть* выполняет это действие над другим объектом). Как утверждают С. С. Сай, К. В. Гото [39], именно это является диагностикой автокаузативного употребления, ср.: рус. *Медвежонок бросился помогать, и они вдвоём еле-еле стянули две половинки Земли и завязали верёвку крепким узлом*. (С. Козлов. Как Ёжик с Медвежонком спасли Волка (2003)) [205]; *Она сразу двинулась к окну и хотела отодвинуть штору*. (А. Геласимов. Фокс Малдер похож на свинью (2001)) [205].

Автокаузативное употребление свойственно глаголам движения: рус. *кинуться, броситься, двигаться, повернуться, отвернуться, дёрнуться, потянуться* и др. К автокаузативам примыкает также глагол *ринуться*, не имеющий невозвратного коррелята.

4) реципрокные РГ (они обнимаются). Сюда включены такие РГ как *встречаться, обниматься, видеться, ссориться, обмениваться* и т.д. Они обозначают взаимное одновременное действие.

Реципрокальными, т. е. взаимными в работе В. П. Недялкова называются конструкции, обозначающие ситуации с двумя или более участниками, при этом каждый из *взаимно-возвратных рефлексивных глаголов* является одновременно и действующим субъектом, и объектом, который подвергается этому действию. Например, глагол *целоваться* описывает ситуацию, в которой два человека целуются и каждый из них является одновременно и тем, кто целует (субъектом), и тем, кого целуют (объектом). Такого типа в русском языке являются и глаголы *обниматься, сцелиться, переписываться, перекликаться* и др. Взаимное значение этих глаголов тесно связано с рефлексивным, поскольку в обоих случаях референт подлежащего совмещает в себе роли субъекта и адресата действия.

Однако в отличие от рефлексивных конструкций, где субъект является адресатом собственного действия, субъект в реципрокальных конструкциях является объектом действия другого субъекта, который, в свою очередь, является объектом идентичного действия со стороны первого субъекта.

Среди РГ Ю. П. Князевым [63; 64] отдельно рассматриваются реципрокальные конструкции, под которыми понимаются только те глаголы, в которых значение взаимности привносится именно постфиксом *-ся*. Среди них выделяются *прямые* и *косвенные реципроки*, а также *посессивный реципрок*.

Для *прямых реципроков* характерно совмещение взаимного значения с абсолютивным (*бодаться, кусаться, клеваться, кусаться, щипаться, царапаться, пихаться, обливаться*). Ср.: рус. *Посмотри, две коровы бодаются* (реципрок); *Будь осторожен, коровы бодаются* (абсолютив).

К *косвенному реципроку* в русском языке относятся РГ, обозначающие особые виды речевой деятельности (рус. *шептаться, шушукаться, аукаться*): а. *Они о чем-то шепчутся*; б. *Она что-то шепчет*.

Такое употребление не характерно для рефлексивных коррелятов других глаголов речевого сообщения (рус. *говорить, кричать, бормотать, бурчать* и т. д.). Вместе с тем от некоторых из них возможно образование мультипликативно-взаимных глаголов типа *переговариваться, перекрикиваться*.

Посессивным реципроком называются конструкции, в которых одушевленные субъект и объект действия связаны между собой, но их атрибуты одновременно находятся друг с другом в отношениях посессивности – они представляют собой часть тела субъекта и объекта, нечто им принадлежащее или находящееся с ними в тесном контакте (рус. *бриться, держаться / хвататься за руки*). Ср., например: рус. *Возьмемся за руки, друзья*.

Мультипликативно-взаимные рефлексивы обозначают действие, которое состоит из неопределенного количества самостоятельных однородных актантов, в результате которого у референтов адресанта и адресата происходит взаимное изменение расположения: рус. *глядеть* → *переглядываться*; *кричать* → *перекрикиваться*; *бросать* → *перебрасываться*. Такие рефлексивы

морфологически образуются при помощи сложного форманта, который состоит из трех компонентов, а именно: 1) рефлексивные маркеры (постфикс *-ся*, префикс *пере-*); 2) полифункциональный суффикс *-ива-*, который также служит для имперфективации глаголов совершенного вида (рус. *перестроить* → *перестраивать*) и для образования многократных глаголов (рус. *ходить* → *хаживать*). Определенная часть мультипликативно-взаимных глаголов морфологически образована от многоактивных глаголов, которые являются таковыми по своей сути (рус. *мигать* → *перемигиваться*; *стучать* → *перестукиваться*), а некоторые из них приобретают семантический эффект многоактности вследствие смены субъектов (рус. *шутить* → *перешучиваться*; *глядеть* → *переглядываться*). Почти все они имплицитно определяют локализацию рефлексивной ситуации в определенном, относительно кратком временном отрезке и возможность наблюдать за её течением. Обособленно от других мультипликативно-взаимных глаголов стоят только глаголы *перезваниваться* и *переписываться*, обозначающие регулярные действия, для реализации которых требуется значительное время.

5) абсолютивные РГ, у которых РП имеет только структурную функцию и не имеет семантической (рус. *Коза бодается*).

б) консеквенциальные РГ;

Н. Герритсен применяет термин *consequential* для группы РГ, ранее известных как РГ косвенно-рефлексивного значения, или «побочно-возвратного значения» [175]. Эта группа включает РГ *держаться*, *взяться*, *цепляться*, *уцепиться*, *хвататься*, *схватиться* и т. д. Значение этих глаголов является следствием действий агенса, который «придерживает себя посредством совершаемого им действия». Консеквенциальные РГ также не упоминаются С. Кеммер [181].

7) каузативные РГ;

Следует упомянуть, что многие каузативные РГ образуют семантические подгруппы, подобные возвратным РГ («уход за телом», «забота о себе» и т. д.): рус. *бриться*, *стричься*, *краситься*, *лечиться*, *обследоваться*, *фотографироваться*

и т. д. К каузативным РГ относятся также глаголы *увольняться, вербоваться, оформляться, прописаться, экзаменоваться, записаться* (на прием, в библиотеку), *смениться* (о смене), *публиковаться, застраховаться* и т. д. Во всех этих случаях действие не выполняется субъектом, но субъект в определенной степени контролирует или инициирует эти действия. В случае реабилитации (*реабилитироваться*) или печати (*печататься*), субъект мало контролирует результат, хотя, несомненно, заинтересован в его достижении. Каузативное действие субъекта заключается только в начале этого процесса. Некоторые РГ могут рассматриваться как глаголы «подозрительной каузации», т. е. то, что субъект каузирует действие представляется сомнительным. Таким примером могут выступать РГ *извиниться, извиняться*, которые Н. Герритсен описывает как «попросить извинить себя». Здесь субъект инициирует действие, но его просьба о прощении не дает автоматически этого прощения, то есть действие по глаголу *извинить* и его результат находятся в чужих руках.

8) агрессивные РГ; Эта группа включает в себя тридцать восемь глаголов в таких конструкциях, как рус. *Собака кусается; Корова бодается; Бабушка ругается* и т. п. Такие РГ называют еще «глаголами с активно-безобъектным значением» (В. В. Виноградов), «объектно-имперсональными глаголами» (А. А. Холодович), «абсолютивными рефлексивами» (Э. Ш. Генюшене). Данные конструкции относятся не к общей, а к определенной агрессивной деятельности, которая требует цели.

Представленные выше классификации РГ находят свое отражение в настоящем исследовании. Собственно-рефлексивные глаголы, характеризующиеся элиминацией прямого дополнения и полной однореферентностью субъекта и объекта действия, а также посессивно-рефлексивные глаголы, у которых элиминация дополнения кодирует запрет на выражение объекта, а субъект и объект действия частично кореферентны, мотивируются определенным набором лексико-семантических групп, обозначающих, в частности, действие субъекта над телом, личностью, внешностью, одеждой, чувствами человека.

Изучение взаимоотношения структурных компонентов в составе РГ, а также деривационных связей РГ и их производящих основ приводит многих исследователей к закономерному выводу о том, что РП в структуре глагола (в том числе, постфикс *-ся* и немецкое *sich*) соотносятся с рефлексивным (возвратным) местоимением *себя*, охватывая в целом такой набор семем как «тело», «часть тела», «человек», «душа», «свой» [9; 31]. Актуализация той или иной семы в структуре РГ определяется принадлежностью производящего глагола к конкретной лексико-семантической группе. Добавим, что во многих языках мира возвратные местоимения этимологически восходят к именам существительным с различными значениями: ‘душа’ (ср.: япон. *zi-sin*, араб. *nafsun*), ‘тело’ (ср.: индонез. *diri*, груз. *tviton*), ‘глаз’, ‘лицо’, ‘голова’, ‘человек’, ‘личность’ [81, с. 266–271; 118, с.55]. Венгерское возвратное (а также личное) местоимение *maga* ‘сам’, ‘Вы’ происходит от слова со значением ‘туловище’, ‘сердцевина’, а мордовское возвратное местоимение *pr'a* – от слова *pr'a* ‘голова’, марийское *ške* ‘сам’ – от слова со значением ‘душа’ [81, с. 45].

Необходимо также отметить, что вопрос о функции и характере постфикса *-ся* часто решается лингвистами через сопоставление РГ и соответствующих им НГ. Это позволяет установить, является ли глагол с постфиксом *-ся* формой соответствующего НГ и тут следует говорить о словоизменительной функции постфикса *-ся* или РГ является производной самостоятельной лексической единицей, в структуре которого аффикс *-ся* реализует словообразовательную функцию.

В немецкой и русской лингвистической литературе описываются и другие способы выражения рефлексивности, в частности, местоимения и личные формы, прямообъектные конструкции с названием частей тела, лексемы с инкорпорированным *selbst*, которые указывают на их взаимосвязь (Н. А. Янко-Триницкая [161], Ю. Д. Апресян [6; 7], Е. В. Падучева [95; 96; 97; 98; 99]; А. Е. Кибрик [60; 61], G. Stötzel [192]). Тем не менее, в качестве отдельной сущности категория возвратности не рассматривается, а средства ее выражения изучаются в большинстве случаев лишь частично, а их грамматические значения невыводимы из лексических значений и не могут быть связаны воедино.

По мнению В. В. Волоховой, референтом рефлексивного местоимения *sich* является лицо, которое производит действие. За денотативную семему автор принимает «человека как целое (единство тела и души), кореферент имени объекта». В то же время лексема *себя* реализует эту семему в сочетаниях по типу *называть себя, помнить себя* [31].

В результате метонимического переноса семема «целое → часть целого» («человек → тело человека», «человек → психологический мир человека/душа») позволила В. В. Волоховой выделить две денотативные семемы «тело человека» и «душа человека». Идея о разделении физических и ментальных предикатов в языке, и, тем самым, сем «личность» и «тело» у существительных типа *человек, мужчина, женщина* принадлежит исследователю А. Wierzbicka [197].

Как было показано выше, с этимологической точки зрения также подтверждается факт наличия у местоимения *себя* нескольких значений. Во многих языках мира рефлексивно-определительные местоимения и рефлексивные местоимения берут своё начало от слов, обозначающих «голова», «тело», «душа» [81]. В лексеме *себя*, к примеру, в предложно-падежных формах *притянуть к себе, поставить около себя* и т. д. реализуется значение «тело».

В случаях употребления местоимения *себя* с глаголами, которые обозначают рациональное и эмоциональное состояние человека, волевое поведение, можно говорить о семеме Д2 «душа», к примеру, *знать себя, любить себя* и др.

Анализ лексемы *себя*, предпринятый В. В. Волоховой [31], показал обладание данной лексемой собственным, вне зависимости от контекста значением – семема Д1 «человек как единое целое, кореферент имени субъекта». Значение возвратного местоимения зависит, с одной стороны, от значения предложно-падежной формы, в которую входит местоимение *себя*, и подчиняющегося глагола, с другой стороны, от значения субъекта подлежащего. На семантику подчиняющегося глагола оказывает влияние и рефлексивное местоимение. К примеру, часть глаголов зрительного восприятия и восприятия речи переходят в группу «мыслительная деятельность», т. е. лексико-семантическую (рус. *увидеть себя со стороны*). С точки зрения развития

семантики, возвратное местоимение *себя* имеет несколько ветвей развития и является многозначным. Путём метонимических переносов семема Д1 даёт развитие четырем семемам Д2, а именно: «тело» (*принести с собой пистолет*), «душа» (*лелеять в себе неприязнь*), «хозяин помещения, территории (*ходить у себя по дому*), «узкая группа людей, в которую входит субъект» (рус. *Между собой они называли его «секретным»*) (А. Н. Толстой. *Хождение по мукам*) [205]).

Семантический анализ лексемы *sich* в РК позволил выявить общее в развитии семантики рефлексивных местоимений в исследуемых языках (немецком и русском), в особенности в области денотативных значений: В. В. Волохова выделяет семемы 'человек, кореферент имени субъекта', 'тело человека', 'душа человека', 'человек – хозяин, владелец помещения', 'группа людей, к которой принадлежит субъект' [31, с. 42].

В целом рассмотренные выше классификации немецких и русских РГ/РК, их типы и смысловые группы представляют интерес для целей нашего исследования в плане возможного использования рассмотренных критериев и признаков для отбора материала, его классификации и описания с позиций теории диатез и залогов.

1.2 Функционально-семантическое поле возвратности в немецком и русском языках

В современной лингвистике наряду с уровневым подходом к изучению категории рефлексивности (возвратности) получил развитие и функционально-семантический подход, учитывающий взаимодействие разноуровневых средств языка: морфологических, синтаксических, семантических, словообразовательных, лексикологических и фразеологических (А. В. Бондарко [19; 20; 21; 22], Е. В. Корнева [72], Э. Ш. Генюшене [32; 33; 34; 35] и др.).

Исследование категории рефлексивности проводилось, с одной стороны, в рамках типологического изучения языков (Э. Ш. Генюшене [33], В. П. Недялков [89], В. С. Храковский [143]), а с другой, в плане разработки теории функциональной грамматики (А. В. Бондарко [21], М. А. Шелякин [155]).

Отсутствие однозначного соответствия между категорией рефлексивности и средствами ее выражения (в первую очередь, между РГ и рефлексивными местоимениями), обусловило два подхода к изучению данной категории:

1) узкого семантического, при котором рефлексивность понимается как направленность действия на самого производителя, выступающего одновременно субъектом и объектом данного действия (В. П. Недялков [89; 90; 91], G. Stötzel [192], G. Helbig [178], J. Buscha [168; 169])

2) широкого формального, учитывающего лишь наличие в структуре глагола формального маркера рефлексивности (Н. А. Янко-Триницкая [161], W. Schmidt [190]).

Основными средствами выражения категории рефлексивности в лексической системе немецкого и русского языков являются РГ и рефлексивные местоимения *sich* и *себя* (-ся). Некоторые исследователи (Е. В. Корнева [67], A. Wierzbicka [197]) пытаются выявить специфику функционально-семантического поля рефлексивности с использованием метода семемного анализа по денотативной и конотативной составляющей (Д/К), предложенного М. М. Копыленко и З. Д. Поповой [66]. Так, в семантической структуре русского местоимения *себя* выявляются, в частности, следующие семы: 1) сема «человек как целое, единство души и тела», ср. в русском языке следующие предложно-падежные сочетания *оставить около себя, притянуть к себе, подогнуть под себя ноги*; сема «тело» обнаруживается и у РП -ся / *sich* в примерах типа: *одеваться* → *одевать*; *sich stützen* опираться → *stützen* опереть; 2) сема «душа», при сочетании местоимения *себя* с глаголами эмоционального и рационального состояния человека: *любить себя, ненавидеть себя, знать себя* [67], ср. также следующие русские и немецкие РГ, в которых РП ассоциируется с воздействием человека на духовно-мыслительную сферу: рус. *сдерживаться* – нем. *sich beherrschen*; 3) сема «свой»: *собираться*, т.е. собирать свои вещи.

К некатегориальным средствам выражения рефлексивности относятся в русском языке возвратно-притяжательное местоимение *свой*, а в немецком – притяжательные местоимения *mein, dein, ihr, unser, euer, ihr*. Некоторые

исследователи включают в сферу рефлексивности также прямообъектные конструкции с партитивными именами существительными, например:

(13) рус. *Он вымыл руки* [205];

(14) рус. *Она напудрила лицо* [205].

В этой связи в немецком языке предлагают разграничивать эксплицитную и имплицитную рефлексивность [182], например:

(15) нем. *Ich wasche die Hände* (имплицитная рефлексивность) [Инф.];

(16) нем. *Ich wasche mir die Hände* (эксплицитная рефлексивность) [Инф.].

Немецкий лингвист Г. Штетцель считает, что значение рефлексивности реализуют также композиты с первым компонентом *selbst-*, которым в соответствие можно поставить конструкции *глагол + рефлексивное местоимение sich* типа *Selbstmord* (самоубийство) *begehen* – *sich töten* ‘совершить самоубийство, убить себя’, *Selbstaufopferung* (самопожертвование) – *sich aufopfern* ‘пожертвовать собой’ [192, с. 163–164]. Аналогичные дериваты встречаются и в русском языке, это образования с первыми компонентами *само-*, *себя-* (самолюбие, самоотдача, самоубийство, себялюбие и др.), возникшие по модели X [самого себя], X [сам себя], [X сам] *себя* [60, с. 44–45].

Изучение функционально-семантической категории рефлексивности в сопоставительном плане приводит исследователей к выводу о том, что ядро поля рефлексивности (возвратности) в русском и немецком языках заметно различается: рефлексивное значение в немецком языке тесно связано с такими категориями глагола, как лицо и число, поэтому ядро функционально-семантического поля глагола репрезентирует личные местоимения (Personalpronomen) в аккузативе (нем. *mich, dich, uns, euch*), в то время как в русском языке конститuentом ядра является генетически родственный доминант постфикс *-ся* [67].

В обоих языках в зону ближней периферии попадают языковые средства, которые помимо значения рефлексивности выражают посессивные отношения, значение адресата, произвольность действия и другие. В немецком языке функционально-семантическое поле рефлексивности включает многочисленные

аналитические рефлексивные конструкции с глаголом *lassen*, субъект которых побуждает кого-либо воздействовать на себя, т.е. является одновременно источником каузации (нем. *sich schneiden /frisieren lassen* ‘подстригаться (у парикмахера)’, *sich fotografieren lassen* ‘фотографироваться (у фотографа)’, *sich kurieren lassen* ‘лечиться (у доктора)’ [90]. Напротив, в русском языке аналогичные конструкции отсутствуют, а сходный смысл приписывается, в частности, автокаузативным (моторным) РГ типа *подниматься*, в которых постфикс *-ся* выступает в функции тело, а смысл всего глагола означает «как бы каузировать свое тело подняться» [33].

Различие функционально-семантического поля рефлексивности в немецком и русском языках связаны также с различным набором значений у РП *-ся* и *sich*: в немецком языке отсутствуют РГ с абсолютным значением и РГ, обозначающие действия над собственными вещами, напротив, в русском языке они отмечены (рус. *Козел бодается; Мел пачкается; разг. укладываться, стелиться, убираться – укладывать/убирать свои вещи, стелить постель*).

В языке поле возвратности также находится во взаимодействии с некоторыми другими функционально-семантическими полями, а именно: с полями персональности, субъектности/объектности, взаимности, активности-пассивности и possessивности.

1.3 Отношение РГ к залогу

Одной из сложных проблем при исследовании РГ является проблема отношения РГ к залогу (А. В. Бондарко [19]; В. В. Виноградов [30]; G. Helbig [178]). Сложность данной проблемы обуславливается основными аспектами изучения языка в их взаимосвязи, а именно:

1) с морфологией, т.е. с исследованием морфологических способов образования РГ и пассивных форм глагола;

2) с синтаксисом, в плане выявления изменений валентности при образовании РГ и пассива;

3) с семантикой, в плане изучения семантических отношений между НГ и РГ, а также исследования значения активных и пассивных конструкций (соответственно: АК и ПК).

РГ и пассивные формы глагола характеризуются наличием общего признака, а именно: изменением синтаксических свойств исходного глагола, т.е. НГ и глагола в форме действительного залога в сторону понижения их валентности. РГ и пассивная форма глагола подводятся, таким образом, под более общую категорию – категорию рецессивности, при которой у производных глагольных конструкций наблюдается по сравнению с исходной глагольной конструкцией понижение валентности глагола (элиминация синтаксических актантов) или понижение их синтаксического ранга [43, с. 21; 128, с. 273, 286]. Ср.:

(17) рус. *открывать* (например, дверь) → *открываться* (о двери), аналогично: нем. *öffnen* → *sich öffnen* (у НГ происходит элиминация 1-го актанта, а объектная валентность переходит в субъектную);

(18) нем. *etw. rächen* ‘мстить за что-л.’ → *sich für etw. rächen* ‘мстить за что-л.’; рус. *хватать что-л.* → *хвататься за что-л.* (понижение синтаксического ранга: аккузативное дополнение НГ переходит в предложное дополнение в РГ).

В русском языке один и тот же РП, т.е. постфикс *-ся*, используется как для образования РГ, так и для маркировки пассивного залога.

Рефлексивность часто понимают с точки зрения словообразования, в этом случае ученые выделяют особый вид возвратных глаголов, в пределах категории залога, и имея синтаксический характер, который в целом свойственен предложениям. И все же, в исследованиях возвратных конструкций, центральное место занимает их семантика, так как между направленностью деяние, которое понимается как категория возвратности, на само действующее лицо, т.е. объектом и субъектом [168; 169; 43; 192], «возвратными глаголами» и местоимениями нет семантических корреляций. Именно поэтому огромное количество отечественных и немецких ученых рассматривают возвратные структуры, исходя из наличия формальной возвратности, и исходя из этого выделяют отдельный класс возвратных глаголов, возвратно-пассивные конструкции и возвратный залог.

Если речь идет о немецком языке, то в нем возвратность часто рассматривается в качестве свойства глаголов, которые разделяют на формально-рефлексивные, в которых частица *sich* является составной частью глагола (нем. *sich beeilen* ‘торопиться’, *sich befinden* ‘чувствовать себя; находиться’, *sich verlaufen* ‘заблудиться’, *sich begeben* ‘направляться’), затем собственно-возвратные, в которых местоимение *sich* может заменяться на другие не идентичные с субъектом объектом в дательном или винительном падежах, так как в этом случае данное возвратное местоимение может употребляться свободно (нем. *sich waschen* ‘мыться’, *sich schaden* ‘вредить себе’ и др.), и, наконец, взаимно-возвратные.

Тем не менее, в современном немецком языке языковым фактам всецело противоречит принятие особого подвида рефлексивных глаголов и их разновидностей. Дело в том, что в собственно-рефлексивных и взаимно-рефлексивных глаголах местоимение *sich* является валентностно обусловленным актантом при акциональном глаголе. В таком случае, данное местоимение входит не в структуру самого глагола, но в структуру всего предложения, замещая при этом дополнение (прямое или косвенное). Исходя из вышесказанного, рефлексивность является не свойством глагола, а свойством всего предложения.

Из сопоставлений высказываний с *sich* и без него: нем. *Ich wasche das Kind* ‘Я мою ребёнка’ и *Ich wasche mich* ‘Я моюсь, т.е. мою себя’ следует, что значение глагола с *sich* полностью совпадает со значением глагола без *sich*. При формально-рефлексивных глаголах местоимение *sich* имеет иное расположение, а, следовательно, иной статус; *sich* не отвечает за анафорические функции, так как данные глаголы неакциональны, они не в состоянии возвращать действие на субъект, и, следовательно, одновалентны (не требуют дополнения в Дативе и Аккузативе) и их нельзя рассматривать в рамках категории рефлексивности.

Судя по всему, данное обстоятельство привело к пониманию некоторыми учеными, таких как В. П. Недялков [43; 89; 90; 91], В. С. Храковский [118; 142; 143; 144; 145], Э. Ш. Генюшене [32; 33; 34; 35] и др. о невозможности трактования категории рефлексивности в рамках лексического значения глагола и

способствовало поискам возвратности в пределах категории залога, что является характерным для грамматики русского языка.

В лингвистике существуют три основные точки зрения относительно места РГ в системе залога. Выбор того или иного подхода в целом зависит от избранной автором концепции залога, а также от критериев отграничения грамматической категории залога как сферы словоизменения от словообразования.

В грамматике Дуден приведено основополагающее отличие между пассивными конструкциями и «возвратно-пассивными», а именно: невозможность обозначить агенса в рефлексивных конструкциях, в отличие от пассивных конструкций. В немецкие РК типа *Die Tür wird geöffnet* ‘Дверь открывается’; *Das Kind wird gewaschen* ‘Ребенок моется’ можно подставить агенса: *Die Tür wird vom Vater geöffnet* ‘Дверь открывается отцом’; *Das Kind wird von seiner Mutter gewaschen* ‘Ребенок моется матерью’. В пассивных конструкциях не просто подразумевается или предполагается действующий субъект, но и при необходимости возможно подставить его в высказывание, в то время как в конструкциях с *sich* действующий субъект не предполагается. Местоимение *sich* в таких конструкциях не сигнализирует о возврате действия на того, кто производит действия, так как само событие не рассматривается как действие, и, следовательно, *sich* не является рефлексивным местоимением. Как справедливо замечает В. В. Волохова, «возвратно-пассивные» конструкции не должны рассматриваться в рамках пассивности, рефлексивности, так как событие не вербализуется через предикат действия [31].

Таким образом, попытки лингвистов внести ясность в вопрос о семантике конструкций с *sich*, весьма неоднозначны и расплывчаты, так как исследуемые структуры часто рассматриваются поверхностно. Для того, чтобы определить семантико-синтаксические модели данных конструкций, необходимо проанализировать их с точки зрения семантического синтаксиса и когнитивной грамматики.

1.3.1 В рамках первой точки зрения РГ рассматриваются как третий залог наряду с действительным (активом) и страдательным (пассивом). В русском

языкознании данный подход представлял А. А. Шахматов [153]. Русский ученый называет “те различные произведенные от одного и того же глагола образования, в которых обозначаются различного рода отношения действия / состояния, выраженного глаголом, к его субъекту” [153, с. 188]. По мнению исследователя, действительный залог обозначает “что действие / состояние происходит от самого субъекта, а у страдательного залога действие переходит на субъект предиката с другого (психологического) субъекта” [153, с. 189]. С действительным залогом А. А. Шахматов соотносит также средний залог, обозначающий, что “действие / состояние, выраженное глаголом действительного залога, подверглось тому или иному изменению в отношении его к субъекту, причем это изменение внесено в него частицей *-ся*” [153, с. 189]. У глаголов среднего залога исследователь выделяет следующие группы РГ:

1) собственно-возвратные глаголы, соотносительные с переходными глаголами действительного залога и обладающие следующим набором значений:

- возвратно-переходное (рус. *Она моется*);
- возвратно-непереходное (рус. *Собака кусается*);
- возвратно-взаимное (рус. *Они познакомились*);
- возвратно-общее (рус. *Он сердится*);

2) средние РГ, которые соотносятся с непереходными глаголами и обнаруживают следующие значения:

- усилительное (рус. *хвастаться, стучаться*);
- определительное (рус. *белеться, краснеться* и т.д.).

В русской лингвистике выделяют действительный, страдательный и средне-возвратный залогом. У глаголов средне-возвратного залога, основным признаком которых является сосредоточенность действия на самом производителе, имеются следующие значения:

1) возвратное (собственно-возвратное или прямо-возвратное) значение, при котором субъект и объект действия совпадают (рус. *бриться*);

2) взаимное (или взаимно-возвратное) значение, которое обозначает действие двух или нескольких лиц, являющихся одновременно субъектом и объектом действия (рус. *биться*);

3) косвенно-возвратное значение, обозначающее действие, совершаемое субъектом в своих “интересах” (рус. *Колхоз уже отсекся*).

4) общевозвратное значение, характеризуемое отсутствием объекта при глаголе (рус. *остановиться*);

5) активно-безобъектное значение свойственно глаголам, выражающим действие, которое является привычным для субъекта (рус. *Собака кусается*).

Названные три залога выделяет также Е. В. Падучева, но трактует их несколько иначе [98, с. 217–236]. Страдательный и возвратный залоги рассматриваются как производные залоги от исходного синтаксического употребления лексемы, т. е. залогово немаркированной словоформы, у которой каждой семантической валентности соответствует синтаксический актанта [98, с. 223]. У форм возвратного залога исследовательница выделяет собственно-возвратное и взаимное значения. При этом возвратный залог в собственно-возвратном значении обозначает референциальное тождество соответствующего семантического актанта с субъектом (рус. *Он повесился*) [98, с. 225]. Подлежащее в возвратном залоге с взаимным значением обозначает одновременно семантический субъект одного действия и объект другого одноименного действия (рус. *Петя и Маша поцеловались* = Петя поцеловал Машу + Маша поцеловала Петю).

1.3.2 Вторая точка зрения на соотношение РГ и залога сводится к противопоставлению возвратного залога – невозвратному (Ф. Ф. Фортунатов [136, с. 75]). Под залоговыми формами ученый понимает такие глагольные формы, которые обозначают различное отношение глагольного признака к его субъекту. В основу противопоставления возвратного и невозвратного залогов Ф. Ф. Фортунатов кладет принцип грамматической соотносительности форм, в соответствии с которой формой залога признаются лишь парные глаголы без постфикса *-ся* и с постфиксом *-ся* (рус. *одевать* – *одеваться*, *испачкать* – *испачкаться*). Отсутствие у НГ рефлексивного коррелята

(рус. *ехать, долженствовать*) и, наоборот, у РГ его противочлена без *-ся* (рус. *бояться, стараться*) означает, по Ф. Ф. Фортунатову, что такие глаголы лишены категории залога. При этом у возвратных форм на *-ся* ученый устанавливает следующие значения:

- 1) собственно-возвратное значение (рус. *краситься, пудриться*);
- 2) взаимное или взаимно-переходное значение (рус. *Они ругаются*);
- 3) значение изменения состояния самого субъекта в отличие от соотносительных переходных глаголов, обозначающих каузацию данного состояния (рус. *сердиться – сердить, радоваться – радовать* и т.п.);
- 4) значение действия, рассматриваемого в отвлечении от объекта (рус. *бодаться*);
- 5) страдательное значение (рус. *строиться*).

От данных РГ Ф. Ф. Фортунатов обособляет следующие группы глаголов:

- 1) глаголы, образованные от непереходных глаголов, в которых частица *-ся* выражает усилительное значение (рус. *стареть – стариться*);
- 2) глаголы с *-ся*, которые по своему лексическому значению разошлись с соответствующими глаголами без *-ся* (рус. *стучаться, хвастаться*);
- 3) безличные глаголы с частицей *-ся*, в которых возвратная форма обозначает глагольное действие в отвлечении от субъекта (рус. *не спится, не лежится*).

1.3.3 Наиболее распространенной точкой зрения на соотношение РГ и залога является выделение в залоге актива и пассива (Э. Ш. Генюшине [139, с 203–231]; В. С. Храковский [139, с. 5–45]; В. Адмони [2, с. 177]; W. Jung [180, с. 233–235]; W. Schmidt [190, с. 207–210]. В рамках данного подхода переходные глаголы действительного залога обозначают действие как исходящее от его субъекта, выраженного подлежащим, и направленное на объект действия, выраженного прямым дополнением, ср.:

(19) а. рус. *Учитель хвалит ученика*, аналогично: нем. *Der Lehrer lobt den Schüler* ‘Учитель хвалит ученика’ [Инф.].

У интранзитивных глаголов действительного залога подлежащее является также деятельным субъектом, т. е. обозначает лицо/не-лицо/предмет, выступающие носителем глагольного признака [190, с. 208]:

(20) рус. *Ребенок спит*, аналогично: нем. *Das Kind schläft* [Инф.];

рус. *Собака кусается*, аналогично: нем. *Der Hund beisst* [Инф.];

рус. *Вода поднимается*, аналогично: нем. *Das Wasser steigt* [Инф.].

Напротив, страдательный залог представляет действие, имеющее полярно противоположную действительному залогу направленность, т. е. действие направлено на подлежащее – объект. Ср. АК (19а) и данные ПК:

(21) б. рус. *Ученик хвалится учителем*; нем. *Der Schüler wird gelobt/Der Schüler wird vom Lehrer gelobt* [Инф.].

В немецких грамматиках РГ рассматриваются обычно как формы действительного залога, противопоставленные формам страдательного залога. От РГ, как правило, невозможно образовать пассивные формы:

(22) **Er wird von sich selber geduckt/ *Er wird von sich selber gesetzt* [14, с. 12].

В русистике, начиная с работ М. В. Ломоносова («Российская грамматика, 1775 г.), вплоть до конца 19 столетия, различные семантические классы РГ освещались лингвистами с позиций разных залоговых форм русского глагола. Так, из шести залогов, которые выделял М. В. Ломоносов, три охватывали глаголы с постфиксом *-ся/сь*: возвратный, взаимный и общий залогов. В последующих грамматиках количество залогов варьировалось в зависимости от количества значений у РГ.

В этом отношении показательными являются работы Ф. Ф. Фортунатова [136] и его последователя А. М. Пешковского, который различает в русском языке возвратный и невозвратный залогов [101, с. 113].

Большое количество семантических групп РГ в рамках возвратного залога находим и у В. В. Виноградова [29; 30], придерживавшегося концепции А. А. Шахматова [153].

Можно заключить, что отсутствие у формального показателя четкого и единого значения порождало у лингвистов различные точки зрения на глаголы с

постфиксом *-ся*, побуждая многих учёных рассматривать все возвратные глаголы, независимо от значения РП *-ся*, в качестве отдельного залога.

Можно согласиться с мнением Ю. П. Князева о том, что «РГ являются типичным примером так называемого «списочного» подхода к описанию многозначности, когда отдельные значения просто перечисляются, а связи между ними не устанавливаются» [64, с. 180]. При этом часто у разных авторов классификации строятся на разных признаках или вообще какие-либо признаки для выделения групп РГ эксплицитно не называются. Так, в академической «Русской грамматике» выделение собственно-возвратных и активно-безобъектных РГ производится по значению аффикса *-ся*, а реципрокальных и общевозвратных – по лексическому значению основы, безличных РГ на синтаксическом основе, т.е. отсутствие подлежащего.

А. В. Исаченко одним из первых отметил существование в русском языке только двух залогов: действительного и страдательного, которые включают в себя всю глагольную парадигму [51, с. 356–357]. Он указал, что формальными показателями пассива являются краткая форма причастий в сочетании с формами вспомогательного глагола *быть* и аффикс *-ся*. По его мнению, все остальные глаголы, в том числе и те, которые имеют аффикс *-ся*, выражающий любое другое значение, кроме пассивного, следует относить к действительному залогу.

А. В. Исаченко выделяет глаголы пассивного залога с помощью синтаксического критерия, так как ученый отказывается от употребления терминов агент и объект действия, вместо этого он использует исключительно термины подлежащее и дополнение, в попытке сохранить сферу чисто грамматических отношений [51]. Однако, как выявил еще А. А. Холодович [140, с. 22–24], при введении разграничения пассива и актива возможным представляется ввести новое синтаксическое понятие – понятие «направленности действия». А. В. Исаченко вводит в определение залога понятие объекта и субъекта, которое является сугубо семантическим. Если же привлекать для определения залога понятия только синтаксического уровня, избегая семантических понятий, то с таким комплектом понятий, как считает А. А. Холодович, невозможно отличить

действительный залог от страдательного, у которых оппозиция, как и любая залоговая оппозиция, допускает различие в отношениях между синтаксическими и семантическими единицами.

Э. Ш. Генюшене считает общим свойством, характеризующим все РГ, понижение синтаксической валентности [33, с. 3]. Понижение валентности может проявляться как в элиминации актанта (рус. *одеваться, кусаться*), так и в понижении его синтаксического статуса (рус. *кидать камни – кидаться камнями*).

Для Н. Герритсен общее значение РП *-ся* заключается в совмещении основным участником рефлексивной конструкции (РК) нескольких семантических ролей, то есть РП *-ся* указывает на то что, субъекту приписывается еще одна роль [175, с. 5]. Этой же точки зрения придерживается и М. А. Шелякин, подчеркивающий, что «возвратные глаголы всегда указывают на действия, субъект которых так или иначе затронут как объект или имеет свойства, присущие объекту» [156, с. 317].

Однако в связи с таким многообразием значений постфикса *-ся* любое из предлагавшихся инвариантных значений данного РП неспособно охватить все значения, и едва ли с его помощью можно определить, в каких случаях в русском глаголе будет использован рефлексивный показатель, а в каких нет, а также предсказать значение РП *-ся* в каждом конкретном случае.

Игнорирование семантики синтаксических элементов проявляется у В.С.Храковского в первую очередь в том, что его система не оперирует таким существенным традиционным понятием, как понятие эллипсиса элемента предложения, и приписывает одинаковую синтаксическую структуру как предложениям типа *Светает*, так и типа *Читает*, а также идентично проинтерпретирует предложения типа *Читал книгу, Занимался спортом, Подуло ветром* (и книгу, и спортом, и ветром будут считаться подлежащими приведенных предложений) . За отказом учитывать эллипсис члена предложения стоит, в свою очередь, приравнивание по числу входящих в них элементов таких объектов, как предложение и его синтаксическая структура, поскольку в синтаксической

структуре всегда будут представлены те и только те элементы, которые находят материальное воплощение в предложении.

В современной русистике РГ рассматриваются либо как словообразовательный класс, который полностью исключается из сферы залога, либо как промежуточный класс между формами действительного и страдательного залогов. Крайнюю позицию на русские возвратные глаголы как словообразовательный класс занимает Н. А. Янко-Триницкая, которая включает в класс возвратных глаголов также глаголы со страдательным значением [161, с. 21–23, 88–90, 130]. Другие исследователи рассматривают РГ как промежуточный класс между формами действительного и страдательного залогов и проводят дифференциацию различных типов значения у глаголов с частицей *-ся* [19, с. 223–244; 51, с. 356; 128; 82, с. 10].

В сфере словообразования исследователи оставляют, в частности:

3) РГ с собственно-возвратным значением (или глаголы включенно-возвратного объекта) (рус. *умывать* → *умываться*; *причесывать* → *причесываться*);

4) РГ с реципрокным значением (или возвратные глаголы включенного/взаимного объекта) (рус. *драться*, *целоваться*);

5) откаузативные (отобъектные) РГ (рус. *вращаться*).

В данных группах РГ частица *-ся* выполняет словообразовательную функцию, т. е. в большей/меньшей степени изменяет значение производящей основы [92, с. 88–91; 161, с. 171–198].

Наряду с этими и выше рассмотренными группами РГ, в которых частица *-ся* и их структурные аналоги в других языках выполняют словообразовательную функцию, существуют РГ и их конструкции, обнаруживающие определенную смысловую близость с ПК, ср.:

(23) рус. а. *Отец открывает дверь* → б. *Дверь открывается*, в. *Дверь открывается (отцом)*; аналогично: нем. а. *Der Vater öffnet die Tür* → б. *Die Tür öffnet sich*; в. *Die Tür wird (vom Vater) geöffnet*.

Исходные русские и немецкие НГ в (23а) являются каузативными глаголами и обозначают конкретное физическое воздействие субъекта на объект, следствием которого является эксплицитно наблюдаемый результат – открытая дверь.

Общим признаком декаузативных рефлексивных конструкций (ДРК) (23б) и пассивных конструкций (ПК) (23в) является наличие в позиции подлежащего неодушевленного имени, соответствующего объекту – дополнению исходных НГ (23а). ДРК (23б) и ПК (23в) имеют семантически близкие, но не тождественные значения, так как в ПК имплицитно присутствует субъект действия, который может быть эксплицирован (ср. агентивное дополнение: рус. *отцом* = нем. *vom Vater*).

Напротив, в немецкой ДВК (23б) представлена ситуация самопроизвольного открывания двери. Что касается возможности выражения субъекта действия в данных конструкциях, мнения лингвистов расходятся. Авторы единодушны лишь в том, что одушевленный субъект (агенс) не может быть выражен в рефлексивной конструкции подобного типа, т.е. нельзя сказать **Die Tür öffnet sich vom Vater/durch den Vater* ‘Дверь открывается отцом’.

Следует добавить, что в немецких грамматиках и в специальных исследованиях конструкции типа (23б) обозначаются по-разному: “варианты пассива” [Erben 1963: 82–83], “конкурирующие формы пассива” (G. Helbig, J. Buscha 178; 168]), “активные конструкции, синонимичные пассивным” [В. Г. Адмони [2, с. 181]; W. Jung [180, с. 199]; F. Wagner [194, с. 14–16]).

Неоднозначно рассматривается в выше приведенных примерах и русский глагол *открывается*:

1) как пассивная форма глагола, маркированная словоизменительным формантом *-ся* и сопровождающаяся в ПК факультативно выраженным агентивным дополнением (см. (23в));

2) как РГ с декаузативным значением [см. (23б)], омонимичный глаголу в конструкции (23 в).

Следует отметить, что с пассивом пересекаются также “квазипассивные” РГ и их конструкции (другие наименования: “деагентивные”, “возвратные глаголы с качественно-пассивно-безобъектным значением”) типа:

(24) рус. *Зонтик легко складывается*;

(25) нем. *Die Tür öffnet sich mühelos* ‘Дверь открывается без труда’.

В рассматриваемых конструкциях появляются обычно модальные слова типа *хорошо, плохо, легко* и т. п., которые характеризуют объект действия, испытывающий воздействие со стороны обобщенного субъекта (В. В. Виноградов [29; 30]; В. П. Недялков [118, с. 81]). В немецком языке данные объектно-модальные РГ/РК образуются обычно от переходных глаголов, обозначающих физическое воздействие человека на предмет либо различные виды деятельности человека или его свойства. В определенных контекстах рассматриваемые РК могут заменяться семантически близкими ПК, ср. РК (25) и данную ПК:

(26) нем. *Die Tür kann (mühelos) geöffnet werden* букв. ‘Дверь может быть открыта (без труда)’.

В сопоставляемых языках с пассивом пересекаются также субъектно-модальные РГ и их РК, которые в лингвистике получили и другие названия: “РГ с безлично-интенсивным значением”; “безличные РГ с двумя обязательными уточнителями”), например:

(27) рус. *Здесь легко дышится; мне не спится*;

(28) нем. *Es geht sich angenehm im Park* ‘По парку приятно ходить’; *es spricht sich besser hier* ‘Здесь разговаривать лучше’.

В немецких грамматиках и в специальных исследованиях отмечается формальная и семантическая близость таких субъектно-модальных РГ и безличного пассива [64; 2, с. 180–183; 194, с. 282–292]. В безличных ПК и в субъектно-модальных РК место подлежащего обычно занимает безличное местоимение *es*, а производитель действия отсутствует, поэтому основное внимание концентрируется на выражении самого глагольного действия. Различия субъектно-модальных РК и ПК состоит в обязательности выражения *es* и обычно

в невозможности выражения агенса в конструкциях первого типа и, наоборот, в факультативности безличного местоимения *es* и в возможности выражения агенса через предложную группу *von/durch* + *имя существительное*, ср.:

(29) нем. *Hier lebt es sich gut ≈ Hier wird gut gelebt* ‘Здесь жить хорошо’;

(30) нем. *Es tanzt sich hier*von der Jugend; es wird von der Jugend getanzt* ‘Танцуют юноши и девушки’.

1.4 Отношение РГ к категории вида

В лингвистике существует большое количество работ, посвященных категории вида связи между видовой системой и лексическим значением глаголов, а также соотношению между аспектуальными функциями и вариативностью лексического значения [3; 19; 22; 78; 99; 117].

В ряде работ проводится сопоставление видовых систем глаголов различных языков, устанавливаются аспектуальные значения и средства выражения аспектуальности в данных языках [142; 143]. Примечательны в этой связи слова Ю. С. Маслова: “Категория вида в разных языках характеризуется многообразием не только внешних форм своего выражения, но (что особенно важно) и значительным многообразием внутреннего содержания. Многообразие вида проявляется не только в том, что в разных языках зачастую представлены разные виды, но также и в том, что даже в одном языке разные видовые оппозиции нередко перекрещиваются и совмещаются друг с другом, создавая сложные, многочленные системы” [78, с. 6–7].

В настоящей работе вид, вслед за многими лингвистами (Ю. С. Маслов [78], А. В. Бондарко [19, 20, 21, 22] и др.), рассматривается как грамматическая категория, которая находит выражение в системе противопоставленных друг другу форм совершенного и несовершенного вида [21]. Глагольный вид указывает на то, как протекает во времени обозначенное глаголом действие (явление, событие, ситуация, состояние, положение дел) [79, с. 9–11; 101, с. 122]. При этом вид испытывает на себе

определенное влияние лексической системы языка. Поэтому, в ряде работ вид определяется как грамматическая категория особого качества – лексико-грамматическая (классификационная) категория [Грамматика современного русского литературного языка 1970: 339] или как “смешанная категория” [19, с. 48].

Морфологическое ядро аспектуальности составляет вид, находящийся на границе между словоизменением и словообразованием. Важными компонентами аспектуальности являются также *способы действия*, которые уточняют как совершается действие, определяют типы протекания глагольного действия [3; с. 36; 78, с. 11–12). Если глагольный вид как грамматическая категория существует не во всех языках (он отсутствует и в немецком языке), то аспектуальные значения представлены во всех языках [78, с. 25].

В аспектологии по-разному определяется категориальный статус способа действия, приводится различный количественный набор способов действия среди предельных глаголов. Так, в русском языке у предельных глаголов А. В. Исаченко выделяет 13 способов действия [51], А. В. Бондарко – 23 [19; 21], Ю. С. Маслов – 25 [78]. Различная степень детализации этих способов действия обуславливается тем, что их вычленение производится обычно на основе разнообразных черт сходства и различия между глаголами в их лексических значениях, взаимодействия с видом, их словообразовательной активности [78, с. 12–13). Так, Ю. С. Маслов среди предельных глаголов, действие которых указывает на внутренний, естественный предел, выделяет, в частности, способы действия, которые встречаются и в сфере РГ, а именно: финитивный (или цессативный) (рус. *докричатся*) и сативный (или сатуративный) (рус. *наестся/наедаться*) [78]].

Э. Ш. Генюшене отмечает у РГ балтийских языков инцептивное начало действия/ процесса или состояния, которое встречается также у русских РГ (рус. *расплакаться, облениться*), а также согласованное начинательное действие (рус. *спеться, сработаться*) [33].

Исследователи русской разговорной речи отмечают большое количество РГ, образуемых префиксально-постфиксальным, префиксально-суффиксально-постфиксальным и суффиксально-постфиксальным способами [48; 9]. В русской разговорной речи РГ данных способов образуются при активном участии сложных словообразовательных формантов (*на-...ся/ на- ...- и- (ть) ся; о(б)-...ся/о(б)-...-и-(ть) ся; до-...ся; за-...ся; от-...ся; у-...ся; вы-...ся; раз-...ся; про-...ся*). Данные РГ обозначают высокую интенсивность глагольного действия, его насыщенность, исчерпанность или характер действия (*зачитаться, забегаться, досидеться, накататься, обкуриться, исплакаться, распрыгаться, обзавидоваться* и др.).

1.5 Основные понятия терминологического аппарата исследования

1.5.1 Определение РГ и рефлексивные значения

Под термином *рефлексивные глаголы* (или рефлексивы) понимаются глаголы, имеющие в своей структуре формальный рефлексивный показатель (РП), одним из значений которого является значение однореферентности двух актантов, передаваемое смыслом «себя». Термин *рефлексивный* может относиться к форме и к значению: он относится к форме в сочетании «рефлексивный глагол», обозначая наличие РП в лексеме независимо от ее значения; в сочетании «рефлексивное значение» он означает *корреферентность* (или однореферентность) актантов, обычно называемое собственно-возвратным значением. По мнению исследователей, лишь ограниченное число РГ типа *умываться* → *умывать себя*, *оправдываться* → *оправдывать себя* в каждом языке рефлексивно и по значению [35; 64], ср.:

(31) нем. а. *Ich kämme die Haare* ‘Я причесываю волосы’ → б. *Ich kämme mich* ‘Я причесываюсь’, т.е. причесываю свои волосы;

(32) рус. а. *Я одеваю ребенка* → б. *Я одеваюсь*, т.е. одеваю себя.

В РГ (32) означает, что один референт (участник ситуации) соответствует субъекту и объекту действия, т.е. эти актанты однореферентны. Собственно-

рефлексивное значение имеют относительно немногие РГ, которые поддаются толкованию через соотносительный НГ и смысл *себя*. В соответствии с принципами синтаксической семантики глаголы в работе рассматриваются в составе образуемых ими конструкций (НК и РК), эксплицирующих их синтаксические свойства и значение, а также снимающих полисемию РГ. Свойства РГ выявляются в оппозиции с нерефлексивным глаголом (НГ); поэтому непосредственным объектом анализа в работе выступают оппозиции «нерефлексивная конструкция: рефлексивная конструкция» (НК : РК) [35, с. 12–13].

1.5.2 Дефиниция собственно-рефлексивных и посессивно-рефлексивных глаголов

Под РГ в настоящей работе понимаются глаголы с РП в структуре независимо от его значения, т.е. единицы, отмеченные по морфологическому признаку, а под РК понимается любая конструкция (предложение), где РГ выступает в роли сказуемого.

Собственно-рефлексивные и посессивно-рефлексивные глаголы рассматриваются в работе в плане их диатезного соотношения с нерефлексивными коррелятами, поэтому представим дефиницию данных терминов.

Под *собственно-рефлексивными глаголами* (СРГ) в настоящем исследовании понимаются производные РГ, в ходе диатезного преобразования которых происходит сокращение (или элиминация) второго референта (часто референта-лица) и совмещение у первого референта одновременно двух семантических ролей – субъекта действия и объекта действия. Рефлексивный показатель в морфологической структуре СРГ обладает значением *себя*, маркируя таким образом абсолютное совпадение референтов субъекта и объекта действия (см. (32)).

Под *посессивно-рефлексивными глаголами* (ПРГ) понимаются производные РГ, в ходе диатезного преобразования которых происходит сокращение

(элиминация) второго партитивного референта, т.е. отчуждаемой или неотчуждаемой части субъекта и совмещение у первого референта одновременно двух семантических ролей – субъекта действия и объекта действия. Рефлексивный показатель в структуре данных РГ метонимически ассоциируется с одной или несколькими определенными частями объекта, т.е. рефлексивный показатель маркирует частичное совпадение референтов субъекта и объекта действия (см. (31)).

Как уже было отмечено выше, под собственно-рефлексивными глаголами понимается относительно малочисленная группа глаголов. «Русская грамматика» АН СССР содержит группу собственно-рефлексивных (возвратных) глаголов, к которым традиционно относятся РГ, обозначающие действия, которые влияют на внешность актантов и производят в них внешние изменения в соответствии с лексическим значением глагола. Постфикс *-ся (-сь)* в таких глаголах обладает значением «себя» и, являя собой показатель направленности, «возвращённости» действия на самого производителя; исполнитель действия является одновременно и прямым объектом действия. В эту группу входят РГ, которые называют конкретное действие (рус. *обуваться, одеваться, причесываться, пудриться, раздеваться, румяниться, умываться*) [137, с. 416].

«Грамматика современного литературного языка» АН СССР (1970) дает более широкое представление о СРГ представлены: к ним отнесены не только рефлексивы физического действия (рус. *мыться, бриться, румяниться, одеваться, обуваться*), а также СРГ внутреннего состояния (рус. *сдерживаться, настраиваться, унижаться*). При этом отмечается смысловая соотносительность РГ с сочетаниями переходных глаголов с винительным падежом местоимения «себя»: *мыть ≈ мыть себя, раздеваться ≈ раздевать себя, обелиться ≈ обелить себя*. Данные РГ часто сочетаются с существительными в творительном падеже, называющими инструменты: *причесываться гребнем, мыться мылом, вытираться полотенцем*.

Более полное лексико-семантическое описание собственно-возвратных глаголов можно найти в книге М. А. Шелякина «Функциональная грамматика

русского языка». В ней представлено 127 СРГ, разбитых на 18 подгрупп, охватывающих весьма разнообразные по своему значению и стилистической окраске глаголы, но объединенные общим семантическим компонентом – направленность действия на производителя действия [157, с. 135–136].

Посессивно-рефлексивные (или рефлексивно-посессивные) глаголы охватывают рефлексивы, которые образуют конструкции, не имеющие синтаксической позиции для выражения объекта действия, причем референт этого объекта связан посессивными отношениями с референтом субъекта (рус. *брить бороду / усы / лицо* → *бриться*; *хмурить брови / лицо* → *хмуриться*; *печатать свои произведения / труды / статьи* → *печататься*; *защищать дипломную работу / диссертацию* → *защищаться*). Такие РГ именуют также «рефлексивами включенного объекта», поскольку их объект инкорпорируется (включается) в семантику глагола, т. е. закреплён за ним на лексическом уровне [39, с. 201, 209].

Добавим, что ПРГ могут возникать также на базе фразеологического сочетания: рус. *оскалить зубы* → *оскалиться*, *зажмурить глаза* → *зажмуриться*, *вылупить глаза* → *вылупиться*, *прищурить глаза* → *прищуриться*, *пялить глаза* → *пялиться*, *таращить глаза* → *таращиться*, *надуть губы* → *надуться*, *высморгать нос* → *высморгаться* и др. [85, с. 104–105]. В подобных сочетаниях объект называет неотчуждаемую принадлежность (или партитивную часть) субъекта, поэтому он наследуется производным СРГ в полном объеме. Сказанное относится и к деривации РГ от глагольных лексем с ограниченным количеством семантических объектов: рус. *потупить голову/взгляд* → *потупиться*, *насупить брови/лицо/лоб* → *насупиться*, *кривить рот/ губы* → *кривиться*, *морищить нос/лоб/губы/лицо* → *морищиться*.

В некоторых случаях за значением посессивно-рефлексивного глагола закрепляется лишь часть экстенционала производящего НГ, ср.: рус. *строить здание, сооружение, конструкцию, механизм, машину* и т.д., но: *строиться* – только строить себе дом, хозяйственное сооружение; *тратить деньги, силы, время, слова, здоровье, талант* и т.п., но: *тратиться* – только тратить свои деньги [64, с. 273–274; 161, с. 175].

Среди ПРГ встречаются РГ, описывающие ситуации с теми же классами объектов, что и их производящие НГ, но с редуцированным объемом объектов. Так, одним из значений НГ *выставлять* является ‘экспонировать что-либо для обозрения’. Производный РГ *выставляться* означает ‘экспонировать для обозрения свои произведения’, аналогично: *печатать/ публиковать* ‘помещать в печати, издавать какие-либо произведения’ → *печататься/ публиковаться* ‘помещать в печати, издавать свои произведения’; *постирать* ‘выстирать белье, одежду’ → *постираться* ‘выстирать свое белье, одежду’ и т.д.

То, что действия, обозначаемые ПРГ, направлены не на субъект в целом, а на его неотчуждаемую/неотторжимую часть тела или отчуждаемую/отторжимую (вещи, продукты труда и творчества, жилые помещения и др.) принадлежность, отличает данные РГ от СРГ.

1.5.3 Рефлексивный элемент *sich/-ся* в структуре РГ: статус, значение

Рефлексивным показателем (далее – РП) в работе именуется элемент, одним из значений которого является рефлексивное значение, т. е. значение полной однореферентности объекта действия (или другого актанта) с субъектом [91].

Рефлексивный формат получил различное освещение и определение в грамматиках и в специальных работах по РГ [30, с. 629–639, 646–651; 35, с. 126–128; 92, с. 125–127; 180, с. 47, 57, 198, 199, 338; 14, с. 164, с. 168, 169; 194, с. 151–154; 178–196; 245–252]. Так, в немецком языке *sich* в структуре РГ именуется как «самостоятельное слово» и «синтагма» [194] как «морфема» [185, 186; 192], как «рефлексивное местоимение» [168] и т.д.

В русском языке рефлексивный формант называется аффиксом, постфиксом [149], частицей [161].

В настоящей работе рефлексивный формант в структуре исследуемых СРГ и ПРГ, т. е. *sich* в винительном падеже в немецком языке и постфикс *-ся* – в русском языке, называются *рефлексивным показателем* [91; 35; 43; 64].

Объект исследования в работе выделен формально, т. е. по наличию в структуре глагола РП. Глаголы с РП именуются «формальными рефлексивами»,

глаголы без РП – «формальными нереклексивами». Эти термины относятся только к морфемному составу глагола. Поскольку многие глаголы полисемичные, то единицей исследования в работе выступает СРГ и ПРГ в одном конкретном лексическом значении, сохраняющемся во всех его грамматических формах [138, с. 8; 25, с. 200–201]. В этом употреблении данный термин синонимичен термину лексико-семантический вариант [123, с. 36–41] и семема.

Морфологическая классификация исследуемых СРГ и ПРГ производится в исследовании с учетом следующих признаков: 1) производность РГ, т. е. наличие или отсутствие у него соотносительного (мотивирующего) слова; 2) категориальная принадлежность производящего слова к той или иной части речи; 3) состав производящего форманта [33, с. 99].

Значительная часть СРГ и ПРГ в немецком и русском языках образуются с помощью прибавления РП к исходному НГ, ср.:

(33) рус. *красить* (например, глаза, губы, брови, лицо) → *краситься*, т.е. красить себе глаза, губы, брови, лицо’;

(34) нем. *j-n. erschießen* ‘застрелить кого-л.’ → *sich erschießen* ‘застрелиться’.

Добавим, что существуют СРГ и ПРГ, произведенные от НГ при помощи только РП, но не соотносимые полностью или частично с ними по смыслу (т.н. «необратимые» РГ), ср.:

(35) нем. *sich vorsehen* ‘беречься, остерегаться чего-л., кого-л.’ (← *etw. vorsehen* ‘предусматривать, намечать что-л.’); *sich vor jmdm., etw. hüten* ‘остерегаться кого-л., чего-л.’ (например, недоброжелателей, неприятных ситуаций) (← *etw., j-n. hüten* ‘стеречь, охранять, оберегать кого-л., что-л.’ (например, детей, квартиру)).

В ходе исследования также были зафиксированы РГ, образованные с помощью добавления сложного форманта [9], а именно:

а) суффикса и РП, ср.:

(36) нем. *sich akklimatisieren* ‘акклиматизироваться, приспособливаться’ (← *frz. acclimater*); *sich in etw. huscheln* ‘закутаться во что-л. (например, в пальто, подушку)’ (← *huschen* ‘быстро и бесшумно двигаться’); рус. *силиться* (← *сила*);

б) префикса и РП; ср.:

(37) нем. *sich anhosен* фам. 'одеваться необычно' (← *die Hose* 'брюки');

в) префикса, суффикса и РП:

(38) рус. *уединиться* (← *единый* 'один').

Смысл прибавления РП к производящему слову состоит в маркировании изменения значения, т.е. в семантической деривации. Ниже различаются производность по форме и производность по значению как два аспекта деривации. При деривации СРГ и ПРГ обычно происходит добавление некоторого смысла, т.е. направление семантической и формальной деривации совпадают: т.е. РГ и по форме, и по значению сложнее НГ, включая значение НГ и некоторый смысл (*одевать* → *одеваться* = одевать себя, РГ = НГ + себя) [33, с. 58].

По мнению Б. Ю. Нормана, прежняя форма рефлексивного местоимения *себя* функционально перерождается и отделяется от местоименной системы [92, с. 57]. Эта форма является генетически безударной в приглагольном употреблении, она теряет свои местоименные характеристики и одновременно приобретает новые свойства и функции, которые не присущи местоименным формам. Лингвист также отмечает, что рефлексивный элемент, утратив целиком свою лексическую и объектно-синтаксическую функцию, «вросся» в глагол на правах флексии, о чем свидетельствует два его комбинаторных варианта (*-ся* после согласных и *-ся* после гласных) [92, с. 61].

Н. А. Янко-Треницкая разделяет данную точку зрения, подчеркивая происхождение аффикса *-ся* (*-сь*) от формы винительного падежа возвратного местоимения *себя*. Одновременно автор отмечает, что возвратные глаголы никогда полностью не равны по значению исходному невозвратному глаголу [161, с. 183].

(39) рус. «Народ, знаете, что означает славянская частица "-ся" в слове "обижаться"? Себя! То есть дословно – обижать себя. То есть заведомо бессмысленный и губительный для себя процесс» [52].

1.5.4 Понятия «нерефлексивный глагол/нерефлексивная конструкция» - «рефлексивный глагол/рефлексивная конструкция»

При деривации СРГ и ПРГ в настоящей работе анализируются отношения между данными РГ и их НГ, при этом, в случае многозначности глагола, во внимание принимается только одно, указанное в тексте, значение глагола безотносительно к его полисемии.

В настоящем исследовании РГ исследуются, таким образом, в качестве производных единиц и описываются в оппозиции к их нерефлексивным глаголам, т. е. производящим/мотивирующим основам (НГ). НГ и СРГ/ПРГ рассматриваются в составе образуемых ими нерефлексивной (НК) и рефлексивной конструкций (РК), т. е. простых нераспространенных, утвердительных, неотрицательных немодальных предложений в изъявительном наклонении, в которых глагол имеет минимум необходимых синтаксических связей [6, с. 344]. Конструкции с РГ именуется рефлексивными конструкциями (РК), конструкции с НГ – нерефлексивными конструкциями (НК). Из сказанного следует, что непосредственным объектом анализа являются РК, а не глаголы вне контекста [6, с.77; 33, с. 57].

Выводы к главе 1

1. Изучение деривации собственно-рефлексивных и посессивно-рефлексивных глаголов связано со следующими аспектами данных языковых единиц в тесной их взаимосвязи:

- *морфологическим* (способы образования РГ, словообразовательные и морфологические средства выражения значения, вида, способа действия и др.);
- *семантическим* (формально-семантическое соотношение НГ и РГ, лексико-семантические группы НГ и РГ и др.);
- *синтаксическим* (изменение валентности, отношение РГ к залогу и др.).

2. У РГ, образованных при помощи лишь РП, рефлексивный формант сообщает исходному НГ одно из возможных значений: собственно-рефлексивное,

посессивно-рефлексивное; автокаузативное; реципрокное (или взаимное); декаузативное.

3. РГ, образованные при помощи одного лишь рефлексивного аффикса и имеющие в позиции подлежащего лексически обозначенный субъект, рассматриваются в сопоставляемых языках по-разному:

а) в русистике – либо как словообразовательный класс, который полностью исключается из сферы залога, либо как промежуточный класс между формами действительного и страдательного залогов;

б) в германистике – обычно как формы действительного залога, противопоставленные формам страдательного залога.

4. В лингвистике наметилось три основных подхода к изучению РГ – традиционный (залоговый) (В. В. Виноградов, Ф. Ф. Фортунатов, А. М. Пешковский, Р. Якобсон, Л. Бэбби, Р. Брехт и др.), деривационный (Э. И. Королев, Н. А. Янко-Триницкая, Ш. Р. Басыров) и семантический (А. Израэли, Н. Герритсен, С. Кеммер).

5. Отдельные группы немецких и русских рефлексивных конструкций (декаузативные, объектно-модальные и субъектно-модальные) обнаруживают некоторое формальное и содержательное сходство с пассивными конструкциями, не образуя с ними, однако, абсолютных синонимов.

6. В русском языке члены видового противопоставления (перфективный – имперфективный варианты) (*укутываться/ укутаться; записываться/ записаться; замазываться/ замазаться* и т. д.) не обнаруживают смысловых различий и являются формами одного РГ (одной лексемы).

7. В лингвистике существуют различные подходы к изучению немецких и русских РГ и к выбору классификационных критериев (формальный, семантический, формально-семантический, семантико-синтаксический).

8. Существенное значение для комплексного исследования СРГ и ПРГ в немецком и русском языках имеют понятия *рефлексивный/нерефлексивный глагол, рефлексивный показатель, собственно-рефлексивный глагол, посессивно-рефлексивный глагол, рефлексивная/ нерефлексивная конструкция*.

8.1. В данной работе под *рефлексивными глаголами* понимаются глаголы, содержащие в своей структуре рефлексивный показатель, т.е. постфикс *-ся* в русском языке и рефлексивное местоимение *sich* в винительном падеже в немецком языке.

8.2. Под *собственно-рефлексивными глаголами* понимаются производные рефлексивы, в референтной структуре которых происходит элиминация второго референта (лицо) и совмещение у первого референта одновременно двух семантических ролей – субъекта действия и объекта.

8.3. Под *посессивно-рефлексивными глаголами* понимаются производные рефлексивы, в референтной структуре которых элиминируется второй партитивный референт (= отчуждаемая/неотчуждаемая часть субъекта), а первый референт выступает одновременно в двух семантических функциях – субъекта действия и объекта действия.

8.4. *Рефлексивным показателем* именуется элемент в структуре СРГ и ПРГ, маркирующий полную или частичную однореферентность субъекта и объекта действия. Рефлексивный аффикс в структуре ПРГ метонимически ассоциируется либо с одной определенной частью объекта, либо с его несколькими частями.

8.5. В соответствии с принципами деривации и синтаксической семантики немецкие и русские СРГ и ПРГ рассматриваются в оппозиции с нерефлексивными глаголами (глаголами без РП *sich/ся*) и только в составе образуемых ими нерефлексивных и рефлексивных конструкций

Основные положения данной главы отражены в публикациях [105; 1106; 109; 110; 112].

ГЛАВА 2

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ СОБСТВЕННО-РЕФЛЕКСИВНЫХ И ПОСЕССИВНО-РЕФЛЕКСИВНЫХ ГЛАГОЛОВ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

2.1 Понятие диатезы

В основу описания немецких и русских СРГ и ПРГ положено понятие диатезы, которая понимается как схема отношения между единицами синтаксического и семантического уровней. В соответствии с теорией диатез информация, которая содержится в конструкции глагола, приравнивается к информации, которая закодирована в лексикографическом толковании слова. Набор семантических валентностей глагольной лексики определяется её словарным толкованием и остается неизменным во всех случаях употребления данного глагола.

Диатеза – лингвистический термин греческого происхождения (гр. *δίαθεσις* – залог) [12, с. 168]. Французский лингвист Л. Теньер считает диатезу необходимым инструментом при описании синтаксической структуры предложения [128, с. 242]. При описании членов предложения ученый использует термины *актанты* и *сирконстанты*. Под *актантами* Л. Теньером понимается одушевленный предмет (человек) или неодушевленный предмет, которые принимают участие в действии, называемом глаголом. Под *сирконстантами* Л. Теньер понимает обстоятельства (время, место, образ и др.), указывающие и сопутствующие разворачиванию глагольного действия, процесса; такие обстоятельства выражают наречия места, времени, образа и т.д., или их соответствующие эквиваленты. Если актанты – участники ситуации, которые задаются толкованием глагольной лексики и обязательно присутствуют в обозначаемой этой лексикой ситуации, то сирконстанты – это факультативные участники ситуации. В качестве центра предложения выступает непосредственно глагол, которому подчинены все члены

предложения. Как актанты, так и сирконстанты подчиняются глаголу непосредственно [128, с. 121–122].

Аналогичного взгляда на теорию диатезы придерживается Е. В. Падучева, которая отмечает, что диатеза – набор участников ситуации, обозначаемой глаголом, с их семантическими ролями и коммуникативными рангами [96, с. 536]. К коммуникативным рангам, по мнению учёной, также относятся субъект и объект действия, так как они являются центром предложения и занимают наивысший ранг.

Некоторые лингвисты (А. А. Холодович [43; 138; 129; 140], В. С. Храковский [118; 142; 143; 144; 145], Б. А. Успенский [132] и др.) понимают диатезу как соответствие определенных партиципантов (ролей) лексемы и актантов предикативной словоформы, которая представляет лексему. А. А. Холодович рассматривал диатезу на двух уровнях, которые включали ролевую (семантическую) и синтаксическую структуры глагола [43], но такой подход не представлял адекватного описания многих нерексивных глаголов и РГ, поскольку не затрагивал деривационные изменения, которые включают в том числе и референтную структуру производного рефлексивного глагола. Поэтому при описании РГ Э. Ш. Генюшене предлагает рассматривать не только семантическую и синтаксическую структуры РГ, но и референтную, выделяя, таким образом, трехуровневые диатезы [32; 33].

В соответствии с принципами синтаксической семантики НГ и РГ исследуются в составе образуемых ими НК. Свойства рефлексивов более ясно выражены в оппозиции с их производящими НГ, поэтому объектом анализа в работе выступают оппозиции «нерексивная конструкция : рефлексивная конструкция» (НК : РК).

Изменения, которые происходят в процессе рефлексивной деривации НГ/НК → РГ/РК, фиксируются в диатезах по схеме *исходная диатеза → производная диатеза*.

Под *исходной диатезой* понимается НК, которая выражает соответствие синтаксических актантов участникам ситуации и референтам. В процессе

перехода от исходной НК к производной РК происходит определенное изменение числа актантов исходной диатезы. Смысл диатезного преобразования заключается в том, что в производной диатезе актанты ситуации, обозначаемой РГ, на семантическом уровне могут быть выражены другими членами предложения по сравнению с исходной НК [142, с. 13]. Под *производной* диатезой понимается диатеза, которая фиксируется в производной РК, ср.:

(39) нем. а. *Die kleinen Mädchen* [Pers₁/ Ag/ Sb_{мн}] *schmückten die Braut* [Pers₂/ Pt/ Ob_{вин}] *mit Blumen* [NonP/ Ob_{poss}/ Ob_{предл}] ‘Маленькие девочки украсили невесту цветами’ (исходная диатеза) → б. *Die kleinen Mädchen* [Pers / Ag_{refl}/ Sb_{мн}] *schmückten sich mit Blumen* [NonP/ Ob_{poss}/ Ob_{предл}] ‘Маленькие девочки украсились (т. е. украсили себя) цветами’ (производная диатеза) [213, Bd. 4, S. 3262];

(40) рус. а. *Она* [Pers₁/ Ag/ Sb_{ед}] *обула ребёнка* [Pers₂/ Pt/ Ob_{вин}] *в новые сандалии* [NonP/ Ob_{poss} / Ob_{предл}] (исходная диатеза) → б. *Она* [Pers₁/ Ag_{refl}/ Sb_{ед}] *обулась в новые сандалии* [NonP/ Ob_{poss}/ Ob_{предл}] (производная диатеза) [205].

Производная РК является *рецессивной*, если в ней по сравнению с исходной НК наблюдается снижение валентности смыслового глагола [91, с. 21], например:

(41) рус. а. *Она* [Pers₁/ Ag/ Sb_{ед}] *расчесала свои длинные волосы* [Part/ Pt/ Обвин]. → б. *Она* [Pers₁/ Ag_{refl}/ Sb_{ед}] *расчесалась*.

Пример (41) демонстрирует, что в РК (41б) сокращается (элиминируется) второй синтаксический актант исходной НК (23а), который в исходной диатезе выражен дополнением в винительном падеже (*свои длинные волосы*). См. также примеры (39) и (40).

Под *деривационными отношениями* между элементами синтаксической системы понимаются отношения исходности-производности между такими различными по своей структуре синтаксическими конструкциями, которые выражают одну и ту же семантическую структуру глагола, точнее – глагольного значения [45; 139]. Семантическая структура глагола обладает постоянным набором элементов (аргументов), на синтаксическом уровне изменяются лишь способы представления аргументов глагола, в связи с чем, одной семантической структуре глагола может соответствовать определенный набор синтаксических

конструкций, между которыми устанавливаются, таким образом, отношения исходности – производности. В результате такой процедуры данный набор превращается в систему, в которой каждая синтаксическая конструкция занимает свое строго определенное место по отношению к другим конструкциям. Данная система семантически проинтерпретированных синтаксических конструкций (т.е. диатез) именуется деривационной парадигмой [45].

Использование понятия деривационной парадигмы отражает «постепенную переориентацию в осознании основных синтаксических объектов и соответственно задач синтаксического анализа, которая происходит в современном синтаксисе в основном под влиянием разработок трансформационных и порождающих моделей языка» [16]. Если в традиционном синтаксисе первичным объектом исследования, наряду со словосочетанием, считалось элементарное предложение, которое рассматривалось с точки зрения его формальной, коммуникативной и семантической организации, а основной задачей – выявление и описание с указанных позиций каждого из типов элементарных предложений в их сходстве и различиях, то в исследованиях последнего времени, начиная с З. Хэрриса [148], деривация понимается как такое преобразование одной структуры в другую, при котором производная структура отличается от исходной и по своему грамматическому статусу, и по смыслу [11; 87; 118 и др.].

Перед лингвистами была поставлена задача описать синтаксическую систему (или подсистему) того или иного языка в целом, а не только субстанциональные свойства самих синтаксических единиц или их типов, взятых изолированно. Хотя в рамках традиционного синтаксиса также проводились многообразные сопоставления различных типов предложений, однако эти сопоставления не носили глобального и целенаправленного характера, поскольку сама идея изучения отношений между предложениями не являлась ведущей. И наоборот, именно доминирующая роль этой идеи отчетливо прослеживается, например, в построении синтаксических парадигм простого предложения у Н. Ю. Шведовой [154], в исчислениях диатез глаголов у А. А. Холодовича [140], в моделях

управления толково-комбинаторного словаря русского языка [6] и т.п., а в зарубежной лингвистике – в трансформациях З. Хэрриса [148], в построении синтаксического компонента модели языка у Н. Хомского [141] и др.

Из различных типов отношений, которые могут связывать синтаксические объекты друг с другом, наибольший интерес представляют деривационные отношения между синтаксическими конструкциями, входящими в деривационную парадигму. Следует кратко обратить внимание на отличия деривационной парадигмы как объекта анализа теории диатез и залогов от ее некоторых аналогов в других теоретических построениях.

Если глагольное сказуемое как постоянный (в лексическом и функциональном планах) элемент всех членов деривационной парадигмы вынести за скобки, то в деривационном описании будут рассматриваться, таким образом, не преобразования конкретных лексем, наделенных соответствующими синтаксическими функциями, а преобразования наборов самих синтаксических функций безотносительно от их лексического наполнения. По мнению Л. Теньера, описание подобного рода должно быть отнесено к функциональному синтаксису, взятому в отвлечении от категориального аспекта (= частей речи) и от конкретной лексико-фонетической реализации [128].

Деривационная парадигма в общем случае организована следующим образом. Одна из синтаксических конструкций, входящих в деривационную парадигму, в соответствии с определенными параметрами считается исходной конструкцией, а диатеза, ей приписываемая – исходной, в то время как остальные синтаксические конструкции считаются производными конструкциями, а их диатезы – производными диатезами.

В теории диатез и залогов семантико-синтаксическое соответствие элементов структуры предложения, которое признается исходным, имеет четко сформулированные характеристики, а именно: исходными считаются такие синтаксические структуры, которые изоморфны семантическим структурам глагольных лексем, что проявляется в удовлетворении следующих четырех условий. В исходных синтаксических структурах аргументы выражены

лексически, с помощью актантов; в них совпадают количество аргументов и актантов и их веса (т. е. первому аргументу должен соответствовать первый актант, второму аргументу – второй актант и т.д.), при этом знаменательный глагол-сказуемое выступает в залогово немаркированной форме. Синтаксическая конструкция, в которой нарушено хотя бы одно из этих условий, должна рассматриваться как производная, ср.:

(42) рус. а. *Мать одевает девочку.* → б. *Девочка одевается.*

Из приведенных выше двух предложений, НК (42а) соответствует исходной диатезе, а РК (42б) – производной, так как в производной РК иерархия синтаксических актантов не соответствует иерархии семантических ролей, иными словами, в предложении (42б) у двух партиципантов (агенса и пациенса) один и тот же референт, выраженный словоформой *девочка*.

2.2 Уровни описания собственно-рефлексивных и посессивно-рефлексивных глаголов

Для описания собственно-рефлексивных и посессивно-рефлексивных глаголов немецкого и русского языков в настоящей работе используются трёхуровневые диатезы. Рассмотрим подробнее каждый из языковых уровней подробнее.

2.2.1 Семантический уровень и ролевая структура значения РГ

При описании *семантического уровня* учитывается ролевая структура НГ и РГ, которая является постоянной характеристикой для каждой глагольной лексемы [142, с. 50].

В предлагаемом исследовании принимается, что каждая глагольная лексема, употребленная в конструкции, описывает конкретную ситуацию и имеет определенный набор участников. Семантика глагольной лексемы предопределяет свойства участников типичной ситуации и их отношение друг к другу, события, которые происходят с ними.

В словарном толковании указанным конституентам соответствуют компоненты, которые определяют семантические роли участников типичной ситуации. В каждой новой ситуации участники являются разными, но инвентарь их ролей остается неизменным, поскольку глагол обозначает подобную типичную ситуацию [96; 99].

Выделение семантических ролей дает возможность эксплицировать те компоненты в семантике слова, которые хранятся в лексической деривации, а также отобразить изменения ролевой структуры глагола, которые происходят во время его деривации [33, с. 15].

В. С. Храковский полагает, что субстанциональные свойства семантических переменных (= семантические роли) являются несущественными для исчисления диатез [43, с. 37].

По мнению Л. Теньера, актанты – существа или предметы, участвующие в той или иной мере в процессе [128], т. е. они являются участниками ситуации. Иными словами, актанты – это такие функциональные единицы, присутствие которых отражает обязательные валентности предиката (глагола-сказуемого), т. е. валентности, которые должны быть заполнены в неэллиптическом предложении (конструкции).

Для описания семантического уровня диатез ключевым является понятия предикации. Предикация – процесс соединения независимых предметов мысли, которые выражены предикатом и его актантами, с целью отражения события или ситуации действительности. Иными словами, предикация – процесс, обозначающий состояние или действие, посредством которого субстанция манифестирует свое существование [102, с. 8], то есть если актанты, которые принимают участие в предикации, обозначают сущности, предметы или понятия, то предикация обозначает действие, становление или бытие этих актантов, выражая тем самым предикативную ценность выражения или слова. Предикация коррелирует, с одной стороны, с процессом коммуникации, тогда предикация понимается как коммуникативный акт, подчиненный грамматическому фактору, то есть акт, посредством которого говорящий приписывает предмету мысли некий признак

[127, с. 26], а с другой стороны, со сферой синтаксиса, когда отношения подобного типа обозначаются как "латентные синтаксические отношения" [102, с. 8]. Эти скрытые синтаксические отношения (предикации, пропозиции) могут быть эксплицированы посредством трансформаций особого типа, которые характеризуются прежде всего соотнесенностью актантов двух ситуаций (в семантическом плане), а также причинно-следственными отношениями [103, с. 151].

С. М. Кибардина отмечает, что «теория глагольной валентности обычно опирается на вербоцентрическую концепцию предложения, согласно которой структуру предложения определяет предикат, открывает места с соответствующими категориальными признаками» [58, с. 19]. По отношению к валентности глагола-предиката, который и является носителем валентности, все компоненты предложения делятся на зависимые от нее – «актанты, аргументы, дополнения, партнеры, комплементы (нем. Mitspieler, Efgänzung)» и свободные – сирконстанты, свободные распространители, адьюнкты, обстоятельства (*freie Angaben*) [58, с.19].

Лингвист также отмечает, что определение, разграничение уровней и связанное с ним соотношение валентности лексического глагола являются наиболее спорными вопросами теории глагольной валентности. Л. Теньер [128] склонялся к разграничению терминов, определяя непосредственных участников ситуации как актантов, атрибуты действия (место, время, причины, условия) – как сирконстантов. Г. Хельбиг придерживался ещё более четкого разграничения, разделяя актанты на обязательные и факультативные; ученый выделяет так называемые «операциональные критерии», а именно: прием элиминации (опущения), прием субституции (подстановки), развертывание компонента в предложение, изменение порядка слов, вычленение из предложения [212, S. 31–40; 58, с. 20].

В связи с проблемами валентности и ее типами некоторые исследователи выделяют глаголы с атрибутивной валентностью, которые часто встречаются в современной художественной литературе, при характеристике поведения человека (например, нем. *sich benehmen/verhalten* 'вести себя определенным образом'); симуляции (нем. *sich geben/stellen* 'держаться каким-л. образом, разыгрывать из

себя кого-л.́) и др. В каждом языке имеется большое количество стилистически нейтральных глаголов, которые, однако, в тексте получают определенную стилистическую окраску и становятся, таким образом, глаголами с атрибутивной валентностью (например, глагол *sich halten* со значением «держаться (вести себя, проявить себя) каким-либо образом»).

Существуют также глаголы с включенным (инкорпорированным) актантом-атрибутом, которые могут быть как стилистически нейтральными, так и стилистически окрашенными. У ряда глаголов атрибутивный актант заложен в семантической структуре глагола, т. е. его конкретный признак (качественная характеристика действия, процесса или состояния) привязан к определенному значению. Вариативность заполнения актанта-атрибута исключается, поэтому данные глаголы имеют более узкое значение по сравнению с другими глаголами и, соответственно, имеют более узкую сферу употребления, ср.: *sich danebenbenehmen* ‘вести себя’ (ugs.) <*sich unpassend, ungehörig benehmen*> ‘разг. вести себя неуместно, ненадлежащим образом’; *sich benehmen* ‘вести себя’ <*sich in einer bestimmten Weise verhalten, betragen: sich gut, unmöglich (sehr schlecht), wie ein Idiot benehmen*> ‘вести себя определенным образом: хорошо, невозможно (очень плохо); вести себя как идиот’.

Специфика любого глагольного значения в целом определяется исследователями неоднозначно из-за ее многоуровневого характера (см., в частности: И. П. Сусов [126]; Ю. Д. Апресян [6]).

Облигаторным признаком любого глагольного значения является ролевой аспект значения глагола, который более или менее правильно отображает понимание носителей роли отдельного актанта в данной ситуации. Ролевая структура глагола включает в себя «некоторый комплект смысловых ролей, какие «сваливаются» соучастникам денотативной ситуации, именуемой глаголом» [35, с. 72].

Понятие «семантическая роль» довольно распространено в исследованиях различных лингвистов, выполненных на материале разноструктурных языков [Генюшене [33; 35]. Наряду с понятием «семантическая роль» в

лингвистике встречаются эквивалентные термины такие как «глубинный падеж» [135, с. 1–88], «семантическая функция» [150; 18, с. 51–70], «семантический падеж» [163, с. 695–729] и др.

На сегодняшний день существуют три основных подхода к созданию инвентаря семантических ролей [74, с. 7–8]:

1) предикатно-специфический подход, который учитывает особенности (уникальность) каждого предиката и использует таким образом дробное представление ролей;

2) использование обобщенных ролей Актора и Претерпевающего, которые отвечают за большую вариативность в синтаксическом поведении аргументов. Такой подход открывает возможности для генерализации, что недоступно для более дробных ролей;

3) классические ролевые инвентари типа инвентаря, предложенного Ч. Филлмором [135].

Наиболее полный инвентарь семантических ролей, их дефиниций и способы их применения представлены в работах Ч. Филлмора [135], а также У. Чейфа [150], А. Wierzbicka [197, с. 391–461], Ю. Д. Апресяна [6; 7] и др.

В лингвистических студиях, посвященных исследованию семантики и валентности глагола, справедливо отмечается сложность дефиниции и определения характера семантической роли глагола, количества и состава. До настоящего времени в лингвистике отсутствуют единая терминология и единая т. зр. на данные вопросы, что свидетельствует о неоднозначности самой проблемы. Все это побуждает каждого лингвиста самостоятельно выстраивать собственную типологию семантических ролей, устанавливать природу взаимоотношений глагола и его актантов применительно к своему языковому материалу.

Понятие семантической роли ввел в современный лингвистический дискурс Ч. Филлмор [135]. Классическая теория семантических ролей, предложенная лингвистом, постулирует наличие инвентаря семантических ролей, которые обладают следующими свойствами:

1) *полнота и уникальность* – каждый аргумент глагола имеет только одну роль;

2) *единственность заполнения* – роль может быть заполнена только один раз;

3) *независимость и атомарность* – семантическая роль имеет категориальную природу и не может быть разделена на компоненты.

Классический инвентарь семантических ролей включает в себя такие роли *Агенса, Пациенса, Бенефактива, Инструмента, Экспериенцера, Стимула* и др. В ходе дальнейших семантических исследований оказалось, однако, что этот инвентарь обладает ограниченными возможностями и что ни одно из выше указанных свойств не является абсолютным. Поэтому, инвентарь «глубинных падежей» многократно пересматривался (в том числе и самим Филлмором), и сильно различается у разных авторов и в разных теориях.

Так, например, В. А. Плунгян в работе «Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира» выделяет следующий набор ролей [115, с. 111–112]:

Агенса – активный участник ситуации, который обладает сознанием и волей, расходующий свою энергию в процессе выполнения определенной работы и осуществляющий контроль над событиями (рус. *Мальчик прыгает; Брат написал письмо*). Автор справедливо отмечает, что наличие признака контроля позволяет эффективно разграничивать агенса от других смежных смысловых ролей типа эффектор, инструмент. Так, семантическая роль эффектора, в отличие от агенса, неспособна контролировать ту или иную ситуацию, поскольку не является человеком, хотя может и обладать внутренней энергией и вызывать определенные изменения, например: рус. *Порыв ветра снес крышу дома; Порывом ветра снесло крышу дома* [115, с. 111].

В отличие от агенса, пациент является пассивным участником ситуации, не контролирующей ход событий, внешнее воздействие на него и претерпевающий определенные изменения, например: рус. *Девочка болеет; Отец сжег бумагу; Дом обвалился*.

Экспериенцер – одушевленный предмет (человек, животное), способный воспринимать органами чувств (зрением, слухом, обонянием и т. п.) ту или иную информацию, например: рус. **Мальчик** услышал шаги; **Тигр** видит хорошо в темноте; **Брат** сразу узнал сестру; **Дети** боятся грома.

Адресатом признается участник ситуации, которому производитель действия (агенса) направляет определенную информацию с тем, чтобы другой участник ее воспринял, например: рус. **Мама** рассказала **ребенку** сказку.

Бенефактивом именуется участник ситуации, интересы которого определенным образом затрагивает глагольное действие, который, однако, не может быть ни агенсом, ни пациенсом данной ситуации, например: рус. **Ребенку** купили игрушку; **У него** похитили автомобиль.

Стимул – источник информации для экспериенцера, ср.: рус. **Картина** восхищает посетителей; **Кошка** чует **мясо**; **Он** боится **высоты**.

Реципиент – участник ситуации, который в результате целенаправленной деятельности агенса становится обладателем пациенса, например: рус. **Девушка** получил телеграмму.

Причиной выступает, как правило, неодушевленный либо бессознательно действующий участник ситуации, вызывающий появление определенной ситуации либо события, например: рус. **Из-за дождя** поездку отменили; **Она** обрадовалась **приезду мужа**.

Инструмент – предмет, используемый агенсом для выполнения определенного действия, например: рус. **Террористы** намеревались нанести удар по городу **химическим оружием**; **Он** срубил дерево **топором**.

Семантические роли *источник* и *цель* находятся в антонимических отношениях: *источник* – исходная точка движения (рус. **Из Берлина** выехали рано утром), напротив, *цель* – конечная точка движения субъекта (рус. **В Донецк** приехали поздно вечером).

Траектория – место, по которому движется субъект, например: рус. **Пожарники** проникли в горящий дом **через окно**.

Место – участок пространства, в котором находится объект или локализована ситуация, например: рус. *В юности она жила в Германии; Стул находится на кухне; Комната вмещает 10 человек.*

В своем диссертационном исследовании А. М. Плотникова [114] выделяет несколько иной набор семантических ролей:

1) *Гиперроль субъекта*, охватывающего, с одной стороны группу субъектов, существующих независимо от человека (в терминологии А. М. Плотниковой: «натурдинамика» [114, с. 17]. Сюда, по мнению автора, входят:

– явления природы, субъектом которых выступают небесные светила (солнце, луна и т. п.) (рус. *взойти, зайти, подняться, клониться, жарить, припечь, греть, закатиться* и др.), время (*течь, ползти, идти, мчаться* и т. п.);

– органы тела (сердце, глаза, мышцы и т. п.) (рус. *биться, колотиться, стучать, моргать, щуриться, сокращаться* и т. п.).

С другой стороны, гиперроль субъекта может носить биодинамический характер [114, с. 17], т.е. называть самостоятельного биологически активного исполнителя действия, а именно:

– растения (рус. *акклиматизироваться, ветвиться, взойти, взаться, вырасти, зеленеть, зреть* и т.п.);

– животные (рус. *крякать, лаять, пороситься, щениться* и т. д.).

В функции субъекта могут выступать и отдельные неодушевленные предметы, а именно:

– продукты питания и внутреннего употребления: рус. *бродить* (о вине); *засахариться* (о варенье), *коптиться* (о продуктах питания); *взойти/подняться* (о тесте);

– одежда, обувь: рус. *морщить* (об одежде), *тереть* (о неудобной обуви);

– предметы обихода, быта (посуда, мебель): рус. *биться* (о посуде);

– орудия труда, механизмы: рус. *буксовать* (о колесах); *показать* (об измерительных приборах); *тикать* (о часах).

Исследовательница справедливо замечает, что существуют также глаголы с денотативно закрепленными, специализированными субъектно-объектными

семами, представленными в словарных дефинициях глаголов с тематически ограниченным набором лексем, например: рус. *возделывать* (землю), *косить* (траву), *моросить* (о дожде) *цвести* (о растениях) [114, с. 8]. Вместе с тем отмечены и глаголы, в семантическую структуру которых включаются другие семантические переменные, в частности, орудие (инструмент), ср.: рус. *опереться* (рукой), *хватать* (рукой, зубами).

Как видно из краткого обзора работ, перечень семантических ролей и их количество различаются у разных авторов, что, в свою очередь, обуславливается тем фактом, что лингвисты составляют собственный набор семантических ролей согласно целям, задачам и практическому материалу своего исследования, который является необходимым и достаточным для описания эмпирического материала.

В настоящей работе для описания семантического уровня диатез используются следующий набор семантических ролей:

1) агенс (Ag) – инициатор действия – одушевленное лицо, которое контролирует действие;

2) пациенс (Pt) – участник ситуации – лицо, которое вовлечено в действие и испытывает существенные изменения;

3) экспериенцер (Exp) – субъект восприятия или мыслительного процесса, носитель эмоций;

4) адресант (Adm) – отправитель информации;

5) адресат (Adr) – получатель информации;

6) стимул (Stim) – источник влияния при чувственном восприятии;

7) бенефициант (Ben) – объект, в пользу которого выполняется действие;

8) инструмент (Instr) – предмет, с помощью которого совершается действие, который сам не претерпевает изменений при его осуществлении;

9) средство (Med) – предмет, с помощью которого совершается действие и который при этом расходуется;

10) цель субъекта действия (Tar);

11) причина (каузатор) (Caus) – участник (часто неодушевленный или одушевленный, но действовавший бессознательно либо событие), который вызывает появление данной ситуации;

12) содержание (Cont) – предмет восприятия или мыслительного процесса.

В методологическом аспекте оказалось подходящим и удобным при описании (в силу невозможности однозначно определить семантическую роль аргумента предиката) использовать в отдельных случаях совокупное применение конкретных и обобщенных ролей посредством сведения близких конкретных ролей к (полусинтаксическим) обобщенным ролям, т.н. "гиперролям" [60, 61; 33]. А. Е. Кибрик определяет гиперроли как основные (субъектная гиперроль и объектная гиперроль) и вторичные (в том числе обстоятельственного типа).

Гиперроль субъекта (Sb) выражается в конструкциях с СРГ и ПРГ (в активном залоге) обычно подлежащим и приписывается главному участнику рефлексивной ситуации. Она репрезентирует конгломерацию следующих конкретных семантических ролей: 1) агенса (Ag); 2) инициатора (Init); 3) экспериенцера (Exp); 4) каузатора (Caus).

Кроме вышеперечисленных ролей, для адекватного описания семантики СРГ и ПРГ в инвентарь ролей вводятся новые дополнительные семантические роли:

13) рефлексивный агенс (Ag_{refl}) – одушевленный субъект, действие которого направлено на самого себя или свою отчуждаемую/отторжимую либо неотчуждаемую/неотторжимую часть;

14) посессивный объект (Ob_{poss}) – предмет, называющий отчуждаемую часть субъекта, который находится во владении субъекта, принадлежит ему;

15) партитивный объект (Ob_{part}) – предмет, называющий неотделяемую часть субъекта и подвергающийся воздействию со стороны субъекта действия;

16) источник опасности (травмы, телесного повреждения и т. п.) (Sw/d), с которым субъект случайно контактирует;

17) квазиагенс (Ag_{qu}) – одушевленный субъект, совершающий ошибочное (случайное, неконтролируемое) действие.

Для более полного и детального описания РГ и РК учитываются также дополнительные семантические элементы, которые появляются в окружении рефлексива и могут носить как факультативный, так и облигаторный характер: 1) Attr – качественный / количественный признак, который приобретает субъект / объект; 2) Mode – способ выполнения действия; 3) Temp – время протекания / выполнения действия; 4) Loc – место протекания действия / нахождения участника глагольного действия.

Следует добавить, что семантические роли в силу своей сложной природы и тесной связи с синтаксисом могут пересекаться друг с другом. В этом отношении показательным является следующее высказывание: «Дативом называют обычно падеж, выражающий роль Реципиента (а с ним, возможно, и роли Адресата и Бенефактива), а инструменталисом – падеж, выражающий, прежде всего, Инструмента (а также, возможно, Средства, Образа действия и др.) [8, с. 50–51].

2.2.2 Референтный уровень

Необходимость включения референтного уровня описания при анализе РГ обусловлена тем фактом, что семантические роли определяются не благодаря семантическим признакам, а с точки зрения отношения участников ситуации к действию, состоянию и т.п. Кроме того, между семантическими ролями и семантическими признаками существует неоднозначное соответствие: семантические роли предопределяются членами предложения, а не семантикой имен [33, с. 16; 142, с. 10].

На *референтном уровне* НГ и РГ учитывается тип семантических референтов, имплицитных лексическим значением глагола, т.е. участников называемой им типовой ситуации. Вслед за У. Чейфом, в работе выделяются следующие основные семантические типы референтов [150, с. 432]:

1) *потенцы* (Pot), т.е. референты, имеющие собственную внутреннюю энергию и способные самостоятельно совершать действия или каузировать выполнение кем-либо/чем-либо определенного действия. Этот класс референтов

охватывает одушевленные потенты, в частности, человека (Pers), а также природные силы и стихии, например:

(43) нем. *Der Jäger* [Pers] *hat einen Hirsch geschossen* ‘Охотник застрелил оленя’;

2) *предметы* (NonP), неспособные выполнять действие или каузировать действие, т.е. референты без собственной внутренней энергии, ср.:

(44) нем. *Die Katze krallte sich am Baumstamm* [NonP] *fest* ‘Кошка крепко вцепилась в ствол дерева’;

(45) рус. *Девочка одела куклу* [NonP];

3) *партитивные референты* (Part), называющие обычно часть тела человека или животного, или его неотъемлемое свойство, ср.:

(46) нем. *Sie kämmt ihr goldenes Haar* [Part] ‘Она расчесывает свои волосы цвета золота’;

(47) рус. *Мама* [Pers₁] *погладила ребенка* [Pers₂] *по голове* [Part₂];

4) *посессивные референты*, называющие отчуждаемую часть человека (одежда, имущество и т.д.).

Семантика НГ/РГ накладывает определенные ограничения на выбор референтного типа участника ситуации. Так, русские РГ *нахмуриться, одеваться* в неметафорическом употреблении предполагают только человека в позиции субъекта, напротив, РГ нем. *sich aufplustern* ‘нахохлиться’, рус. *нахохлиться* – только животное (птицу). С другой стороны, существуют РГ, которые допускают в позиции подлежащего как одушевленный, так и неодушевленный тип референта, ср.: рус. *развиться* (о таланте) и *развиться* (о юноше), аналогично: нем. *sich entwickeln* ‘развиться’.

2.2.3 Синтаксический уровень РГ

На *синтаксическом уровне* ситуация, которая описывается НГ и РГ, и ее участники выражаются с помощью синтаксических членов предложения.

Понятие «валентность» трактуется в лингвистике как в широком, так и в узком смысле. В широком понимании речь идет о сочетаемости слов и единиц

разных языковых уровней (фонем, морфем, полнозначных слов, элементарных предложений в структуре сложных). Узкое понимание валентности связывают со способностью предикатного слова предопределять своей семантикой определенное количество субстантивных (предметных) синтаксем в своем окружении и формировать таким образом семантико-синтаксическую структуру простого элементарного предложения [83, с. 91].

Одним из первых в российском языкознании понятие «валентности» использовал С. Д. Кацнельсон. По его мнению, валентность – это «синтаксическая потенция слова, которая содержится в его лексическом значении, способность присоединять к себе другое категориально полнозначное слово» [55, с. 20]. При этом учёный разделяет формальную и содержательную валентности. Содержательная валентность измеряется количеством «мест», которые открывает глагольный предикат. Глагольный предикат, выражая определенное значение, содержит в себе макет будущего предложения, «гнезда», которые в предложении заполняются словами, категориальные признаки которых отвечают категориальным признакам «гнезда» [55, с. 83]. Формальная валентность обусловлена элементами синтаксической морфологии в конкретном языке.

Исследованию проблем валентности посвящено большое количество работ как отечественных (Б. А. Абрамов [1], Л. И. Гришаева [41], С. Д. Кацнельсон [55, 56], С. М. Кибардина [58, 59], О. И. Москальская [86], Г. Г. Сильницкий [121], М. Д. Степанова [125], С. М. Панкратова [94], Н. И. Филичева [134]), так и зарубежных лингвистов (К.-Е. Sommerfeldt [191], Н. Brinkmann [166], W. Flämig [172], G. Helbig [178], J. Buscha [169]). И это неслучайно, так как предикатно-актантная структура предложения была и остается центральным объектом многих синтаксических теорий. С этой областью связаны многие ключевые проблемы, в частности:

- 1) соотношение между референтным, семантическим и синтаксическими уровнями предложения;
- 2) разграничение между актантами и сирконстантами;

3) отношение между в базовой непереходной, переходной и битранзитивной конструкциях в терминах аккумулятивности, эргативности, активно-стативности и другие.

Данные вопросы были предметом детального изучения в 60-80-ые годы XX в., когда лингвистика в своих исследованиях исходила из базовых, регулярно воспроизводимых свойств анализируемого языка.

В конце XX – начале XXI в. происходит смена в научной парадигме, при изучении грамматических явлений в структуре простого предложения во внимание все больше принимается лексическая и семантическая составляющая его компонентов (например, M. Haspelmath [177]).

Показательным в этом отношении является проект изучения двухместных предикатов, разработанный и выполненной на материале 78 разноструктурных языков группой исследователей Петербургской (Ленинградской) типологической школы [120]. В этом проекте предпринята попытка совместить первичные данные, полученные от носителей разных языков, с единым списком предикатных значений. Сопоставительно-типологический анализ моделей 130 двухместных маркированных предикатов, кодированных различными средствами языков различной генеалогической и ареальной принадлежности (падежами, предлогами, послелогами и др.), позволил получить определенные обобщения теоретического и типологического характера [120, с. 557–625]. Для каждого языка описываются обнаруженные в нем валентностные классы, выделяемые по признаку средств кодирования двух ядерных актантов – субъекта и объекта. В частности, установлено, что русский язык характеризуется бóльшим разнообразием валентностных классов, чем многие другие языки мира [120, с. 9]. Выявлено также, что принадлежность немецких глаголов к семантическим классам не играет роли, так как представители одного и того же класса могут встречаться в различных конструкциях [17, с. 181].

Элементы синтаксической структуры СРГ и ПРГ описывается в диатезах посредством традиционных терминов: подлежащее, дополнение, обстоятельство и т. д. В том случае, когда синтаксические элементы выражают аргументы НГ и РГ,

они называются в соответствии с концепцией Л. Теньера [128; см. также Ю. Д. Апресян [6; 7]) – синтаксическими актантами. Синтаксические актанты противопоставляются сирконстантам – синтаксическим элементам, которые соответствуют семантически факультативным элементам толкования предикатного слова, т.е. элементам, не участвующим в толковании глагольной лексемы [16, с. 122].

В. С. Храковский выражает особый взгляд на подлежащее, помимо именной словоформы в именительном падеже, и считает его присутствующим в любой неглагольной словоформе, если таковая имеется в предложении [43].

Исходным объектом синтаксической концепции В. С. Храковского является иерархически упорядоченное по синтаксическим весам, теоретически неограниченное множество синтаксических переменных, в которое входят как актанты, так и сирконстанты, соответствующие партиципантам и атрибутам предикатных слов. Принцип синтаксической иерархии, подчеркиваемый В. С. Храковским, проявляется, в частности, в том положении, согласно которому в синтаксической структуре не может быть переменной с последующим цифровым индексом при отсутствии переменной с предыдущим цифровым индексом (например, прямого дополнения (именуемого «индекс 2») при отсутствии подлежащего («индекс 1»)). Так, по мнению В. С. Храковского, приписывание единственному актанту в РК типа рус. *Задавило человека; Мне мечтается; Подуло ветром* индекса 2 или индекса 3 (=косвенное дополнение) противоречит принципу иерархии, поскольку подобное приписывание правомерно лишь в том случае, если в структуре есть еще один актант с индексом 1 (или актанты с индексами 2 и 1 в примерах с косвенным дополнением), и поэтому согласно указанному принципу необходимо этот единственный актант (соответственно *человека, мне, ветром*) считать его подлежащим.

В. С. Храковский предпринял попытку функциональной классификации элементов синтаксического уровня, исходя из комбинаторных отношений между элементами данного уровня, абстрагируясь и от семантики этих элементов, и от морфологических средств их выражения. В более общих терминах это

описывается как попытка определить значимость единиц одного лингвистического уровня на основе лишь синтагматических отношений между ними, игнорируя отношения межуровневые, парадигматические. Ученый также вырабатывает скользящую (с точки зрения формы), но фиксированную (с точки зрения принципа иерархии) классификацию членов предложения.

В работе А. А. Холодовича [139, с. 362–363], рассуждая о таком свойстве исходной диатезы, как соответствие первому партиципantu подлежащего, автор, разделяя концепцию синтаксического нуля, указывает на то, что подлежащим, помимо имени в именительном падеже (рус. *Грачи улетели*), может быть также либо пустой знак (нем. *Es regnet* "Идет дождь"), либо нулевой знак (рус. *Кого раздавило? Ребята, человека задавили!* (А. П. Чехов) [205].

По мнению А. А. Холодовича, во всех подобных случаях глагол имеет форму действительного залога; предложения с этими подлежащими являются по своей синтаксической структуре активными (а не пассивными, как считает В. С. Храковский, интерпретируя неопределенно-личные предложения).

По своей организации синтаксическая структура предложения представляет собой взаимосвязь актантов с единственной вершиной – сказуемым, в узлах которого находятся синтаксические актанты и сирконстанты [128; 138].

Таким образом, в диатезе отмечается соответствие между аргументами глагольной лексемы и синтаксическими актантами сказуемого.

В настоящем исследовании в синтаксической структуре НГ и РГ выделяются следующие синтаксические элементы:

- 1) подлежащее (Sb) в форме как единственного числа (Sb_{ед}), так и множественного числа (Sb_{мн});
- 2) дополнение в винительном падеже (Об_{вин});
- 3) дополнение в дательном падеже (Об_{дат});
- 4) дополнение в родительном падеже (Об_{род});
- 5) дополнение в творительном падеже (Об_{твор});
- 6) предложное дополнение (Об_{предл});
- 7) предикатив (Prädik).

2.3 Обратимые и необратимые РГ и причины их появления

В сопоставляемых языках исследуемые СРГ и ПРГ могут вступать с их производящими НГ в различные формальные и смысловые отношения. СРГ и ПРГ русского и немецкого языка, по смыслу соотносительные с их производящими (мотивирующими) НГ и образующие с ними смысловые оппозиции, называются *обратимыми* (или соотносительными) РГ [34, с. 122].

Наоборот, СРГ и ПРГ, формально имеющие мотивирующие НГ, но не соотносимые с ними по смыслу, именуются *необратимыми* (или несоотносительными). Таким образом, необратимые РГ невыводимы из значения их мотивирующей (производящей) основы и значения РП, ср. следующие несоотносительные пары НГ и РГ:

(48) нем. *j-n, etw. hüten* <j-n, etw. bewachen> ‘охранять кого-л., что-л.’ (например, детей, двери) → *sich vor j-m, etw. hüten* <sich vor j-m, etw. in acht nehmen> ‘остерегаться кого-л., чего-л.’ (например, неприятеля, простуды);

(49) рус. *жаловать* <разг. уважать> → *жаловаться* <высказывать жалобы> (например, на здоровье).

По мнению Э. Ш. Генюшене, РГ является необратимым глаголом, если не выполняется хотя бы одно из условий обратимости, на которые обращает внимание в своей типологической классификации рефлексивов В. П. Недялков: 1) морфологическая необратимость – наличие исходного по форме НГ; 2) синтаксическая обратимость – изменение синтаксических свойств РГ по регулярной модели; 3) лексическая обратимость – сохранение лексического наполнения соотносительных синтаксических позиций, т.е. позиции подлежащего в НК и РК; 4) семантическая (или смысловая) обратимость – регулярное изменение значения производного РГ при выполнении первых трех условий обратимости [90, с. 15; 33, с. 162].

Среди соотносительных РГ, имеющих нерефлексивный коррелят (НГ) в аналогичной грамматической форме, с одинаковыми семантикой, синтаксической структурой, семантикой и лексической сочетаемостью, интересными

представляются ПРГ, «процесс деривации которых заключается в элиминации прямого дополнения, референтом которого является отчуждаемое или неотчуждаемое обладаемое референта участника, выраженного в позиции подлежащего, как в исходной, так и в производной конструкции», при этом «в позиции прямого дополнения назван некоторый объект, который оказывается семантически инкорпорирован в значение производного РГ» [24]. Приведем примеры таких РГ:

(50) рус. *Ну что, попробуйте сейчас запуститься* (т. е. запустить компьютерную программу);

(51) рус. *Если хочешь ткнуться, то ткнись вон туда* (т. е. воткни, вставь своё зарядное устройство мобильного телефона в розетку);

(52) рус. *Ты что, будешь ксериться?* (т. е. ксерить свои бумаги);

(53) рус. *Мы уже подались в Тарту* (т.е. подали свои тезисы на конференцию в Тарту).

По мнению С. С. Сая, для адекватного анализа проиллюстрированного материала необходимо сформулировать его конституирующие свойства, которые можно выявить путем сопоставления исследуемых возвратных конструкций с конструкциями, в которых используются соотносительные неререфлексивные глаголы [119].

При сопоставлении двух денотативно синонимических конструкций выявляются следующие релевантные свойства РК: 1) субъекты двух конструкций совпадают; 2) производная конструкция, как и большинство РК в русском языке, является непереходной, исходная же конструкция является переходной; 3) в производной РК никак не выражен актанта, соответствующий прямому объекту исходной РК, хотя он и представлен семантически.

В русском языке ПРГ были предметом исследования во многих работах [161; 175; 64, с. 182–183]. В сферу анализа попадали в основном наиболее употребительные ПРГ типа *зажмуриться* ‘зажмурить глаза’, *упаковаться* ‘упаковать вещи’, *потратиться* ‘потратить деньги’, *строиться* ‘строить жилье, дом, домашние постройки’, *заправиться* ‘заправить транспортное средство

(бензином)’, *сосредоточиться* ‘сосредоточить внимание’, *печататься* ‘печатать свои сочинения’ и др.

Неэксплицированный участник таких ПРК закреплен за конкретной лексемой. Так, *тратить* можно деньги, зарплату, стипендию, бумагу, (переносно) силы, слова и т. п., а *тратиться* означает только ‘тратить деньги, средства’» [161, с. 175], т. е. речь идёт об семантически определенном, инкорпорированном в смысловую структуру объекте.

Правильная интерпретация рассматриваемых употреблений, в отличие от лексически закрепленных «возвратных глаголов включенного объекта», невозможна без обращения к конкретной ситуации речи. По справедливому замечанию С. С. Сай, РГ в предложении *Уже закрывается пора* не вполне корректно называть «РГ включенного объекта», т. к. здесь семантика неэксплицированного участника не включена в значение РГ на уровне словаря, в отличие от ПРГ типа *зажмуриться, упаковаться, потратиться* и т.п. Поэтому, такие ПРГ точнее называть «РГ опущенного объекта».

Термин «обратимость» используют в своих работах также Р. А. Маркарян [69, с. 6–9]. Последний выделяет абсолютную и контекстуальную необратимость. В отношении пассивизации среди глаголов выделяются также абсолютно необратимые языковые единицы, например:

(54) рус. *Телегин миновал очередь* (А. Н. Толстой. Сестры) [205].

Причина необратимости в этом случае заключается в семантической и грамматической природе самого глагола. Контекстуальная необратимость зависит от контекстной ситуации и условий, возникающих в пределах словосочетания, что в свою очередь позволяет говорить о синтагматической необратимости [19, с. 158–161].

Влияние лексической семантики на необратимость проявляется в лексико-семантических группах глаголов. Глагол теряет обратимость по мере своего отдаления от центра семантического поля глаголов действия.

Большое значение в контексте причин необратимости играет грамматика. Пассивные формы могут иметь лишь прямопереходные глаголы, что также влияет

на обратимость глагола. Немногочисленные исключения представляют глаголы с сильным управлением, которые, несмотря на свою непереходность, образуют страдательные формы, ср.: рус. *польстить*, например:

(55). рус. *Олег Газманов был польщен вниманием оренбургских поклонников* (novostimira.com) [205].

И. Кеснер отмечает, что «грамматические ограничения обратимости могут быть морфологическими и синтаксическими. Морфологический уровень кроме ограничений на образование пассива как такового накладывает ограничения на возможность употребления некоторых форм в пассиве и прежде всего формы повелительного наклонения [57]. Форма повелительного наклонения чаще всего выражает побуждение, которое предполагает обращение к субъекту действия, что в пассивной конструкции невозможно. Из морфологических факторов пассивизации препятствует морфемная структура слова и некоторые другие его морфологические характеристики. На уровне синтаксиса на обратимость в отрицательном смысле влияет, во-первых, характер поверхностной структуры высказывания, который может вызывать так называемую пропозициональную необратимость, и, во-вторых, характер окружения глагола, т.е. лексическое и грамматическое значение тех компонентов, которые глагол окружают» [57]. Необратимость тесно связана с понятием валентности, так как валентность глагола напрямую связана с его лексической семантикой. Автор указывает также на морфологические причины необратимости, в частности, наличие суффикса со значением однократности, двувидовость глагола, например: *женить* (рус. *Мой брат в этом году женил сына*), *дисциплинировать* (рус. *Чувство ответственности за порученное дело дисциплинировало ребят*).

К причинам необратимости также относят совмещение значений переходности и непереходности. У многих глаголов имеются, кроме переходных, еще и непереходные значения. Причем в некоторых случаях вторые даже преобладают. В таких случаях можно наблюдать ограничивающее влияние непереходных лексико-семантических вариантов на возможность пассивизации

активных форм переходных ЛСВ, особенно в тех случаях, где непереходное значение является первичным.

Так как лексическая семантика напрямую связана с синтаксическим уровнем, они также совместно влияют на обратимость или необратимость глагола: дистрибутивные отношения глагола, а также лексические и грамматические свойства контекста теснейшим образом связаны с его семантической вариативностью, способностью к лексико-грамматической производности, например: нем. *etw. hängen* ‘вешать что-то (например, пальто)’ → *sich an etw. hängen* ‘прицепиться к чему-л. (например, к машине)’.

Как уже было отмечено выше, неодушевленные субъекты неспособны производить активное, намеренное действия. Стихийные силы, названия явлений природы, технических средств, предметов вооружения могут выполнять семантическую функцию субъекта, но они не выступают в роли агенса, контролирующего действие. Поэтому, их появление в позиции синтаксического актанта может также вызывать необратимость.

Среди причин необратимости Л. Л. Буланин также отмечает абстрактный характер объекта действия [19]. Обратимость в основном свойственна переходным глаголам действия, которые имеют конкретные объекты и «создаются, изменяются или уничтожаются», например: рус. *Каменщики построили дом; Отец покрасил забор; Лида разорвала письмо.*

Особого внимания заслуживает такой фактор, как сочетание глагола с местоимением «сам». Как замечает И. Кеснер, данный фактор неразрывно связан с предыдущим, так как «местоимение *сам* чаще всего выступает в роли прямого дополнения и придает словосочетанию рефлексивное значение, которое является препятствием его пассивизации» [57], например: *вообразить* (рус. *Ольга вообразила себя актрисой*), *насидеть* (рус. *Федя насидел себе у окна радикулит*), *влюбить* (рус. *Если бы я была безнравственная женщина, я бы могла влюбить в себя ее мужа* (Л. Н. Толстой. Анна Каренина) [205]).

Фразеологизация глагольного словосочетания является одним из ключевых факторов необратимости [139; 79]. Идиоматическая направленность оказывает

непосредственное влияние на обратимость глаголов, так как она выражает метафорическую связь переходного глагола с его объектом [79, с.9]. Речь идёт о РГ, которые часто употребляются в разговорной речи, ср.: рус. *сохраниться, загрузиться, напрячься, переключаться, обуютиться* и *оке(э)шиться*. Данные РГ имеют переходные нерексивные корреляты: рус. *сохранить, загрузить, напрячь, переключать, «обуютить» «оке(э)шить»* [24]. Приведем примеры употребления данных РГ:

(56) рус. *Почти закончил. Подожди, надо сохраниться...* (Е. Павлова. Вместе мы эту пропасть одолеем! // «Даша», 2004) [5], т.е. сохранить документы на компьютере;

(58) рус. *Только один рекламный ролик! Не переключайтесь!* т.е. не переключайте канал;

(58) рус. *Как загрузиться в безопасном режиме, если клавиша F8 не работает?*

(59) рус. *Не могу загрузиться с флешки / диска*, т.е. загрузить компьютер или документ.

РГ *напрягаться / напрячься* имеют следующее толкование: ‘прилагать усилия, делая что-л.; повышаться в силе’ и соотносится по смыслу с НГ *напрягать/напрячь* ‘повышать силу, усиливать (зрение, память и т. п.)’, которые сочетаются с прямым объектом (зрение, память и т. п.). Данные семантические объекты могут быть включены и в семантику самого РГ, например:

(60) рус. *Сам он, как ни напрягался (т.е. напрягал зрение), ничего на этот раз не видел* (Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого // «Новый Мир», 2000) [5].

Как указывают Н. А. Быкова, Е. М. Мельникова, разговорные РГ *обуютиться* и *оке(э)шиться* образовались путем присоединения постфикса *-ся* к НГ *обуютить, оке(э)шить*, мотивированных, в свою очередь, существительными *уют, ке(э)ш* [24]. В свою очередь, мотивирующей основой выступают НГ, к которым в ходе деривации одновременно присоединились префикс и суффикс.

В современном разговорном языке переходные глаголы *обуютить* и *оке(э)шить* часто употребляются в сочетании с прямыми объектами действия:

обуютить дом, квартиру, окно, кабинет и т. д.; *оке(э)шить* чек, опционы и т.д. В свою очередь, их рефлексивные корреляты *обуютятся* и *оке(э)шиться* включают в свое значение данные семантические объекты, например:

(61) рус. *Если поднатаскать в эту берлогу веточек смирения, да листьев тихой душевной мудрости, да хвойных иголок мягкого насмешливого оптимизма, да устелить ими дно, да обуютятся, притереться, примоститься, глядишь – жизньто и впрямь удалась...* (В. Колочкова. Малина Смородина, 2012; 16) [5];

(62) рус. *Пряатель побрел в банкомат окешиться и тут перепугался не на шутку.*

Характер и функции постфикса *-ся* подробно рассматривались в работе С. Л. Лукиной, которая сопоставляла производные РГ и их производящие НГ. В своей работе лингвист отмечает, что в некоторых случаях нерефлексивное соответствие РГ отсутствует. Большинство русских РГ являются соотносительными, за исключением *reflexiva tantum*, а именно: *запыхаться*, *зиждиться*, *казаться*, *карабкаться*, *касаться*, *каяться*, *кочевряжиться* и др. (всего обнаружено 59 глаголов по данным "Обратного словаря") [76].

Автор также отмечает наличие ряда РГ (*наслаждаться/соглашаться*), которые в XVIII-XIX в.в. употреблялись также нерефлексивно: *наслаждать*, *насладить*, *соглашать*, *согласить* и др [76].

Утрата исходного коррелята является не единственной причиной появления наличия необратимых РГ, так как в отдельных случаях наблюдается их образование по существующим в языке отыменным моделям: рус. *брататься* (← брат), *лениться* (← лень). Следует отметить, что в современном русском языке у некоторых РГ существующие сопоставимые формы употребляются крайне редко.

Н. А. Янко-Триницкая указывает на наличие в языке множества РГ, омонимичных с сопоставимыми глаголами [161]. Причина здесь усматривается в том, что иногда у РГ появляются переносные значения, которые не увеличивают семантический потенциал многозначного слова, а стремятся обособиться и образовать омоним, ср.: *плохо плестись* (о корзине) и *плестись по дороге*, т. е. медленно идти.

Помимо РГ, относящихся к *reflexiva tantum*, к необратимым РГ причисляют также глаголы, образованные путем одновременного присоединения к производящей основе префикса и постфикса *-ся*. Данные РГ «не могут быть использованы для определения словообразовательного значения постфикса *-ся*, так как новое значение возвратного глагола создается сочетанием *-ся* с приставкой, а это уже новая словообразовательная морфема» [161]. Поэтому, для изучения словообразовательного значения постфикса *-ся* следует сопоставлять производные и производящие основы.

Руководствуясь данным принципом при определении значения постфикса *-ся*, исследователи приходят к выводу о том, что его основной грамматической функцией является устранение переходности или усиление непереходности, а словообразовательной функцией – усиления агентивного действия, его сосредоточенности в самом себе (А. В. Исаченко [51], Н. А. Янко-Триницкая [161], Б. Ю. Норман [92; 93] и др.).

В этой связи К. В. Гото, С. С. Сай отмечают, что более половины (54%) русских РГ, встретившихся в художественных текстах, являются несоотносительными рефлексивами [39]. Интересно, что из 18 деривационных классов русских несоотносительных РГ встречаемость собственно-рефлексивных глаголов (*мыться, одеться*) в текстах художественной литературы невелика (4%), с небольшим перевесом их опережают ПРГ (*зжмуриться, защищаться* (6%)). Самую высокую частотность обнаруживают автокаузативные (*Я поднялся; Мы двинулись в путь*) (35%) и декаузативные РГ (рус. *Компьютер сломался. Чашка разбилась*) (27%).

Несмотря на низкую встречаемость СРГ и ПРГ в художественной литературе, собственно-рефлексивная и посессивно-рефлексивная функции РП играют организующую и структурообразующую роль в развитии семантики современных русских РГ [52, с. 59–60].

2.4. Типы необратимых РГ

Необратимые СРГ и ПРГ в русском и немецком языках распадаются на несколько типов.

2.4.1 Морфологическая необратимость

Морфологически необратимыми рефлексивами (также – *reflexiva tantum*), именуются РГ, у которых отсутствует соотносительный формальный кореллят среди НГ, например.:

(63) рус. *силиться* (разг.) (≠ **силить*); *дичиться* ((≠ **дичить*), *жеманиться* (разг.) (≠**жеманить*), *петушиться* (≠**петушить*), *повадиться* (≠* *повадить*), *пыжиться* разг. перен. (←* *пыжить*), *упрямиться* (≠* *упрямить*), *храбриться* (≠**храбрить*), *церемониться* (≠ **церемонить*);

(64) нем. *sich dekolletieren* ‘надевать декольтированное платье’ (≠ **dekolletieren*), *sich anhosen* ‘вырядиться, странно одеваться’ (≠**anhosen*). *sich brüsten* ‘хвастать’ (← **brüsten*).

Многие исследователи обращают внимание на то, что с точки зрения формального критерия в особую группу следует выделить РГ, у которых отсутствует совпадающий по форме глагол без аффикса *-ся/сь*, типа: *бояться*, *улыбаться*, *проснуться*, *нравиться* и т.д. [Ф. Ф. Фортунатов [136]; А. М. Пешковский [101]; Н. А. Янко-Триницкая [161]. Например:

(65) рус. *Мне тут климат не нравится* (А. Слаповский. Не сбылась моя мечта (1999)) [205]; аналогично: (66) рус. *Марина боится перемен* (А. Слаповский. Не сбылась моя мечта (1999)) [205];

(67) рус. *Наметив с утра приступить к работе, Алексей Тихонович на радостях немного выпил и уснул в своём сарайчике с желанием поскорей проснуться* (Алексей Слаповский. Не сбылась моя мечта (1999)) [205].

К морфологически необратимым РГ примыкают глаголы со сложным формантом, у которых словообразовательным формантом выступает РП в комбинации с приставкой (нем. *weinen* ‘плакать’ → *sich ausweinen* ‘выплакаться’;

plaudern ‘болтать’ → *sich ausplaudern* ‘проболтаться’; рус. *плакать* → *выплакаться*; *говорить* → *выговориться*), а также вторичные РГ, образованные от РГ путем присоединения одной лишь приставки (рус. *смеяться* → *посмеяться*; *интересоваться* → *поинтересоваться*, ср., однако, отсутствующие в языке НГ *посмеять, *поинтересовать). Добавим, что в семантическом отношении РГ со сложным словообразовательным формантом (другие наименования – «конфиксные РГ», «РГ с рефлексивным комплексом», «РГ с отдельным формантом» и др.) заметно отличаются от рассматриваемых СРГ и ПРГ, так как в них акцентируется внимание на различном типе результата для субъекта РГ (положительный, отрицательный или нейтральный) [9].

Вместе с тем, в немецком языке среди РГ со сложным формантом встречаются и отсубстантивные РГ с собственно-рефлексивным значением. Производные РГ являются обычно коннотированными дериватами, например:

(68) нем. *die Puppe* ‘кукла’ → *sich aufpüpfeln* разг. ‘наряжаться как кукла; *die Schleier* ‘вуаль, покрывало’ → *sich entschleiern* высок. ‘разоблачаться’; *der Kolter* диал. ‘стёганое одеяло’ → *sich auskoltern* разг. ‘раздеваться’; *die Hose* ‘брюки’ → *sich anhosen* разг. ‘вырядиться’.

Э. Ш. Генюшене отмечает, что *reflexiva tantum* распространены во всех языках, в частности, они многочисленны в древнегреческом и депонентных формах на -г в латинском [33, с. 348]. И. А. Перельмутер также полагает, что картина, которую представляют *media tantum* древних индоевропейских языков, по всем основным признакам аналогична тому, что представляют собой *reflexiva tantum* новых индоевропейских языков [100].

В свою очередь, А. М. Пешковский, рассматривая *reflexiva tantum* в современном русском языке, приходит к выводу, что внутри *reflexiva tantum* ясно прослеживаются все значения, передающиеся рефлексивными формами глаголов, которые образуют в том числе и нерефлексивные формы [101, с. 134].

Добавим также, что в числе *media tantum* встречаются глаголы, которые не являются соотносительными по своей семантике с аналогичными медиальными формами двухдiateзных глаголов, которые образуют функционально-

семантическую оппозицию по отношению к значению активной формы соответствующего глагола.

Заметим, что и у глаголов с двойной диатезой нередко наблюдается лексико-семантическая дифференциация залоговых форм, при которой медиальная форма выступает в значении, не образующем регулярной функционально-семантической оппозиции ни с одним из значений активной формы соответствующего глагола.

2.4.2 Семантическая необратимость

Необратимые РГ являются результатом взаимодействия двух деривационных процессов, а именно одновременного использования РП для маркировки изменения значения и синтаксических свойств РГ по одной из регулярных моделей, с одной стороны, и семантической мотивации, т.е. накладывающегося на первый процесс образования нового слова на основное переносного употребления (метафоры) без изменения формы слова, с другой стороны. РГ *тащиться* формально соотносится с исходным НГ *тащить* и является субъектным автокаузативным рефлексивом. Автокаузативное рефлексивное значение маркируется посредством РП, на которое накладывается вторичный, не связанный с добавлением РП, компонент значения ‘медленно (идти)’, метафорически мотивированный значением исходного НГ ‘тяжело с трудом нести, волочить’.

Э. Ш. Генюшене разделяет семантически необратимые РГ на два подтипа по признаку вида деривации [34]:

1) РГ, у которых семантическая мотивация происходит одновременно с формальной, морфологической деривацией, такие РГ соотносимы с НГ непосредственно, ср.: рус. *нести* → *нестись*;

2) РГ, у которых деривация происходит в два этапа: от НГ образуется обратимый РГ по одной из регулярных моделей, а из последнего – необратимый РГ, в таком случае получается цепочка из трех глаголов «НГ → обратимый РГ → необратимый РГ».

У семантически необратимых РГ вторичное изменение значения может быть двух видов: 1) переносное значение, основанное на метафоре; 2) переносное значение на основе необразного расширения или сужения значения.

Семантическая необратимость РГ может сочетаться с дополнительными изменениями прагматики глагола, в частности, со стилевой дифференциацией, когда необратимый РГ приобретает разговорную окраску, в отличие от стилевой нейтральности исходного глагола или когда у РГ появляется отрицательная, презрительная или другая стилистическая окраска.

По мнению некоторых исследователей, РГ в целом часто характеризуются семантической необратимостью; особенно в языках английской ветви имеется большое количество РГ, необратимых по смыслу, что указывает на их лексикализацию с самых первых стадий своего развития [33, с. 349].

Семантически необратимые РГ распадаются в немецком и русском языках на два подтипа.

2.4.2.1 *Полностью необратимые по смыслу* РГ, значение которых абсолютно невыводимо из семантики НГ и РП, ср.:

(69) нем. а. *Ich habe das Holz, Papier, Abfälle verbrannt* ‘Я сжег дрова, бумагу, мусор’ → б. *Ich habe mich [am Ofen] verbrannt* [208, S. 693] ‘Я обжегся (о печку)’.

Конструкции с рефлексивным (69б) и нерефлексивным (69а) глаголами описывают различные денотативные ситуации, ср. их лексикографические толкования: нем. *etw. verbrennen* <*etw. durch Feuer vernichten, beseitigen*> ‘уничтожить, разрушить огнём что-л.’, т.е. сжечь что-л.’ → *sich verbrennen* <*sich durch große Hitze verletzen*> ‘обжечься’, т.е. ‘прикоснувшись к очень горячему предмету получить ожог’. Значение СРГ (69б) нельзя пояснить через значение исходного НГ (69а), т.к. мотивирующий глагол *etw. verbrennen* обозначает целенаправленное уничтожение предмета посредством огня, в то время как производный РГ *sich verbrennen* обозначает ненамеренное причинение себе телесного повреждения из-за случайного прикосновения к раскаленному предмету.

Ср. другие РГ, полностью необратимые по смыслу:

(70) а. нем. *Ich habe den Brief in Fetzen gerissen* ‘Я на клочки порвал письмо’ (т.е. уничтожил его посредством разрыва на отдельные части) → б. *Ich habe mich an einem Dorn/Nagel gerissen* [208, S. 505] ‘Я оцарапался о колючку/гвоздь’ (т.е. случайно нанес себе рану, прикоснувшись к колючке/гвоздю);

(71) нем. а. *Die Geologen haben in diesem Gebiet nach Gold geschürft* горн. ‘Геологи искали в этой местности золото’ → б. *Ich habe mich an der Blechdose empfindlich geschürft* [213, Bd. 5, S. 3319] ‘Я содрал больно кожу о жестянку’.

Приведем из русского языка полностью необратимые по смыслу РГ:

(72) рус. а. *На другой же день короля, приговоренного к смерти, казнили* (т.е. умертвили, приводя в исполнение приговор и подвергая смертной казни – лишению жизни как высшей мере наказания) → б. *Когда его позвали в комиссию слушать сентенцию, он думал, что это для страха, для того, чтоб он казнился* (т.е. испытывал нравственные мучения, страдания, сознавая свою вину), *глядя, как других наказывают* (А. И. Герцен, Былое и думы) [205];

(73) рус. а. Преступники долго *мучили* свою жертву (т.е. причиняли ей физические муки, страдания). → б. [Лизавета Ивановна] *подбежала к окошку – офицер стоял на прежнем месте, устремив на нее глаза; она отошла, мучаясь любопытством* (т.е. испытывая нравственные муки, страдания) (А. С. Пушкин. Пиковая дама) [205].

2.4.2.2 При частичной семантической необратимости в смысловой структуре глагола РГ возможно появление новых смысловых добавок в сравнении с лексическим значением исходного НГ, ср.:

(74) нем. а. *Wir haben einen Theaterbesuch für das Wochenende vorgesehen* ‘Мы запланировали посещение театра на выходных’ → б. *Wir sahen uns (vor ihm) vor, da wir die Gefahr erkannt hatten* [211]. ‘Мы остерегались (его), потому что осознавали опасность’;

(75) рус. а. *Маргарита, не морщась, стараясь не причинять боли, втирала её [мазь] в колено* (т.е. натирая, заставляла ее впитываться) → б. *При помощи услужливости и расторопности, втерся он* (т.е. добился расположения при

помощи неблагоприятных приемов), *однако ж, в доверие к исправнику, так что тот и на следствия брать его стал* (Салт. Губ. оч. (I, 66)) [205].

К рассматриваемой подгруппе необратимых РГ относятся также следующие глагольные единицы:

(76) рус. *оправдать кого-л., что-л.*, т.е. ‘признать правым, невиновным’ → *оправдаться перед кем-л.*, т.е. ‘доказать свою правоту, невиновность’; аналогично: нем. *etw. rechtfertigen* → *sich vor j-m, etw. rechtfertigen*.

Значение РП *-ся* у глагола *оправдаться* очень близко к значению класса собственно-рефлексивных РГ. Однако, между *оправдывать* и *оправдываться* существуют некоторые семантические различия. НГ *оправдывать* имеет семантику ‘доказывать невинность кого-либо, признать кого-либо невиновным в чем-либо’, в то время как РГ *оправдываться* обязательно обозначает речевую деятельность субъекта говорения, т.е. *оправдываться* означает «говорить / объяснять, что ты не виноват в чем-либо». Напротив, у глагола *оправдать* речевая деятельность субъекта может отодвигаться на задний план либо совсем отсутствовать в ситуации, ср.:

(77) рус. *Судья Владимир Сердюков, известный тем, что оправдал обвиняемых по делу о взрыве на Котляковском кладбище, читал приговор почти 3 часа* (Евгений Чубаров. Виноватых нет. По делу Холодова вынесен оправдательный приговор // "Известия", 2002.06.26) [205];

(78) рус. *Неужели вам не совестно заставлять оправдываться женщину, к которой вы испытываете если не любовь, то страсть, потому что к такой красивой женщине невозможно не испытывать страсть* (Алексей Слаповский. Жизнь Лагарпова (1999)) [205].

НГ *купать* означает ‘погружать в воду для мытья, лечения’, а СРГ *купаться* подразумевает скорее погружаться в воду не столько для мытья или лечения, сколько для того, чтобы поплавать и поплескаться.

Также частично-соотносительные глагольные пары характеризует разная лексическая сочетаемость, ср.: рус. *простудить* (какой-то орган, например, почки, горло) → *простудиться* ‘подхватить простуду’, ср.:

(79) рус. Так, он купал своего воспитанника в очень горячей воде, потом закутывал, словно для похода в Сибирь, и клал спать. (Александр Волков. Человек между лесом и волком // "Знание – сила", №8, 2003) [205];

(80) рус. *Всё-таки старый, многолетний друг, когда-то, ещё будучи бедными студентами, ездили летом к его отцу на Витебщину, купались в озере и пили отменный отцовский самогон.* (Василь Быков. Бедные люди (1998)) [205].

2.4.3 Синтаксическая необратимость

Синтаксическая необратимость относится к нерегулярным и частным видам изменения валентностных характеристик РГ [174, с. 146] и влечет за собой преобразование (изменение) синтаксического управления РГ. Иными словами, рефлексивная деривация НГ приводит к смене синтаксического окружения соответствующего РГ, ср.:

(81) нем. а. *Ich habe ihn gerächt* ‘Я мстил ему’ → б. *Ich habe mich an ihm [für die Beleidigung] gerächt* ‘Я мстил ему [за оскорбление]’ [208, S. 492];

(82) рус. а. *Россия в письме в WADA приняла выводы комиссии МОК, но не Макларена.* → б. *Они с жаром принялись за дело* [205].

Синтаксическая несоотнесенность проявляется также в следующих парах НГ и РГ русского и немецкого языков:

(83) рус. *уберечь кого-л. от чего-л.* (например, детей от опасности) → *уберечься чего-л./от чего-л.* (например, опасности/от опасности); *запирать/замыкать что-л.* (например, комнату) → *запираться/замыкаться в чем-л.* (например, в комнате) (разг. сниж.); *прислонять что-л. к чему-л.* (например, спину к двери) → *прислоняться чем-л. к чему-л.* (например, спиной к двери); *прижимать что-л. к чему-л.* (например, спину к стене) → *прижиматься чем-л. к чему-л.* (например, спиной к стене); *запасать что, чего* → *запасаться чем-л.*, *убирать что-л.* (например, комнату) → *убираться в чем-л.* (например, в комнате) (разг.); *признавать что-л.* → *признаваться в чем-л.*;

(84) нем. *etw. auf etw. auflegen* ‘положить что-л. на что-л. (например, руки на стол)’ → *sich mit etw. auf etw. auflegen* ‘облокотиться чем-л. на что-л. (например,

руками на стол)'; *etw.* [*auf etw.*] *aufstützen* 'опирать что-л. на что-л. (например, руки на стол)' → *sich mit etw.* [*auf etw.*] *aufstützen* 'опираться чем-л. на что-л. (например, руками на стол)'.

2.4.4 Лексическая необратимость

Лексическая необратимость РГ характеризуется отличиями в их лексической сочетаемости по сравнению с формальными нереклексивными коррелятами. Релексив может иметь подлежащим только неодушевленное существительное; напротив, НГ – только одушевленное, либо наоборот, ср.:

(85) нем. а. *Er öffnet die Tür* 'Он открывает двери' → б. *Die Tür öffnet sich* 'Двери открываются';

(86) нем. а. *Der Schuh scheuerte mir die Ferse* 'Ботинок до крови натер мне пятку' → б. *Bäume, an denen sich das Schwarzwild gescheuert hatte* [213, Bd.4, S. 3198] 'Деревья, о которые тёрся дикий кабан';

(87) рус. а. *Солнце светит ярко* → б. *Она вся светится от счастья* [205].

Глагол *светиться* очень близок к глаголам типа *белеться*, *краснеться*, которые характеризуются полным сохранением синтаксической структуры исходного НГ. Однако *светить* и *светиться* различаются характером самого действия: *светить* означает 'освещать всё вокруг', в то время как *светиться* 'излучать свет' [88, с. 65].

Следует отметить также особый вид лексической необратимости, при которой в позиции подлежащего исходной НК и в соответствующей ей РК находятся одушевленные имена, номинирующие людей и животных, ср.:

(88) рус. а. *Николка только что выпряг лошадь, теперь сидит и отдыхает на крыльце.* → б. *Лошади были словно бешеные – поминутно выпрягались* [205]; аналогично: *расседлать* кого-л. (например, лошадь) (о человеке) → *расседлаться* (например, о лошади); *отвязать / отцеплять* кого-л. (например, собаку) → *отвязаться/отцепляться* (например, о собаке).

2.4.5 Комбинированная необратимость

Большинство РГ редко демонстрируют чистый тип необратимости, чаще имеет место различная комбинация выше рассмотренных типов необратимости. Наиболее часто сочетаются друг с другом синтаксическая и лексическая необратимость. Кроме того, семантическая необратимость всегда определенным образом взаимосвязана с морфологической, лексической или синтаксической несоотнесенностью. Доб3вим, что синтаксическая необратимость может вызывать полную или частичную семантическую необратимость [89, с. 208], ср.:

(89) нем. а. *Er hängt den Mantel [an einen Haken] an* ‘Он вешает пальто [на крючок]’ → б. *Die Jungen hängen sich an den Wagen an* ‘Юноши цепляются за машину’ [209].

Ср. сходное соотношение двух типов несоотнесенности (семантической и синтаксической) в следующих парах немецких глаголов:

(90) нем. *etw. panzern* ‘обшивать бронёй (например, военный корабль)’ → *sich gegen etw. panzern* (перен.) ‘вооружиться против чего-л.’ (например, ненависти); *etw. klammern/festklammern* ‘прицепить/прикрепить что-л. (например, белье)’ → *sich an etw. klammern/festklammern* ‘крепко ухватиться за что-л. (например, за стол)’; *etw., j-n festhalten* ‘держат, удерживать что-л., кого-л.’ → *sich an etw., j-m festklammern* ‘крепко держаться за что-л., кого-л.’

Кроме того, необратимость лексического типа часто коррелирует с семантической (см. (82)).

Нередко комбинированная необратимость вызывается метафорическим переосмыслением глагола:

(91) нем. а. *Pharmazeutische Produkte kapselt man maschinell ein* ‘Фармацевтические продукты капсулируют при помощи машин’ → б. *Du kapselst dich zu sehr ein* перен. ‘Ты слишком замыкаешься в себе’ [211];

(92) нем. а. *Er hat seine Sachen vom Boden aufgerafft* ‘Он собрал и поднял с пола свои вещи’ → б. *Er war erst bestürzt, sprachlos, dann raffte er sich aber auf und antwortete* [213; Bd. 1, S. 267] перен. ‘Вначале он был обескуражен, потерял дар речи, но затем собрался (т.е. собрал все свои внутренние силы) и ответил’;

(93) нем. а. *Er hat einen Knochen ausgeschält* ‘Он очистил кость от мяса’ → б. *Nun schäl dich erst mal aus* обр. разг. шутл. ‘Ну, раздевайся-ка (букв. вылущивайся наружу) вначале’ [213, Bd. 1, S. 358];

(94) рус. а. [*Старик Болконский*] велел собрать из деревень ополченцев, вооружить их (т.е. снабдить оружием, военным снаряжением), и написал главнокомандующему письмо... (Л. Н. Толстой «Война и мир», I 11, ч. II, гл. 8) [205] → б. *Я вооружился терпением* (т. е. запасся терпением, старался быть терпеливым), продолжая вместе с тем свою «шпионскую» работу (А. Р. Беляев. Продавец воздуха (1929)) [205].

Выводы к главе 2

1. В лингвистике существуют различные подходы к пониманию диатезы и ее роли в языке («необходимый инструмент для описания синтаксической структуры предложения» – Л. Теньер; «набор участников ситуации, обозначаемой глаголом, с их семантическими ролями и коммуникативными рангами» – Е. В. Падучева; «соответствие определенных ролей (партиципантов) лексемы и актантов предикативной словоформы, представляющей лексему» – А. А. Холодович, В. С. Храковский, Б. А. Успенский).

2. Понятие диатезы является центральным для анализа рефлексивных глаголов (включая СРГ и ПРГ). Под диатезой понимается трехуровневая модель (схема) взаимоотношений между элементами референтного, семантического и синтаксического уровней.

3. Информация, которая содержится в конструкции глагола, равна информации, закодированной в лексикографическом толковании слова. Набор семантических валентностей глагольной лексемы определяется её словарным толкованием и остается неизменным во всех случаях употребления данного глагола.

4. Изменения, которые происходят при рефлексивной деривации (НГ/НК → РГ/РК), отражаются при переходе от исходной диатезы к производной.

4.1. Исходной диатезой называется НК, в которой выражается соответствие синтаксических актантов партиципантам ситуации и референтным именам.

4.2. Диатеза, которая фиксируется в РК, называется производной диатезой. Производная РК является рецессивной, в которой по сравнению с исходной НК происходит снижение валентности смыслового глагола.

5. На референтном уровне НГ и РГ учитывается тип семантических референтов, имплицитруемых лексическим значением имен в окружении глагола (одушевленные и неодушевленные потенты, имеющие собственную внутреннюю энергию и способные самостоятельно совершать действия; предметы без собственной внутренней энергии; партитивные референты, посессивные референты).

6. На семантическом уровне учитывается ролевая структура НГ и РГ, которая является постоянной характеристикой для каждой глагольной лексемы. Выделение семантических ролей позволяет эксплицитировать те компоненты в семантике глагола, которые хранятся в его семантической структуре, отразить изменения в его ролевой структуре, происходящие при деривации СРГ и ПРГ.

6.1. Семантический уровень НГ и РГ описывается в сопоставляемых языках с использованием традиционного набора семантических ролей (агенс; пациенс; экспериенцер; адресант; адресат; стимул; бенефициант; инструмент; средство; цель; причина /каузатор; содержание).

6.2. Для адекватного описания семантики собственно-рефлексивных и посессивно-рефлексивных глаголов в немецком и русском языках в работе выделяются дополнительные семантические роли (рефлексивный агенс; квазиагенс; партитивный объект; посессивный объект; источник опасности).

6.3. Деривация немецких и русских СРГ и ПРГ сопровождается появлением в их окружении дополнительных семантических элементов (сирконстантов), которые могут носить как факультативный, так и облигаторный характер (локатив, темпоратив, атрибутив и др.)

7. На синтаксическом уровне актанты нерефлексивной и рефлексивной ситуации выражаются с помощью синтаксических членов предложения. (подлежащее в форме единственного или множественного числа; прямое

дополнение; косвенное дополнение в дательном, родительном, творительном падежах; предложное дополнение; предикатив).

8. При переходе от исходной НК к производной РК происходит определенное изменение числа актантов исходной диатезы. Суть диатезного преобразования заключается в том, что в производной диатезе участники рефлексивного действия на семантическом уровне могут оформляться иными членами предложения по сравнению с актантами исходной НК.

9. Собственно-рефлексивные и посессивно-рефлексивные глаголы немецкого и русского языка вступают со своими нерефлексивными коррелятами в семантические отношения двух типов: обратимости и необратимости.

10. У обратимых РГ в немецком и русском языках значение выводится стандартным образом из значения их НГ и функции РП (постфикса *-ся*, рефлексивного местоимения *sich*), который кодирует полную или частичную однореферентность субъекта и объекта действия.

11. Необратимые РГ невозможно вывести из значения их составляющих конstituентов: производящего слова (основы) и значения РП.

12. В сопоставляемых языках выделяются четыре типа необратимых СРГ и ПРГ (морфологический, семантический, лексический, синтаксический) (см. п.п. 2.4.1; 2.4.2.; 2.4.3; 2.4.5).

12.1. Семантический тип необратимых РГ распадается на два подтипа: а) абсолютно семантически необратимые РГ, значение которых полностью невыводимо из значения производящего НГ и РП; б) частично семантически необратимые РГ, в семантической структуре которых появляются дополнительные смысловые компоненты по сравнению с лексическим значением исходного НГ.

12.2. Выявленные типы необратимости в сопоставляемых языках часто выступают в комбинированном виде (лексическая необратимость + синтаксическая необратимость; синтаксическая необратимость + семантическая необратимость и др.) (см. п. п. 2.4.5.).

12.3. Наиболее продуктивным типом необратимых РГ в сопоставляемых языках является комбинированный семантико-синтаксический тип, отражающий тесную взаимосвязь семантики и синтаксиса в языке.

Основные положения данной главы отражены в публикациях [104; 107; 111; 113].

ГЛАВА 3

ДИАТЕЗЫ СОБСТВЕННО-РЕФЛЕКСИВНЫХ И ПОСЕССИВНО-РЕФЛЕКСИВНЫХ ГЛАГОЛОВ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В данной главе рассматривается семантика немецких и русских СРГ и ПРГ и их мотивирующая база (производящие НГ). В главе исследуется функционирование данных НГ и РГ, осуществляется их семантико-синтаксическая классификация. Выделяются типы и подтипы диатезных преобразований СРГ и ПРГ в немецком и русском языках, определяется степень их продуктивности в каждом языке, устанавливается общее и отличительное в структурной и семантической организации СРГ и ПРГ в сопоставляемых языках.

Материалом исследования послужили СРГ и ПРГ в паре с их производящими НГ (нем. – 688 единиц (344 пары), рус. – 706 единиц (353 пары)), а также их НК и РК, полученные путем сплошной выборки из толковых одно- и двуязычных словарей, национальных корпусов немецкого и русского языков, где представлены контексты употребления анализируемых языковых единиц. В выборку включались все СРГ и ПРГ (стандартные и субстандартные), регистрируемые словарями и национальными корпусами сопоставляемых языков, без учета их стилистической и социальной дифференциации. Такой недифференцированный подход к анализируемым РГ объясняется, с одной стороны, тем, что между литературным языком и другими формами его существования (разговорным, жаргонным, просторечным и др.) нет жесткой границы. Кроме того, такой подход позволяет получить более полную и эмпирически обоснованную картину развития в каждом из сопоставляемых языков данных смысловых классов РГ. За единицу анализа в работе принималось одно значение НГ и РГ, т.е. его лексико-семантический вариант.

3.1 Лексико-семантические группы собственно-рефлексивных и посессивно-рефлексивных глаголов в немецком и русском языках

Семантической особенностью СРГ и ПРГ немецкого и русского языков является тот факт, что они обозначают действия, которые субъект намеренно или ненамеренно выполняет над собой или частью своего тела и выступает одновременно в функции субъекта и объекта действия, а их РП маркирует полную или частичную однореферентность субъекта и объекта.

По мнению Э. Ш. Генюшене и В. П. Недялкова, у собственно-рефлексивных глаголов возможен только одушевленный и обладающий свободой воли субъект или объект (из-за однореферентности актантов) – человек или животное [91]. Поэтому СРГ и ПРГ обозначают, главным образом, осознанные и контролируемые субъектом действия. Во многих языках, в том числе в русском и немецком, СРГ мотивируются главным образом глаголами, обозначающими действия, которые совершает человек в своем ближайшем окружении (со своим телом, одеждой, внутренними свойствами и т.п.), ср.: рус. *мыть* → *мыться*, *вытирать* → *вытираться*, *одевать* → *одеваться*, *закутать* → *закутаться*, *причесывать* → *причесываться*, *сдерживать* → *сдерживаться*, *высказать* → *высказаться*; аналогично: нем. *j-n., etw. waschen* ‘мыть кого-л., что-л. → *sich waschen* мыться’, *j-n., etw. abtrocknen* вытирать кого-л., что-л. → *sich abtrocknen* → вытираться’, *j-n. kleiden* ‘одевать кого-л. → *sich kleiden* одеваться’, *etw., j-n. einmummen* ‘закутывать кого-л., что-л. → *sich einmummen* закутываться’, *etw., j-n. kämmen* расчесывать кого-л., что-л. → *sich kämmen* ‘расчесываться’, *etw. beherrschen* сдерживать что-л. → *sich beherrschen* ‘владеть собой, сдерживаться’, *etw. äußern* ‘высказывать что-л. → *sich äußern* ‘высказываться’.

Для подобных глаголов характерным является «семантическая рефлексивность», которая заключается в осуществлении персонифицированным субъектом действий в отношении самого себя. Добавим, что в анализируемый смысловой класс РГ попадают также и некоторые другие разряды глаголов,

обозначающих, в частности, поведение человека, характеристику его действий и некоторые другие.

Некоторые исследователи отмечают, что количество СРГ в русском языке невелико, так как «только в редких случаях одно и то же лицо (предмет) является и субъектом, и объектом действия» [88, с. 49].

По нашим наблюдениям, в русском языке насчитывается 706 СРГ и ПРГ, а в немецком языке соответственно 688 единиц. В настоящем исследовании СРГ и ПРГ рассматриваются как производные от мотивирующей (производящей) основы. Значение данных РГ складывается из значения их мотивирующей основы, которая, в подавляющем большинстве случаев, представлена глаголами, значительно реже – существительными и прилагательными. Исследуемые РГ были отнесены к соответствующей лексико-семантической группе в соответствии с их словарными толкованиями и значением их производящих основ (НГ).

Семантика производного РГ в большинстве случаев мотивируется их НГ, т.е. если производящий НГ обозначает физическое воздействие субъекта на объект (например, часть тела), то и семантика производного РГ будет связана с данным физическим действием, направленным на субъекта полностью или на его часть, ср.: *пудрить* (например, лицо) → *пудриться*, *красить* (например, губы) → *краситься*, *чистить* (например, одежду) → *чиститься*; аналогично: нем. *etw. pudern* → *sich pudern* ‘пудрить что-л. → пудриться’, *etw. schminken* → *sich schminken* ‘красить что-л. → краситься’, *etw. säubern* → *sich säubern* ‘очищать что-л. → очищаться’.

При систематизации и выделении лексико-семантических групп НГ и РГ учитывались также результаты исследования системной организации лексики и её структурирования, представленные в «Большом толковом словаре русских глаголов» под ред. проф. Л. Г. Бабенко [198], а также в работах Ю. Д. Апресяна [6; 7]; Л. М. Васильева [26] и в специальных исследованиях (А. А. Бернацкая [14; 15], Э. И. Королев [73], А. В. Знаменская [50], В. Д. Девкин [42], Ш. Р. Басыров [9; 10], В. П. Недялков [43; 89; 90; 91], Н. А. Янко-Триницкая [161] и др.).

Рассмотрим выделенные лексико-семантические группы глаголов в немецком и русском языках (см. ниже 3.1.1–3.1.11, а также табл. 3.1).

3.1.1. РГ туалета

В немецком языке данная группа РГ заметно уступает уступает в количественном отношении русским РГ (нем. – 19,48% или 67 ед.; рус. – 34,28% или 121 ед.). Количественное преобладание русских над немецкими РГ объясняется высокой активностью префиксов, способных часто сочетаться одним и тем же мотивирующим глаголом, например, глагол *мыть*, сочетающийся с префиксами *вы-*, *под-*, *об-*, *до-*, *с-*, *раз-*.

К данной семантической группе относятся РГ, обозначающие обработку поверхности объекта при помощи определенного инструмента или средства, в результате чего происходит качественное изменение внутренних и внешних свойств субъекта в сторону их улучшения или, наоборот, ухудшения. Заметим, что некоторые РГ рассматриваемой группы и ее подгрупп обнаруживают определенную смысловую близость между собой. Сюда входят, в частности, такие РГ:

(95) нем. *etw.*, *j-n. mit etw. bespitzen* ‘обрызгивать что-л., кого-л. чем-л.’ → *sich mit etw. bespritzen* ‘обрызгиваться чем-л.’; *etw. besabbeln* ‘вымазать, испачкать, запятнать’ → *sich besabbeln* ‘вымазаться, испачкаться’; *etw. anpinkeln* ‘испачкать что-л. мочой’ → *sich anpinkeln* ‘испачкаться мочой’; *j-n. etw. schminken* ‘гримировать, подкрашивать кого-л., что-л.’ → *sich schminken* ‘гримироваться, подкрашиваться’; *j-n. mit etw. einschmieren* ‘намазать кого-л., что-л. чем-л. (например, кремом)’ → *sich mit etw. einschmieren* ‘намазаться чем-л. (например, кремом);

(96) рус. *выкрашивать кого-л., что-л.* → *выкрашиваться, татуировать кого-л., что-л.* → *татуироваться, намазывать кого-л., что-л.* → *намазываться, намащивать кого-л., что-л.* → *намащиваться, разрумьянивать кого-л., что-л.* → *разрумьяниваться, загримировать кого-л., что-л.* → *загримироваться, красить кого-л., что-л.* → *краситься, насурьмить кого-л., что-л.* → *насурьмиться,*

нафабривать кого-л., что-л. → нафабрикаться, побелить кого-л., что-л. → побелиться, побрызгать кого-л., что-л. → побрызгаться, измачивать кого-л., что-л. → измачиваться, spryskivat'ь кого-л., что-л. → spryskivat'sya, вывозить кого-л., что-л. → вывозиться, obslonyavit'ь кого-л., что-л. → obslonyavit'sya, уделявать кого-л., что-л. → уделяваться.

В рамках данной ЛСГ в сопоставляемых языках выделяются несколько подгрупп. По характеру (результату) изменения качественных свойств объекта анализируемые РГ можно условно разбить на РГ с положительным результатом для субъекта и РГ с отрицательным результатом для него.

Действия большинства РГ носят положительный результат для субъекта, они обозначают воздействие агенса на свое тело, часть своего тела либо на одежду с целью приведения их в порядок, улучшения их внешних свойств, (т. н. «глаголы туалета»). Субъект действия часто использует для этого определенный инструмент либо средство. Рассмотрим данные подгруппы РГ.

3.1.1.1 РГ со значением «смазать свою кожу, тело чем-л.». К анализируемой семантической подгруппе относятся РГ со значением «обильно / тщательно втирать в свою кожу, тело какое-либо вещество (мазь, масло, крем, глину, елей и др.), ср.:

(97) нем. *j-n. einschmieren* <втирать жир в кого-л.> → *sich einschmieren* 'натираться жиром'; рус. *намазывать кого-л., что-л. → намазываться* <мазать себя чем-нибудь>, *намащивать кого-л., что-л. → намащиваться* <натирать, намазывать благовонной мазью, ароматическим маслом>, *помазать кого-л., что-л. → помазаться* <помазать себя, натереться чем-либо жидким или жирным>, *умащать кого-л., что-л. → умащаться* <устар. натираться, намазываться душистыми маслами, мазями, (маслом, елеем, помадой>, *умазывать → умазываться* <простореч. обильно, тщательно мазаться, обмазываться>, *обмазывать кого-л., что-л. → обмазываться* <натираться чем-либо, слоем чего-либо>, *обмасливать → обмасливаться* <натираться маслом>, *смазывать → смазываться* <смазывать себе что-либо (горло, рану и т. п.)>, *растирать → растираться* <растирать себя>.

РГ часто употребляются в конструкциях с дополнением, указывающим на используемое субъектом вещество в процессе растирки, ср.:

(98) нем. а. *Er hat ihr den Rücken gegen Sonnenbrand eingeschmiert* ‘Он смазал ей спину маслом от солнечных ожогов’ → б. *Mit dieser Salbe musst du dich gründlich einschmieren* ‘Ты должен как следует смазаться этим кремом’;

(99) рус. [Горничные] *разрядились в свои разноцветные платья и ленты и намазались звездичной помадой*;

(100) рус. *На берегу он [Петя] обмазывался с ног до головы красной морской глиной, выцарапывая на груди узоры, отчего и впрямь становился похож на краснокожего.*

Следует добавить, что чаще немецкие, реже русские РГ могут содержать в своей семантической структуре инкорпорированное средство или вещество (крем, жир и т.д.), которое субъект втирает в тело, ср.:

(101) нем. *j-n. eincremen* <втирать крем в кого-л.> → *sich eincremen* ‘натираться кремом, втирать в себя крем’, *j-n. einsalben* <втирать мазь в кого-л.> → *sich einsalben* ‘натираться мазью, втирать в себя мазь’; *j-n. einfetten* <втирать жир в кого-л.> → *sich einfetten* ‘натираться жиром’; рус. *умасливать кого-л., что-л.* → *умасливаться* <обильно смазываться маслом>.

В субстандартном русском языке также встречаются аналогичные отыменные образования, образованные при участии РП и суффикса, ср.:

(102) рус. *бокажиться* ‘использовать крем для выведения волос’ (← *бокаж* ← назв. фр. крема-депилятора «Vosage»): (муж жене) рус. *Что ж ты, обезьяна, не бокажишься?* (муж жене).

В окружении РГ может появляться конкретизатор действия, указывающий, в частности, на способ выполнения субъектом глагольного действия. В качестве таких конкретизаторов часто выступают наречия типа «обильно», «тщательно», «жирно» и др.:

(103) рус. *Я же, хорошо умывшись в речке, сбив с лица пот, густо намазался репудином*;

(104) рус. *Когда же [Железный Дровосек] кончил, то очень тщательно смазался маслом из драгоценной масленки, поднесенной ему мигунами, – он всегда носил ее у пояса.*

3.1.1.2 РГ со значением «наносить макияж на лицо, гримироваться». РГ данной подгруппы означают «покрывать свое лицо или отдельные его части гримом, макияжем». Данные РГ наиболее продуктивны в русском языке по сравнению с немецким.

Среди русских РГ обнаружены производные с наименованием инкорпорированного вещества (румяна, белила, косметическая краска (фабра), пудра, помада, сурьма), используемого рефлексивным агенсом действия, например:

(105) рус. *В молодости она [грузинская княгиня], вероятно, цвела той особенной восточной красотой... теперь она белилась, румянилась и красила волосы в желтую краску*

(106) рус. *Он нафабрился, надушился.*

(107) рус. *Женщина побелилась и порумянилась.*

(108) рус. *Пелагея тщательно умылась, потом слегка подрумянила щеки, припудрилась.*

(109) рус. *Она в пятьдесят пять лет сурмится, белится и румянится.*

Среди партитивных объектов, на которые субъект воздействует с помощью различных средств, в семантической структуре РГ с различной частотностью представлены различные части лица человека, а именно: лицо (11 РГ), щеки (5 РГ), губы (5 РГ), брови (4 РГ), усы (3 РГ), борода (1 РГ), глаза (1 РГ), ресницы (1РГ), а также волосы (4 РГ) и парик (1 РГ), например:

(110) рус. *разрумянивать кого-л., что-л. → разрумяниваться <обильно покрывать себе щеки, лицо румянами>, белить кого-л., что-л. → белиться <натирать лицо белилами>, нарумянивать кого-л., что-л. → нарумяниваться <натирать (лицо) румянами>, красить → краситься <подкрашивать себе волосы, лицо, губы>, накрашивать кого-л., что-л. → накрашиваться <накрашивать себе (усы, бороду) фабрикой>, насурмить кого-л., что-л. → насурмиться <накрасить, начернить брови сурьмой>, подчернить кого-л., что-л. → подчерниться*

<подкрасить себе волосы черным>, *подмалёвывать кого-л., что-л.* → *подмалевываться* <подмалевывать, подкрашивать себе губы, щеки>, *подсурмливать кого-л., что-л.* → *подсурмливаться* <подсурмливать себе брови, ресницы>, *подкрашивать кого-л., что-л.* → *подкрашиваться* <красить себе губы, щеки, брови слегка или дополнительно>, *пудрить кого-л., что-л.* → *пудриться* <пудрить свое лицо, пудрить свои волосы, парик> и др.

Следует также отметить, что в семантике отдельных РГ содержатся семы, передающие различную степень интенсивности выполняемого действия («слегка», «дополнительно», «обильно», «много», «грубо», «ярко», «неумело»), эта интенсивность маркируется соответствующими префиксами в структуре РГ, в частности, слабая интенсивность (неполнота действия) – префиксами *при-*, *под-*, напротив, высокая интенсивность, префиксами *рас-*, *раз-*, *на-*, ср.: *подпудривать кого-л., что-л.* → *подпудриваться* <пудриться слегка>, *припудривать кого-л., что-л.* → *припудриваться* <слегка пудрить себе лицо>, *распомаживать кого-л., что-л.* → *распомаживаться* <сильно помадить себе волосы>, *намалевывать кого-л., что-л.* → *намалевываться* <простореч. неумело, грубо красить себе губы, лицо и т. п. косметическими средствами>, *размалевывать кого-л., что-л.* → *размалевываться* <слишком ярко, грубо гримировать, красить лицо>, *распудривать кого-л., что-л.* → *распудриваться* <пудриться с особым старанием, сильно, много> и др.

Приведем некоторые примеры РК с данными глаголами:

(111) рус. Федор Дмитриевич распомадился так, что чудо-помада так и течет по лбу [205].

(112) рус. [Домна Осиповна] насурмила себе несколько брови, сгладила их и подкрасила розовой помадой свои губы [205].

(113) рус. Она надела кимоно, припудрилась и прилегла, опираясь на руку, – классическая поза держательницы европейского салона, мадам Рекамье [205] и др.

3.1.1.3 РГ со значением «наносить на себя, свое тело парфюм или какую-либо жидкость». В данную подгруппу отнесены РГ, обозначающие нанесение

субъектом на тело или часть тела человека, его кожу или одежду определённой жидкости (парфюм, одеколон, духи, вода и др.). Рефлексивное действие носит здесь чаще намеренный характер, реже – ненамеренный или не зависящий от воли человека, ср.:

(114) нем. *j-n., etw. besprühen* ‘обрызгивать кого-л., что-л. чем-л.’ → *sich mit etw. besprühen* ‘обрызгиваться чем-л.’; *j-n. etw. mit etw. beträufeln* ‘обрызгивать кого-л., что-л. чем-л.’ → *sich mit etw. beträufeln* ‘обрызгиваться чем-л.’; *j-n., etw. mit etw. bespritzen* ‘обрызгивать кого-л., что-л. чем-л.’ → *sich mit etw. bespritzen* ‘обрызгиваться чем-л.’; *j-n., etw. mit etw. befeuchten* ‘обрызгивать кого-л., что-л. чем-л.’ → *sich mit etw. befeuchten* ‘обрызгиваться чем-л.’; *j-n., etw. mit etw. anspritzen* ‘обрызгивать кого-л., что-л. чем-л.’ → *sich mit etw. anspritzen* ‘обрызгиваться чем-л.’; *etw., j-n. parfümieren* ‘душить, опрыскивать духами что-л., кого-л.’ → *sich parfümieren* ‘душиться, опрыскивать себя духами’;

(115) рус. *побрызгать кого-л., что-л.* → *побрызгаться* <побрызгать себя чем-либо, побрызгаться одеколоном>, *подушить кого-л., что-л.* → *подушиться* <опрыскаться немного духами>, *измачивать кого-л., что-л.* → *измачиваться* <делать мокрой свою одежду>, *обмачивать кого-л., что-л.* → *обмачиваться* <обмачивать себя, одежду на себе, становиться мокрым (от дождя, слез. и т. п.)>, *спрыскивать кого-л., что-л.* → *спрыскиваться* <спрыскивать себя чем-либо., спрыснуться духами>, *прыскать кого-л., что-л.* → *прыскаться* <прыскать на себя; опрыскиваться> и др.

Приведем РК с анализируемыми глаголами данной семантической подгруппы:

(116) рус. [Князь] *все еще. прыскался духами, красил усы*; рус. *Она открыла флакон, подушилась и обняла Любаря, прижалась к нему, ласкаясь и целуя, проговорила...*

(117) нем. а. *Sie hat die Kinder mit Wasser angespritzt* ‘Она обрызгала детей водой’. → б. *Sie hat sich mit Parfüm angespritzt* ‘Она подушилась’;

Ср. также отсубстантивные РГ, образованные с помощью РП -ся и суффикса -и-, которые употребляются в разговорной речи:

(118) рус. *дезиться* ‘пользоваться дезодорантом’ (← *дезик* ← *дезодорант*):
Хочу такой же чемоданчик, дабы намякать людям, что нужно иногда мыться или дезиться;

(119) рус. *сашиться* ‘брызгаться одеколоном «Саша»’ (← *одеколон «Саша»*).

3.1.1.4 РГ со значением «вымараться, испачкаться». РГ данной подгруппы описывают типовую ситуацию случайного загрязнения субъектом своего тела, одежды и являются посессивными рефлексивами, ср.:

(120) рус. а. *Он испачкал руки.* → б. *Он испачкался,* т.е. испачкал руки, лицо, одежду и т.п., аналогично: нем. а. *Er hatte sein frisches weißes Hemd beschmutzt* ‘Он испачкал свою свежую белую рубашку’, б. *Er hatte sich beschmutzt* ‘Он испачкался’.

В русских и немецких НК (120а) действие субъекта имеет своим объектом неодушевленный предмет – часть тела человека либо надетую на человека одежду, которые мыслятся как неотторжимая (партитивная) либо как отторжимая/отчуждаемая принадлежность лица. Посессивно-рефлексивные РК (120б) и соотносительные с ними НК (120а) описывают примерно одинаковые рефлексивные ситуации с той лишь разницей, что в производных конструкциях РП имплицитно обобщенный семантический объект из ограниченного числа предметов, находящихся в ближайшем окружении рефлексивного агенса – надетая на него одежда или часть тела.

В РК обоих языков могут появляться семантические уточнители, конкретизирующие источник загрязнения субъекта (например, сажа, грязь и т.п.) либо данные конкретизаторы уже входят в семантическую структура глагола (*sich beipissen, за-/изгрязниться*), ср.:

(121) нем. *Dass er sich öfter wasche, sei wahr, denn ein Kupferschmidt beschmutze sich oft* ‘То, что он часто мылся, правда, так как кузнец часто пачкался’; *Er hat sich mit Obstsaft befleckt* ‘Он испачкался (букв. запятнал себя) фруктовым соком’;

(122) рус. *Мальчишка весь глиной обляпался*;

(123) нем. *Und er beginnt zu zittern, er bepisst sich* ‘Его начало трясти и он от страха описался’;

(124) рус. [*Василиса Панкратьевна*] *заболела и целую неделю пролежала в постели.., и перемазалась всем, чем только можно было вымазаться.*

В немецком языке здесь преобладают РГ с префиксами *ein-*, *be-*, а в русском – с префиксами *ис-/из-*, *об-*, *пере-*, *за-*, которые привносят в корневую морфему орнативное и/или усилительное значение, ср.:

(125) нем. *etw. einschmutzen* ‘вымазать, испачкать, запятнать’ → *sich einschmutzen* ‘вымазаться, испачкаться’; *etw. eindrecken* ‘вымазать, испачкать, запятнать’ → *sich eindrecken* ‘вымазаться, испачкаться’, *etw. beschmieren* ‘вымазать, испачкать, запятнать’ → *sich beschmieren* ‘вымазаться, испачкаться’; *etw. bedrecken* ‘вымазать, испачкать, запятнать’ → *sich bedrecken* ‘вымазаться, испачкаться’ и др.;

(126) рус., *измазать* → *измазаться*, *измарать* → *измараться*, *изгваздать* → *изгваздаться*, *испачкуют* → *испачкуются*, *измазуют* → *измазуются*, *измызгать* → *измызгаться*, *изгрязнить* → *изгрязниться*, *вымарать* → *вымараться*, *вымазать* → *вымазаться*, *обпачкать* → *обпачкаться*, *перепачкать* → *перепачкаться*, *перепачкуют* → *перепачкуются*, *загваздать* → *загваздаться*, *загрязнить* → *загрязниться* и др.

Следует добавить, что русские РГ рассматриваемой семантики часто встречаются среди колоквиальной лексики, они образуются префиксально-суффиксально-постфиксальным или суффиксально-постфиксальным способами. Их семантика описывается через мотивирующую субстантивную основу («S пачкает себя тем, что названо S_m»), например:

(127) рус. *намелиться* разг. сниж. ‘испачкать себя мелом’ (← *мел*); *салиться* разг. ‘пачкаться чем-л. жирным’ (← *сало*); *искровениться* разг. ‘испачкаться кровью’ (← *кровь*).

3.1.1.5 РГ одевания и раздевания. Как было упомянуто выше, мотивирующие НГ и их производные РГ часто являются «глаголами туалета», обозначающими действия субъекта над своим телом, частью своего тела либо над

одеждой с целью приведения их в порядок. В обоих языках выделяются две подгруппы РГ с антонимическими значениями: ‘субъект надевает на себя одежду или предмет одежды, аксессуар’ и, наоборот, ‘субъект снимает с себя одежду или предмет одежды, аксессуар’ соответственно. Так как облачение и разоблачение являются наиболее естественным процессом в жизни человека, высокая продуктивность настоящей ЛСГ в выборке рефлексивных глаголов вполне очевидна, ср. РГ с семантикой одевания:

(128) нем. *etw.*, *j-n.* *in etw. mummen* ‘закутывать кого-л. во что-л. (например, ребенка в теплое одеяло, шарф)’ → *sich in etw. mummen* (разг.) ‘закутаться во что-л.’; *j-n.*, *etw.* *gürten* ‘опоясывать кого-л, что-л.’ → *sich [mit etw.] gürtен* ‘опоясываться’; *j-n.* *beschürzen* ‘повязывать передник’ → *sich [mit etw.] beschürzen* ‘повязывать себе передник’; *j-n.* *zu etw. aufputzen* ‘нарядить кого-л. к чему-л. (например, ребенка на маскарад) → *sich zu etw. aufputzen* ‘нарядиться к чему-л.’; *j-n.* *etw. verkleiden* ‘переодевать кого-л. кем-л. (например, на карнавал) → *sich (in etw.) als jmd. verkleiden* ‘переодеться кем-л. (на чём-л.) (например, на карнавал); *etw.*, *j-n.* *schmücken* ‘наряжать кого-л., что-л.’ → *sich für etwas/irgendwie schmücken* ‘наряжаться к чему-л./каким-л.’ и др.;

(129) рус. *наряжать кого-л., что-л.* → *наряжаться, обряжать кого-л., что-л.* → *обряжаться, укутывать кого-л. во что-л.* → *укутываться, обматывать кого-л. чем-л.* → *обматываться* (платком, шарфом), *одеть кого-л. во что-л.* → *одеться, препоясывать кого-л. чем-л.* → *препоясываться, повязывать кого-л. чем-л.* → *повязываться, обувать что-л.* → *обуваться, обряжать кого-л. во что-л.* → *обряжаться, рядить обряжать кого-л. во что-л.* → *рядиться, униживать кого-л. чем-л.* → *униживаться* (украшениями, аксессуарами, кольцами) и др.

Ср. РГ с семантикой раздевания:

(130) *etw.*, *j-n.* *ausziehen* снимать что-л., раздевать кого-л. → *sich ausziehen* раздеваться, *j-n.* *aus etw. wickeln* ‘распеленать (младенца) из пеленок’ → *sich aus etw. wickeln* ‘распеленаться’; *j-n.* *entkleiden* раздевать кого-л. *sich entkleiden* раздеваться, *etw.* *entblößen* обнажить что-л. (например, плечи) → *sich entblößen* обнажиться и др.;

(131) рус. *раздевать кого-л., что-л.* → *раздеваться, расстёгивать* (одежду, платье, рубашку, брюки и т.д.) → *расстегиваться, рассупонивать что-л.* → *рассупониваться, распоясывать* (кого-л., кушак, пояс) → *распоясываться, разувать кого-л.* → *разуваться, разоблачать кого-л.* → *разоблачаться, обнажать* (тело, часть тела – руки, шею и т.д.) → *обнажаться, заголять кого-л., что-л.* → *заголяться* и др.

Приведем примеры употребления РГ, субъект которых одевает и снимает со своего тела одежду или определенный предмет одежды, обувь, украшения и т.п.:

(132) нем. *Ich habe mich warm angezogen* [208, S. 75] ‘Я тепло оделся’ (т. е. надел теплую одежду); нем. *Ich hatte mich gerade ausgekleidet, als...* [208, S. 97] ‘Я как раз разделся, как...’;

(133) рус. *Пришлось снова переодеваться, с учётом погодных изменений, и через пять минут я уже обувалась в прихожей* [203]; *В этот момент я уже разгримировался и стал разуваться, как ко мне в уборную вбежал сам Мосолов, схватил меня и в костюме, но без парика, одна нога в сапоге со шпорой, а другая босая, на сцену вытащил* [203].

В немецком языке обнаружены необратимые РГ с метафорическим переосмыслением производящей основы и сохраняющие ассоциативную связь с мотивирующими именами существительными, ср.:

(134) нем. *Nun, schäl dich erst mal aus!* [213, Bd.1; S.358] разг. шутл. ‘Ну-ка, раздевайся (букв. вылазь из скорлупы) вначале!’ (← *etw. ausschälen* освобождать что-л. от скорлупы ← *die Schale* ‘скорлупа, шелуха, корка’); нем. *Ehe ich mich ausgepellt habe, vergeht einige Zeit* [213, Bd.1, S. 349] перен. фам. ‘Пока я раздевался, прошло некоторое время’ (← *etw. ausspellen* очищать что-л. от скорлупы, корки ← *die Pelle* ‘скорлупа’).

Ср. другие аналогичные РГ:

(135) нем. *etw. aus etw. herausschälen / herausspellen* ‘освободить что-л. от чего-л. → *sich [aus etw.] herausschälen/herausspellen* разг. ‘раздеться’; ‘вырядиться’.

Следует отметить, что СРГ и ПРГ, образованные стандартным (регулярным) способом по модели «НГ + РП», дополняются рефлексивами модели

«существительное + РП + префикс + суффикс». Семантику таких РГ, именуемых в дериватологии, как уже выше было сказано, по-разному (конфиксные РГ; глаголы с рефлексивным комплексом, глаголы с разделительным формантом и др.), можно описать по формуле толкования «S (субъект) снимает/меняет/одевает на себя то, что называется S_m (мотивирующая субстантивная основа) [9, с. 316; 54; 80]. РГ данного структурного типа часто встречаются в разговорной, жаргонной речи, в арго и носят ярко выраженный эмоционально-экспрессивный и оценочный характер, ср.:

(136) нем. *der Pudel* пудель; разг. 'неряшливо одетая девушка' → *sich aufpudeln* разг. 'расфрантиться';

(137) рус. *раскальсониваться* 'снимать штаны, раздеваться (обычно догола)' (← *кальсоны*); рус. *Чего ты раскальсонился-то, не Африка* (т.е. здесь холодно);

(138) рус. *размундироваться* 'раздеваться' (← *мундир*): *Скоро весна, все размундируются* (т.е. снимут мундир, одежду), *декольтировать*, т.е. 'одеваться в декольтированное платье' (← *декольте*);

(139) *перекоцаться* жарг. 'переодеваться, переобуваться' (← *коцы / коцаки / коцаны / коцанки* 'ботинки, обувь');

(140) *подковаться* сленг. 'обуваться; надевать или покупать обувь' (← *подкова (подковы) / подковка (подковки)* 'обувь, нога, ступня; ботинок, туфля') (рус. *Где это ты так подковался? Адидасами подковался. Каждый день в новьё* (новую обувь) *подковывается*);

(141) *упаковываться* жарг. 'наряжаться, шикарно одеваться; модничать, покупать модную одежду' (← *упаковка / упаковочка* 'одежда (обычно модная, яркая, броская)');

(142) *обарахолиться* жарг. 'одеться в новую одежду' (рус. *Сорока* [прим. прозвище человека] *за два дня обарахолился, на нём теперь клёвый клифт, итальянские шузы...* (← аргот. *барахло* 'платье, тряпки').

РГ *расковываться* 'раздеваться, снимать что-л. (чаще об обуви)' образовался как антоним к РГ *подковываться* 'обуваться; надевать или покупать обувь' (←

подкова / подковка ‘нога, ступня; ботинок, туфля’): рус. *Можно я раскуюсь, а то жарко?*

Интересно, что у некоторых РГ подобного структурного типа развиваются метафорические значения, например:

(143) *распогониваться* ‘переходить с военной службы на гражданскую; уходить из закрытого учреждения, подчиненного военному ведомству’ (← *погоны*).

3.1.1.6 РГ очищения, ухода за внешностью и телом. Семантикой РГ данной подгруппы является ситуация, в которой субъект очищает себя или часть своего тела, одежды с помощью определенного инструмента и/или вещества (полотенце, ткань, тряпка, вода, мыло и т.п.). Ср.:

(144) нем. *j-n., etw. waschen* ‘мыть кого-л., что-л.’ → *sich waschen* ‘мыться’; *j-n., etw. duschen/ abduschen* ‘мыть кого-л., что-л. в душе’ → *sich duschen / abduschen* ‘мыться в душе’; *j-n., etw. sauberhalten* ‘содержать кого-л., что-л. в чистоте’ → *sich sauberhalten* ‘содержать себя в чистоте’; *j-n., etw. abputzen* ‘очищать кого-л., что-л. в душе’ → *sich abputzen* ‘очищаться’; *j-n., etw. abseifen/einseifen* ‘намыливать кого-л., что-л.’ → *sich abseifen/ einseifen* ‘намыливаться’; *j-n., etw. schönmachen* ‘украшать кого-л., что-л.’ → *sich schönmachen* ‘украшаться’; *j-n., etw. kämmen* ‘расчесывать кого-л., что-л.’ → *sich kämmen* ‘расчесываться’; *j-n., etw. rasieren* ‘брить кого-л., что-л. (бороду, усы) → *sich rasieren mit etw.* ‘бриться чем-л.’;

(145) рус. *искупать* → *искупаться*, *мыть* → *мылиться*, *намывать* → *намываться*, *начищать* → *начищаться*, *обмывать* → *обмываться*, *очищать* → *очищаться*, *подмывать* → *подмываться*, *пообчистить* → *пообчиститься*, *разгримировать* → *разгримироваться*, *вычищать* → *вычищаться*, *споласкивать* → *споласкиваться*, *отряхнуть* → *отряхнуться*; *брить* → *бриться* <брить себя>, *выщипать* → *выщипаться* <вырывать, выдергивать щипанием>, *завить* → *завиться* <делать себе завивку>, *начёсывать* → *начёсываться* <причесывать, начесывать волосы>, *остригать* → *остригаться* <срезать или укорачивать себе

волосы, подрезая их ножницами (машинкой)>, *прикрашивать* → *прикрашиваться* <украшать себя>.

Проиллюстрируем некоторые РГ примерами:

(146) рус. *Петр Петрович усиленно поспешил воспользоваться несколькими днями в столице, чтоб успеть принарядиться и прикраситься в ожидании невесты; Мать и Катя прихорошились: надели новые сарафаны, полушалки, гороховые шали, суконные теплые курточки.*

(147) нем. *Sie haben sich heute zum Fasching besonders angeputzt [213, Bd. 1, S. 164] ‘Они по-особому вырядились сегодня на карнавал’; *Jetzt frisiere ich mich und dann gehe ich spazieren* (A. Seghers. Die Toten bleiben jung, S. 75) [205] ‘Сейчас я сделаю прическу и затем пойду на прогулку’.*

У отдельных РГ с семантикой очищать себя субъектом выступает животное (например, кошка, собака), которое обычно языком совершает процесс очистки, ср.: рус. *облизывать* → *облизываться* <облизывать себя, проводить языком по шерсти, по телу (о животных)>, *вылизывать* → *вылизываться* ‘очищаться, обмываться языком (о животных), например:

(148) рус. *Хам молча, прыжками, унесся за дровяной сарай. Там он начал вылизываться, что, как известно, у кошек заменяет медицину; Возле вас, например, сейчас сидит большой белый кот и облизывается.*

В субстандартном языке отмечены РГ со сложным словообразовательным формантом, которые также обозначают различные действия субъекта над своей внешностью, например:

(149) *хайратся* / *хайрануться* / *обхайратся* сленг. ‘стричься, подстригаться’ (← *хайр* ← англ. *hair* ‘волосы, прическа’);

(150) *причесониться* / *причеснуться* разг. ‘причесываться, делать прическу, укладку’ (← *причесон* ‘волосы, прическа’);

(151) *одеколониться* разг. сниж. ‘пользоваться одеколоном’ (← *одеколон*);

(152) *маникюриться* разг. ‘прихорашиваться, наряжаться, вертеться около зеркала’ (← *маникюр*): рус. *Хватит маникюриться, и так опоздали (в гости);*

(153) *марафетиться* разг. ‘приводить себя в порядок, наряжаться, душиться, накладывать косметику’ (← *марафет* ‘чистота, порядок; косметика; хороший внешний вид женщины’).

3.1.2 РГ поведения, поступков и межличностных отношений

Данная ЛСГ обладает высокой продуктивностью в исследуемых языках и составляет в немецком языке 111 (32,27%) единиц и в русском языке 82 единиц (23,23%).

Среди РГ анализируемой группы встречаются эмоционально и экспрессивно окрашенные дериваты. Анализируемые РГ распадаются в сопоставляемых языках на пять подгрупп: 1) РГ самозащиты, самообороны; 2) РГ самоконтроля; 3) РГ самопожертвования и самоотдачи; 4) РГ усовершенствования способностей; 5) РГ побуждения к действию.

3.1.2.1 РГ самозащиты, самообороны и т.п. К данной подгруппе относятся РГ с семантикой «беречь себя, относиться бережно, заботливо, охранять/защищать себя или своё имущество от опасности, несчастья уничтожения и т. п.», ср.:

(154) нем. *etw., j-n. [gegen] etw., j-n. verteidigen* ‘защищать, оборонять кого-л., что-л. (от чего-л., кого-л.) → *sich [gegen etw., j-n.] verteidigen* ‘защищаться, обороняться (от чего-л., кого-л.); *etw. wehren* высок. ‘сопротивляться чему-л. (например, опасности, несчастью и т.п.)’ → *sich gegen etw. wehren* ‘защищаться от чего-л.’ (например, подозрения); *etw., j-n. [vor etw., j-m.] schützen* ‘защищать, оборонять что-л., кого-л. (от чего-л., кого-л.) → *sich [vor etw., j-m.] schützen* ‘защищаться, обороняться (от чего-л., кого-л.); *j-n., etw. schützen* ‘защищать кого-л., что-л.’ → *sich vor etw. schützen* ‘защищаться от чего-л.’; *j-n. vor etw. beschützen* ‘защищать кого-л., что-л. от чего-л.’ → *sich vor etw. beschützen* ‘защищаться от чего-л.’; *etw., j-n. hüten* ‘охранять, соблюдать, беречь’ → *sich vor etw., j-m. hüten* ‘остерегаться чего-л./кого-л.’ и др.;

(155) рус. *защищать кого-л.* → *защищаться* <защищать себя от чего-л., обычно небезопасного, неблагоприятного, нежелательного>, *обезопасить* →

обезопаситься <обезопасить себя от опасности>, *поберечь* → *побережься* <постараться избежать опасности, отнестись к себе бережно>, *спасать* → *спасаться* <избавляться от смерти, гибели, уничтожении и т. п.; уберечься от кого-, чего-л., угрожающего смертью, гибелью и т.п.>, *оберегать* → *оберегаться* <оберегать себя от чего-либо; остерегаться>, *уберегать* → *уберегаться* <уберегать себя (от опасности, неприятностей, от вредных, разрушительных воздействий)> и др.

Источник опасности и негативного воздействия, от которого субъект защищает / оберегает себя, определяется контекстуально и варьируется в различных РК. В качестве такого источника вредного воздействия могут выступать стихийная сила, природные явления (непогода, землетрясение и т. п.), болезнь, смерть, звери, неприятель и т.п. Иногда источник опасности может быть опущен, т.к. он ясен из более широкого контекста. Приведем РК данной семантической подгруппы:

(156) нем. *Er hütet sich vor Skorpionen und Giftschlangen* ‘Он бережется от скорпионов и ядовитых змей’; *Hütet euch!* ‘Берегите себя!’;

(157) рус. [*Иван Иванович*] *никогда не скажет неприличного слова и тотчас обидится, если услышит его. Иван Никифорович иногда не обережется; Слава Богу, он уберется; Слепец спасся только тем, что стоял неподвижно. Волкодав обнюхал его, порычал и ушел.*

3.1.2.2 РГ самоконтроля. Семантика РГ данной подгруппы описывает ситуацию, в которой субъект контролирует определенным образом свое эмоциональное состояние, сдерживает свои эмоции или порывы, берет себя в руки. Ср.:

(158) нем. *etw. zügeln* ‘сдерживать/ обуздать что-л. (например, гнев)’ → *sich zügeln* ‘взять себя в руки’; *etw. mäßigen* ‘сдерживать/ обуздать что-л. (например, гнев)’ → *sich mäßigen* ‘взять себя в руки’; *etw. zähmen* ‘сдерживать/обуздать что-л. (например, ярость, гнев)’ → *sich zähmen* ‘взять себя в руки’; *etw. sammeln* ‘собирать что-л. (например, силы, мысли)’ → *sich sammeln* ‘собираться (например,

с силами, мыслями); взять себя в руки'; *etw. fassen* 'собирать (мысли, силы) → *sich fassen* 'собраться (с мыслями, силами, духом)';

(159) рус. *сдержат* перен. <не дать обнаружиться полностью> → *сдержатся* <удержать себя от проявления какого-либо чувства>; аналогично *удержат* → *удержатся*; *собрать* перен. (например, мысли, силы) → *собраться* перен. <привести себя в какое-либо состояние>, *etw. aufraffen* 'поднимать что-л.' → *sich aufraffen* 'подниматься; также собраться с силами; вскакивать; подниматься (собравшись с силами); набраться духу; *etw. abfangen* 'сдерживать/ обуздать что-л. (например, гнев)' → *sich abfangen* 'взять себя в руки'.

Особенно продуктивны рассматриваемые РГ в немецком языке, где многочисленны дериваты с префиксами *be-*, *zusammen-*. При этом префикс *be-* в структуре данных глаголов имеет значение целенаправленного действия на объект, а отадвербиальный префикс *zusammen-* значение накопления, ср.:

(160) нем. *etw. beherrschen* 'сдерживать/ обуздать что-л. (например, гнев)' → *sich beherrschen* 'взять себя в руки'; *etw. bezwingen* 'сдерживать/ обуздать что-л. (например, гнев)' → *sich bezwingen* 'взять себя в руки'; *etw. bemeistern* 'сдерживать/ обуздать что-л. (например, гнев)' → *sich bemeistern* 'взять себя в руки'; *etw. bezähmen* 'сдерживать/ обуздать что-л. (например, гнев, ярость)' → *sich bezähmen* 'взять себя в руки'; *etw. zusammennehmen* 'собирать что-л. (например, силы, мысли)' → *sich zusammennehmen* 'собираться (например, с силами, мыслями); взять себя в руки'; *etw. zusammenraffen* 'собирать что-л. (например, силы, мысли)' → *sich zusammenraffen* 'собираться (например, с силами, мыслями); взять себя в руки'; *etw. zusammenreißen* 'собирать что-л. (например, силы, мысли)' → *sich zusammenreißen* 'собираться (например, с силами, мыслями); взять себя в руки'.

Добавим, что в рамках данной подгруппы выделяются РГ со сходной морфологической структурой (семантически близкие префиксы *fern-/ab-/weg-/heraus-* + *halten*) и с типовым значением «сторониться кого-л., чего-л.; держаться в стороне (на расстоянии) от кого-л., чего-л.», ср.:

(161) нем. *j-n. von etw., j-m. fernhalten* ‘удерживать кого-л. от чего-л.’ → *sich von etw., j-m. fernhalten* ‘держаться в стороне кого-л. от чего-л.’; *j-n. von etw., j-m. weghalten* ‘удерживать кого-л. от чего-л.’ → *sich von etw., j-m. weghalten* ‘держаться в стороне кого-л. от чего-л.’; *j-n. von etw., j-m. abhalten* ‘удерживать кого-л. от чего-л.’ → *sich von etw., j-m. abhalten* ‘держаться в стороне кого-л. от чего-л.’; *j-n. aus etw. heraushalten* ‘удерживать кого-л. от чего-л. (например, конфликта), держать кого-л. в стороне от чего-л.’ → *sich aus etw. heraushalten* ‘удерживаться от чего-л. (например, конфликта), держаться в стороне от чего-л.’.

Характерно, что данные РГ имеют одинаковое синтаксическое управление – предложное дополнение, обозначающее определенный возможный или реальный источник неприятностей, опасности для субъекта действия, например:

(161) нем. *Die Kinder halten sich von dem bissigen Hund fern* ‘Дети бегутся/держатся подальше от кусачей собаки’;

(163) нем. *Sie halten sich aus dem Streit mit ihrer Mutter heraus* ‘Они удерживаются от ссоры с матерью’;

(164) нем. *Brühl sagt, ich soll mich von dir weghalten, du hältst nicht dicht* ‘Брюль говорит, мне следует сторониться тебя, ты не держишь язык за зубами’ [213; Bd. 6, S. 4276].

3.1.2.3 РГ самопожертвования, самоотдачи и т. п. Значением РГ данной подгруппы является типовая ситуация, в которой субъект жертвует собой ради определенного объекта. В качестве объекта может выступать как одушевленный предмет (человек), так и неодушевленный, (например, работа, идея и т.п.). В немецком языке сюда часто входят однокоренные глаголы с корневой морфемой *Opfer* ‘жертва’, ср.:

(165) нем. *etw. für etw. opfern* ‘жертвовать чем-л. ради чего-л.’ → *sich für etw. opfern* ‘жертвовать собой ради чего-л.’; *j-m. j-n., etw. hinopfern* ‘пожертвовать/отдать кому-л. что-л., кого-л. (например, своё счастье, здоровье, своего ребенка)’ → *sich für etw., j-n. hinopfern* ‘пожертвовать собой ради кого-л.’; *j-n., etw. aufopfern* ‘пожертвовать кем-л., чем-л.’ → *sich für j-n., etw. aufopfern* ‘жертвовать собой (для кого-л., чего-л.); пожертвовать собой (для кого-л., для

чего-л.); *j-m., etw. hingeben* ‘отдавать кого-л., что-л.’ → *sich jmdm., etw. hingeben* ‘отдаваться, посвятить себя чему-л., кому-л.’ и др.

В русском языке в сходном значении функционируют глаголы: *отдать* (например, жизнь за Родину) → *отдаться кому-л., чему-л.* <целиком посвятить себя кому-л., чему-л.>, *предать* (высок.) (например, полному забвению) → *предаться чему-н.* (например, своим мечтам, страстям) <целиком отдаться>.

Приведем контексты употребления некоторых РГ данной семантики:

(166) нем. *Die Mutter opfert sich für ihre Kinder auf* ‘Мать жертвует собой ради своих детей’; *Sie opfert sich für ihre Idee* ‘Она жертвует себя ради своей идеи’; *Er verliert sich an seiner Arbeit* ‘Он полностью отдает себя работе’;

(167) рус. *Только ли психоз увлечения, выполнение ли призвания или идеальное сознание долга, но я весь отдался службе; Закрыв окно, я легла на кровать и предалась размышлениям и мечтам.*

У некоторых РГ развивается метафорическое значение, ср.:

(168) нем. *Du solltest dich nicht solchen Träumen hingeben* ‘Тебе не следовало бы предаваться подобным мечтам’.

3.1.2.4 РГ совершенствования своих способностей. РГ с данной семантикой более продуктивны в немецком языке, где они насчитывают 13 единиц. Напротив, в русском языке данная группа РГ обладает сравнительно невысокой продуктивностью (*совершенствовать* /*усовершенствовать* → *совершенствоваться/усовершенствоваться*, *развивать* → *развиваться*). Продуктивность немецких РГ объясняется хорошо развитым префиксальным словообразованием в сфере глагольного образования, а также высокой активностью глаголов *qualifizieren, bilden, entwickeln*, сочетающихся с различными, но близкими по значению префиксами *weiter = fort* (значение продвижения вперед, продолжения движения), ср.: *j-n., etw. fortbilden* ‘повышать чью-либо квалификацию (образование)’ → *sich fortbilden* ‘повышать свою квалификацию (образование)’; *j-n., etw. weiterbilden* ‘повышать чью-либо квалификацию (образование)’ → *sich weiterbilden* ‘повышать свою квалификацию (образование)’; *j-n. weiterqualifizieren* ‘повышать чью-либо квалификацию (образование)’ → *sich weiterqualifizieren*

‘повышать свою квалификацию (образование)’; *j-n., etw. fortentwickeln* ‘развивать кого-л., что-л. (например, способность)’ → *sich fortentwickeln* ‘развиваться’; *j-n., etw. weiterentwickeln* ‘развивать кого-л., что-л. (например, способность)’ → *sich weiterentwickeln* ‘развиваться’.

Ср. другие глаголы анализируемой семантики:

(169) нем. *jmdn. qualifizieren* ‘повышать чью-либо квалификацию (образование)’ → *sich qualifizieren* ‘повышать свою квалификацию (образование)’; *jmdn. umqualifizieren* ‘поменять квалификацию’ → *sich umqualifizieren* ‘поменять свою квалификацию’; *etw. vollkommnen* ‘усовершенствовать, улучшать что-л.’ → *sich vollkommnen* ‘усовершенствоваться’; *etw. perfektionieren* ‘усовершенствовать, улучшать что-л.’ → *sich perfektionieren* ‘усовершенствоваться’; *jmdn., etw. entwickeln* ‘развивать кого-л., что-л. (например, способность)’ → *sich entwickeln* ‘развиваться’.

РГ описывают ситуации, в которых субъект определенным образом повышает уровень своего развития, совершенствует свою квалификацию, углубляет свои знания в той или иной области. Например:

(170) рус. *Учитель должен постоянно совершенствоваться в своем предмете;*

(171) нем. *Ich perfektioniere mich selbst* ‘Я сам совершенствуюсь’; *Das Kind entwickelte sich* ‘Ребенок развился’; *Die 31 besten Teams der WoW-Ladder qualifizieren sich für die Hauptrunde...* ‘31 лучшая команда по WoW получают право (букв. повышают свою квалификацию) на выход в основной этап...’.

3.1.2.5 РГ с семантикой «повышать определенным образом свой тонус, работоспособность и т. п.» Данная подгруппа РГ содержит единицы с общей семантикой «принять какое-либо средство вовнутрь для поднятия духа, подстегивать себя/свою работоспособность определенным средством’. В немецких конструкциях с данными РГ присутствуют предложно-именные группы (*mit/durch* + существительное), обозначающие вещества, лекарства, напитки, которые использует субъект действия для повышения своего тонуса, поднятия настроения, бодрости. Добавим, что такие рефлексивы носят колоквиальный, метафорический или образный характер, например:

(172) нем. *Er hat sich mit einer Tasse Kaffee aufgepulvert* разг. ‘Он взбодрился чашкой кофе’ [Инф.]; *In der letzten Zeit peitscht er sich ständig durch Narkotika auf* обр. ‘В последнее время он постоянно себя подстегивает наркотиками’; *Er musste sich immer durch künstliche Mittel aufputschen* перен. презр. ‘Он вынужден постоянно поддерживать свою работоспособность искусственными средствами’.

В русском языке данную семантику имеют многие субстандартные глаголы с рефлексивным комплексом (ГРК), образованные, однако, путем одновременного присоединения к мотивирующей глагольной или именной основе рефлексивного комплекса, состоящего из постфикса *-ся*, префикса и /или суффикса [80]. Данные ГРК описывают ситуацию приема субъектом определенным образом (орально, внутривенно) наркотического вещества. Они мотивируются глаголами контактного физического воздействия на объект и давления (*тереть*, *трескать*), глаголами перемещения вещества (*сыпать*) и покрытия объекта чем-л. (*мазать*). Мотивирующие глаголы соединяются чаще с рефлексивными комплексами «в- ...+ -ся», «об-...+ -ся», реже – с РК «за-...+ -ся». Приведем некоторые арготические ГРК и примеры их употребления, полученные из «Историко-этимологического словаря воровского жаргона» М. А. Грачева и В. М. Мокиенко [199] и других источников субстандартной лексики:

(173) *втереться / втираться* (чем) нарк. <ввести себе наркотик внутривенно> (рус. *Игла двоится, троится, становится плоской, словно лезвие кинжала. Найду ошупью. Хочешь жить – умей втереться*);

(174) *втрескаться* нарк. <ввести себе наркотик внутривенно> (рус. *Сегодня уже два раза втрескался*);

(175) *обсадиться* (чем) нарк. <принять наркотик и испытать его воздействие> (рус. *Он должен припереть с работы ацетон — и мы собирались обсадиться на полную катушку*);

(176) *обсыпать* нарк. <принять наркотик путем вдыхания> (рус. *Завтра на тусэ крутое пойдём, вот уж обсыпемся*);

(177) *вмазаться* нарк. <вводить наркотики внутривенно>;

(178) *дозануться* нарк. <принять дозу наркотика> (рус. *Владян уже дозанулся, кайф ловит*);

(179) *жилиться* нарк. <делать инъекцию наркотика в вену> (рус. *На блатхате трое ребят жилились*);

(180) *заколеситься* нарк., мол. <принять таблетку, таблетки, содержащие наркотик> (рус. *Они вчера, видно, опять заколеслились, вот их и не было*).

Многие отсубстантивные РГ данного структурного типа содержат в своей структуре суффикс *-ну-*, указывающий на однократность действия:

(181) *болтануться* ‘принять наркотик’ (← *болтанка* ‘разновидность самодельного наркотика на основе эфедрина’);

(182) *стимульнуться* ‘принять наркотики’ (← *стимул*);

(183) *салютнуться* ‘употреблять наркотик салют’ (← *салют*): рус. *Ксюшка всего лишь один раз и салютнулась*.

3.1.2.6 РГ межличностных отношений. В сопоставляемых языках отмечены РГ, обозначающие различные взаимоотношения субъекта с другими людьми. Эти отношения могут носить самый разнообразный характер, иногда негативный с позиций общепринятых этических, религиозных, нравственных и моральных норм и правил поведения человека в обществе, в частности:

а) *месть*, ср.:

(184) нем. *sich bei jmdm. für etw. rächen* ‘мстить кому-л. за что -л.’;

б) *вмешательство в дела, интересы субъекта против его воли*, ср.:

(185) нем. *einmischen* вмешивать → *sich in etw. einmischen* ‘вмешиваться во что-л., *j-m. etw. aufdrängen/ aufdringen* ‘навязывать кому-л. что-л.’ → *sich j-m. aufdrängen/ aufdringen* ‘навязываться кому-л.’;

(186) рус. *обременять кого-л. чем-л.* → *обременяться, навязывать кому-л. что-л.* → *навязываться, озабочивать кого-л.* → *озабочиваться*;

в) отказ от моральных убеждений или обещаний, ср.:

(187) нем. *etw. von. etw. abkehren* ‘отказаться от чего-л., отречься’ → *sich von etw., jmdm. abkehren* ‘отворачиваться (от кого-л., от чего-л.); отказываться; отречься; отходить (например, от убеждений); отвернуться’; рус. *отказаться*

кому-либо в чем-л. → отказаться от чего-либо; отречься что-л. ВЫСОК.
книжн. → отречься от чего-л.;

д) нанесение морального вреда.

Исходные НГ описывают ситуацию, в которой субъект каким-либо образом причиняет моральный ущерб определенному лицу, его достоинству. Типичными значениями производящих НГ является *унижать кого-л., что-л., поставить кого-л. в неловкое положение, опозорить кого-л.* Их РГ описывают обычно ситуацию, в которой субъект своими необдуманными действиями ненамеренно наносит себе определенный моральный вред. В их РК часто содержится информация о способе саморазоблачения субъекта, которая выражается в немецком языке предлогом и именем существительным в винительном падеже, например:

(188) нем. А. *Sie versuchten ihn zu diskreditieren* ‘Они пытались дискредитировать его (т.е. нанести вред его авторитету)’ → б. *Sie haben sich durch ihr ungehöriges Behenmen diskreditiert* ‘Они дискредитировали себя своим неприличным поведением’ (т.е. случайно нанесли себе /своему авторитету вред).

Ср. также следующие НГ и РГ:

(189) нем. *etw., jmdn. entehren* ‘опозорить, обесчестить что-л., кого-л.’ → *sich entehren* ‘опозориться, унижаться’; *etw., jmdn. blamieren* ‘позорить, унижать, срамить кого-л., что-л.’ → *sich blamieren* ‘опозориться, унижаться’; *etw., jmdn. diskreditieren* ‘позорить, дискредитировать кого-л., что-л.’ → *sich diskreditieren* ‘опозориться, унижаться’; *etw., jmdn. kompromittieren* ‘компрометировать, ставить в неловкое положение кого-л., что-л.’ → *sich kompromittieren* ‘опозориться, унижаться’; *j-n. entwürdigen* ‘унижать кого-л., лишать достоинства’ → *sich entwürdigen* ‘опозориться, унижаться’; *jmdn. bloßstellen* ‘компрометировать, позорить кого-л.’ → *sich bloßstellen* ‘опозориться, унижаться’; *j-n. bescheißen* ‘обмануть кого-л., надуть, опозорить’ → *sich bescheißen* (груб.) ‘опозориться, унижаться’; *etw., jmdn. erniedrigen* ‘опозорить, унижить кого-л., что-л.’ → *sich erniedrigen* ‘опозориться, унижаться’; *etw., jmdn. herabwürdigen* ‘унижать, принижать, умалять кого-л., что-л.’ → *sich herabwürdigen* ‘опозориться, унижаться’; рус. *уничижать кого-л.* → *уничижаться, опозорить кого-л.* →

опозориться, компрометировать кого-л. → компрометироваться, осрамить кого-л. → осрамиться, обесчестить кого-л. → обесчеститься и др.

В разговорной, сленговой, жаргонной и арготической лексике также отмечены РГ рассматриваемой семантики, мотивированные именами существительными, к которым присоединяются сложные форманты (РП в сочетании с суффиксом и/или префиксом) [80]. Данные РГ называют человека по определенной (обычно ярко выраженной) манере поведения или черте характера, носят пренебрежительный и неодобрительный оттенок, выражают негативную оценку поведения; многие из них относятся к бранной лексике:

(190) нем. *das Manderl* австр. уменьш. ‘мужичок’ → *sich aufmandeln* разг. ‘строить из себя супруга, вести себя как супруг’;

(191) рус. *апропиндоситься* / *оприндоситься* аргот. ‘опозориться, провалиться, потерпеть фиаско в каком-л. деле’ (← *апропиндос* ‘позор, провал, неудача, разгром, крах’) (рус. *Здорово я со своим дипломом апропиндосился*);

(192) рус. *кобяниться* разг. бран. ‘вести себя высокомерно, заносчиво, важно, надменно’ (← *кобень* ‘твердолобый, своенравный, жеманный человек’);

(193) рус. *обуркаться* бран. ‘обнаглеть, начать вести себя бесцеремонно, вызывающе, нетактично’ (← *урка* ‘преступник, уголовник; заключенный, относящийся к преступному миру; хулиган, шпана’) (рус. *Девочка-то наша обуркалась, не нравится ей что-то, видите ли*);

(194) рус. *мастериться* студ. ‘показывать себя компетентным человеком в каком-л. вопросе’ (← *мастер*): рус. *Только не надо много мастериться – это тебя не красит*;

(195) рус. *облошпетиться* сленг. ‘провалиться, потерпеть позор, неудачу’ (← *лошпет*);

(196) рус. *фраернуться* аргот., сленг ‘опозориться, допустить промах, ошибиться в расчётах’ (← аргот. *фраер*): рус. *Дело было в ресторане, / Где менты висят, / Взяли Маню на кармане – / Фраернулася... А как вышла, улыбнулась, / Жизни-то и нет, / Потому что фраернулася / В двадцать юных лет*;

(197) рус. *чулковаться / чулкануться* ‘обманываться, позориться, проигрывать что-л. (← *чулок* возм. контаминация общеупотр. ‘чулок’ и устар. диал. ‘чукавый’ догадливый, смекалистый, хитрый; уг. в том же зн.)’ (рус. *Не чулкуйся! Никогда не проси займы!*);

(198) рус. *лопухнутья* разг. ‘сделать глупость, совершить ошибку, промах; опозориться’ (← *лопух* ‘неуклюжий, нерасторопный человек; раззява, растяпа’ (← уг. ‘лапух’, ‘лопух’ ‘неопытный вор’)) (рус. *Надо же было такому опытному человеку, как я, так лопухнуться!*);

(199) рус. *лохануться / лохнутья* жарг. ‘допустить ошибку, опозориться’ (← *лох / лохня* ‘неотесанный, неуклюжий человек, увалень, простак; провинциал; неопытный молокосос, непрофессионал’) (рус. *Это же нужно было так лохануться!*);

(200) рус. *лажануться/облажаться* жарг. ‘совершить ошибку, глупость, промах’ (← *лажа* ‘неудача; ерунда, чушь, безделица; ложь, подделка’) (рус. *Основная задача — не облажаться*)

(201) рус. *вышнурковываться* ‘стараться выслужиться перед начальством’ (← *шнурок* ‘ирон. обращение (преимущественно к худому, тощему человеку)’);

(202) рус. *умнявиться* ‘строить из себя умника’ (← *умняв / умняк / умня / умнявица* ‘умник’);

(203) рус. *дракониться* ‘возмущаться’ (← *дракон*): рус. *И что ты драконишься, здесь ведь никому ничего не докажешь.*

Отдельные РГ образуются от этнонимов и обозначают типичные особенности поведения человека как представителя определенного народа, этноса, отражая, таким образом, связанные с ним стереотипы, предубеждения, национальные особенности:

(204) рус. *жидиться* ‘жадничать’ (← *жид / жидина* ‘жадина, жмот’; груб. ‘еврей’).

Добавим, что в субстандартном языке семантика поведения человека, его взаимоотношение с окружающим миром часто передается отзоонимными глаголами, в том числе и рефлексивами. При этом часто в качестве номинативно-

мотивирующих признаков используются определенные свойства животных, благодаря которым говорящий выделяет ярко выраженные особенности характера того или иного человека, тип его поведения, подчеркивает неприятные ему качества (упрямство, подлость, жадность и др.), ср.:

(205) рус. *шакалиться* жарг. 'подличать, опускаться, вести себя недостойно' (← *шакал* 'нехороший человек, часто трусливый, подлый, жадный, бесцеремонный; в уголовном мире *шакал* – 'презираемый всеми, попрошайка') ← *шакал* 'хищное животное, питающееся преимущественно падалью');

(206) рус. *бычиться* простор. 'противостоять, противиться кому-л. (обычно о поведении солдат) (← *бык* 'крупный, здоровый, сильный (обычно упрямый) человек' ← *бык* 'домашнее рогатое животное; самец коровы') (рус. *Мужчина тоже поднялся и несколько секунд свирепо бычился на обидчицу, словно не веря, что эта раскрасневшаяся дама и есть его вторая половина, с которой он прожил 25 лет*);

(207) рус. *впявливаться / припявиться* разг. 'приставать, настаивать, не давать покоя' (← *пиявка* 'о человеке, жадно и злобно эксплуатирующем кого-нибудь' ← *пиявка* 'червь, паразит, живущий в пресной воде, присасывающийся к телу животных, кровью которых питается');

(208) рус. *вскозлиться/ закозлиться* жарг. 'неуместно заупрямиться, вспылить, проявить несдержанность' (← *козёл*) (рус. *Уж все вроде решили, а он возьми и вскозлись! Позавчера обо всём договорились, а сегодня он закозлился*);

(209) рус. *ёжиться* разг. 'вести себя вызывающе, сердиться; нервничать, суетиться' (← *ёж* 'небольшое животное с иглами на теле') (рус. *Сначала она дичилась меня; но Гагин сказал ей: – Ася, полно ежиться! Он не кусается*).

3.1.3 РГ движения частью тела

Данная ЛСГ количественно преобладает в немецком языке (78 ед. или 22,67%) по сравнению с русским языком (37 единиц или 10, 48%). Заметное количественное преобладание немецких РГ над русскими объясняется высокой активностью различных немецких префиксов, которые часто сочетаются с одним

и тем же глаголом, при этом префиксы уточняют направление движения субъекта, частью тела, например:

(210) нем. *neigen* ‘наклонить (например, голову, туловище)’ → *sich neigen* ‘наклоняться’ → *sich hinab-/heraus-/hinaus-/hin-/zu-/niederneigen* ‘нагнуться, высунувшись (наружу)/склониться (к кому-л.)/нагнуться’;

(211) нем. *beugen* ‘наклонить (например, голову) → *sich beugen* ‘склониться’ → *sich nieder-/über-/herüber-/hinaus-/heraus-/hinab-/herab-/vorbeugen* ‘наклониться, нагибаться (в определенном направлении)’.

Исходные НГ обозначают движение субъекта частью своего тела. Их РГ семантически ассоциируются с движением нескольких частей тела (*die Arme / Knie, den Kopf / Oberkörper / Rumpf* ‘руки / колени, голова / верхняя часть туловища’ и т. д.), т. е. приобретают расширенное рефлексивно-автокаузативное (или рефлексивно-моторное) значение, обозначая изменение положения субъекта в пространстве, например:

(212) нем. *Marie beugte den Körper weit aus dem Fenster* ‘Мария высунула свое тело из окна’, б. *Marie beugte sich weit aus dem Fenster* (А. Seghers „Die Toten bleiben jung“, S. 14) [211] букв. ‘Мария высунулась далеко из окна’, т.е. высунула свою голову, тело, руки и т.д.).

Ср. другие аналогичные соотносительные НГ и РГ:

(213) нем. *etw. anschmiegen* ‘прижимать что-л.’ → *sich an j-n. anschmiegen* ‘прижиматься к кому-л.’; *etw. aufstützen* (*die Arme* ‘руки’) ‘облокачивать что-л. (руки)’ → *sich auf etw. aufstützen* ‘опираться; облокачиваться обо что-л.’; *etw. drücken* ‘давить, прижимать что-л.’ → *sich an jmd., etw. drücken* ‘прижиматься к кому-л., чему-л.’ и др.;

(214) рус. *высунуть* (например, голову, шею) → *высунуться, сутулиться* (спину, плечи) → *сутулиться, скорчить* → *скорчиться, сгибать* (шею, спину, тело, руки, ноги, колени) → *сгибаться, сгорбить* (спину, плечи) → *сгорбиться, покачать* (головой) → *покачнуться* (всем телом) и др.

Среди рассматриваемых РГ встречаются необратимые рефлексивы, значения которых не выводятся из смысла его производящих НГ и РП, ср.:

(215) нем. а. *Lehne die Tür an, damit ich das Klingeln höre* [213, Bd. 1; S. 156] ‘Приоткрой слегка дверь, чтобы я мог услышать звонок’; б. *Er lehnte sich an die Wand an* [Инф.] ‘Он прислонился к стене’; в. *Du lehnst dich [in deinen Erzählungen] eng an Maupassant an (schreibst in seiner Art)* [208, S. 66] перен. букв. ‘В своих рассказах ты тесно прислоняешься к Мопассану’, т.е. пишешь в его стиле;

(216) нем. а. *Wir haben den Wagen [an das Auto] angehängt* [208, S. 64] ‘Мы присоединили прицеп к машине’; б. *Das Kind hängt sich an die Mutter an* [213, Bd. 1, S. 146] ‘Ребенок крепко держится (букв. привешивается) за маму’.

Необратимость РГ в примерах (215) и (216) носит лексико-синтаксический характер: с одной стороны, она обусловлена сочетаемостью исходных НГ только с неодушевленными дополнениями, в то время как, в РК в предложном дополнении появляется одушевленное существительное.

3.1.4 РГ нанесения физического вреда

Данная ЛСГ отмечена в обоих языках и насчитывает 27 единиц (7,85%) в немецком языке и 42 единицы (11, 90%) в русском языке. РГ данной группы объединены общей семантикой нанесения субъектом себе случайного или преднамеренного вреда. В русском языке лексико-семантическое поле «вред» было детально исследовано в диссертации Лю Яньчунь [77]. Автор отмечает, что «понятие «вред» имеет непростую структуру и выделяет у концепта «вред» следующие понятийные признаки (компоненты): 1) «нечто, отрицательно влияющее на здоровье субъекта»; 2) «нечто, отрицательно влияющее на материальное состояние субъекта»; 3) «нечто, отрицательно влияющее на жизнь субъекта и общества (в целом)».

В зависимости от характера физического вреда анализируемые РГ в сопоставляемых языках распадаются на две подгруппы.

3.1.4.1 РГ ненамеренного нанесения себе телесного вреда. В анализируемую подгруппу отнесены РГ, обозначающие случайное нанесение субъектом себе определенного физического вреда, часто связанного с

нарушением внешнего/кожного покрова человека. Телесные повреждения могут вызываться различными факторами и причинами:

а) температурным воздействием кипящей жидкости, раскаленных приборов на человека или, наоборот, его контакт с холодными предметами, воздухом и т.п., ср.:

(217) нем. *j-n. mit etw. brühen* ‘обварить кого-л. чем-л.’ → *sich mit etw. brühen* ‘обвариться чем-л. (кипятком); *j-n., etw. verbrühen* ‘обварить, ошпарить кого-л., что-л.’ → *sich verbrühen* ‘обвариться, ошпариться’; *etw. erkälten* ‘застудить что-л.’ → *sich erkälten* ‘простудиться’, *etw. erkühlen* ‘застудить’ → *sich erkühlen* ‘простудиться’;

(218) рус. *обварить кого-л., что-л.* → *обвариться, обжечь* → *обжечься, ошпарить* → *ошпариться*; *застудить / простудить* (например, горло) → *простудиться / застудиться*

б) случайным контактированием острых предметов с телом человека, ср.:

(219) нем. *j-n. mit etw. in etw. stechen* ‘уколоть кого-л. чем-л. во что-л.’ → *sich mit etw. in etw. stechen* ‘уколоть себя чем-л. во что-л.’; *j-n., etw. schneiden* ‘резать кого-л., что-л.’ → *sich an etw. schneiden* ‘порезаться обо что-л.’; *j-n., etw. verletzen* ‘поранить кого-л., что-л.’ → *sich verletzen* ‘пораниться’; *j-n., etw. verwunden* ‘поранить кого-л., что-л.’ → *sich verwunden* ‘пораниться’;

(220) рус. *поранить* → *пораниться, уколоть* → *уколоться, порезать* → *порезаться* и др.;

в) приемом в пищу несвежих продуктов, неправильным питанием и т.п., ср.:

(221) нем. *j-n. vergiften* ‘отравить кого-л.’ → *sich an etw. vergiften* ‘отравиться чем-л.’; *etw. verschlucken* ‘проглатывать что-л.’ → *sich verschlucken* ‘поперхнуться’;

(222) рус. *отравлять* → *отравляться* (например, несвежей пищей),

г) неправильным лечением, например:

(223) рус. *перелечивать* → *перелечиваться* <лечиться больше, чем следует; причинять себе вред излишним лечением>

д) случайным контактом движущегося субъекта с неподвижным предметом в пространстве, ср.:

(224) нем. *etw., j-n. streifen* ‘задевать что-л., кого-л.’ → *sich an etw. streifen* ‘нанести себе рану, задев что-л.’;

(225) рус. *ушибить* → *ушибиться обо что-л.*; *удариться* → *удариться обо что-либо*.

К рассмотренным РГ в субстандартном русском языке примыкают рефлексивы с типовыми значениями «упасть, удариться, поскользнуться, врезаться во что-л., свалиться», которые часто содержат в своей семантике интенсифицирующие семы типа «с силой», «с шумом», «тяжело», «всей тяжестью», «всем телом», «потеряв опору» и т.п. [80], например:

(226) рус. *бабахаться / бабахнуться* однокр. разг. ‘падать с шумом, грохотом’ (← *бабах*): рус. *Зрелище не для слабонервных: ой, неужели актрису Татьяну Догилеву или синхронистку Машу Киселеву не удержат и бедняги все-таки бабахнутся на лед?*

(227) рус. *хряснуться* разг.-сниж. ‘удариться с силой обо что-л.’ (← *хрясь*): рус. *И сердце устало, и весь я устал и готов был хряснуться обо что-нибудь, разбиться в прах, лишь бы только не болтаться в пустой темноте*.

Действия, обозначаемые такими РГ, являются ненамеренными, неконтролируемыми и неожиданными для субъекта, который наносит себе физический вред по неосторожности, невнимательности, ср.:

(228) *хлопнуться* ‘упасть стремительно’ (← *хлоп*): (рус. *хлопнуться на землю. хлопнуться об дверь*);

(229) *бацнуться* разг.-сниж. ‘падать, ударяться с силой, с шумом’;

(230) *бортануться* угол. ‘удариться обо что-л.’ (рус. *Бортанулся в темноте об ведро*);

(231) *звездонуться* ‘удариться о что-л., упасть’;

(232) *шваркнуться* разг.-сниж. ‘сильно ударяться, упасть’ (← *шварк*): *шваркнуться об стену* (рус. *Всегда мечтал шваркнуться с двухметровой высоты*);

(233) *кокнуться* разг. сниж. ‘удариться, стукнуться’ (рус. *кокнуться о косяк двери*).

Мгновенное однократное либо многократно повторяющееся единичное действие обычно сопровождается характерным сильным звуком:

(234) *шлѐпнуться* разг. ‘падать, производя шум, издавая глухой звук; плюхаться’ (← *шлѐп*): рус. *Везде лед – только бы не шлепнуться!*

(235) *шмякнуться* разг.-сниж. ‘падать, ударяться, производя глухой, шлепающий звук’ (← *шмяк*): рус. *Кажется, я падаю! – закричал Вахмурка. И, правда, он в ту же секунду шмякнулся на лед;*

(236) *брякнуться* разг. ‘падать с шумом’ (← *бряк*): рус. *Передо мной девочка бежала, так вот, она на своих каблучицах поскользнулась и брякнулась;*

(237) *бахнуться* ‘упасть с шумом, удариться, споткнуться’ (← *бах*): рус. *Ему вдруг захотелось бахнуться в обморок.*

(238) *бякнуться* ‘упасть; удариться при падении’ (← звукоподр. *бяк*): рус. *бякнуться в обморок;*

(239) *тюкнуться* разг.-сниж. ‘падать, валиться’ (← звукоподр. *тюк*): рус. *Не скажи, башкой об асфальт можно по-разному тюкнуться.*

Добавим, что у РГ с большой интенсивностью осуществления действия могут развиваться переносные значения, связанные с различными неудачами, ухудшением здоровья и т.п., например:

(240) *хрѐпнуться / гакнуться* студ. ‘не сдать экзамен или зачѐт’ (рус. *Ну и хрѐпнулся вчера на зачете;*

(241) *гикнуться* ‘прийти в негодность, испортиться, разрушиться’ (рус. *Я понял: через пару лет могу запросто гикнуться;*

(242) *бухнуться* разг. сниж. перен. ‘попасть в неприятное положение’.

Ненамеренное (случайное) нанесение себе физического вреда часто передаётся контекстуально, с использованием в окружении глагола конкретизаторов (*leicht/слегка*), *aus Versehen/по ошибке, случайно*), указанием источника физической травмы, например:

(243) нем. *Sie hatten sich leicht an Fleisch vergiftet* ‘Они слегка отравились мясом’ [213, Bd.6, S. 4051]; нем. *Ich habe mich an einer Glasscheibe geschnitten* [213, Bd. 5, S. 3273] ‘Я порезался осколком стекла’;

(244) рус. *Но вот как-то зимой Василий Андреич в складе, напившись горячего чая, вышел без шапки отпустить лес, простудился и занемог* [203];

рус. *Он ударился об дверь лифта и вновь бросился на меня, на этот раз попытавшись нанести прямой в челюсть* [203];

рус. *Я пошёл к телескопу – я уже привык ходить под куполом в полной темноте, не рискуя ушибиться о выступающие детали конструкции*;

рус. *Вера Никандровна чуть-чуть охнула. – Укололась, – сказала она, – наколола палец на проволочку.*

Негативное физическое состояние субъекта может быть также следствием чрезмерного длительного и/или интенсивного занятия человека определенной работой, выполнением определенного действия. Данные действия выражаются в немецком языке часто РГ с префиксами *über-, ab-, zer-*, а в русском – с префиксами *пере-, из-*, которые обычно одновременно с РП присоединяются к корневой морфеме, сообщая сходный смысл «сверх нормы, слишком много» [9], ср.:

(245) рус. *работать* → *изработаться* (разг.) *переработаться* (разг.);

(246) нем. *arbeiten/schaffen* (диал. разг.) ‘работать’ → *sich überarbeiten/überschaffen/zerarbeiten/abarbeiten/abschaffen* (диал. юж.-нем.) ‘уставать от работы’; *an etw. ackern* разг. усердно работать над чем-л. → *sich abackern* (фам.)/*zerackern* (разг.) ‘уставать от работы; перетрудиться’.

Приведем примеры:

(247) рус. *Накануне она перетрудила: вымыла полы в классах, в учительской и в школьном коридоре* [203];

(248) нем. *Unser Direktor hat sich überarbeitet* [213, Bd. 5, S. 3829] ‘Наш директор перетрудился’.

3.1.4.2 РГ лишения жизни. В лингвистике глаголы лишения жизни часто рассматриваются в рамках более широкого класса глаголов, в частности: 1) глаголов *разрушения*; 2) *физического воздействия на объект*; 3) *глаголов отрицательного воздействия на объект*; 4) глаголов *агрессии* и др. Добавим, что среди данных глаголов часто встречаются РГ, которые, в свою очередь, пересекаются

с другими смысловыми классами РГ и обнаруживают различные мотивационные связи с производящими НГ, в частности:

1) с *реципрокальными* (взаимными) РГ, употребляющимися обычно с множественным субъектом, который мыслится как совокупность субъекта и объекта и выступает одновременно или попеременно в роли агенса и пациенса, ср.:

(249) рус. *Уехав отдыхать в Венецию, молодые влюбленные сразу же поссорились и тяготились друг с другом* [198, с. 296];

(250) нем. *Wir haben uns [wegen einer Nichtigkeit] überworfen* [208, S. 668] ‘Мы из-за пустяка поспорились’;

2) с *декаузативными* РГ, которые по форме сложнее, но по значению проще, чем их производящие каузативные НГ. Особенно много в русском и немецком языках декаузативных РГ, которые мотивируются НГ, обозначающими агрессивное воздействие на эмоциональное и/или психическое состояние человека, ср.: рус. *злить/разозлить/раздражать кого-л.* → *злиться/разозлиться/раздражаться*, аналогично: нем. *j-n. ärgern/ aufregen/ erregen* → *sich ärgern/aufregen/erregen*.

Нередко в русском языке сюда попадают и инхоативные РГ, образованные при помощи сложного словообразовательного форманта «раз-/рас- + -ся» типа: *разбушеваться* (← *бушевать*), *раскричаться* (← *кричать*) и др.

3) с *абсолютивными* РГ, обозначающими характерные особенности говорения человека или присущие ему какие-либо внутренние эмоционально-психические черты и свойства, например:

(251) *К несчастью, молодой итальянец, по имени Питер, большой любитель дразниться, увидел меня, сидящего в одиночестве; подстрекаемый мгновенно явившейся фантазией, он налил стакан вина и передал его мне* [<https://дословно.рф>].

В данную ЛСГ вошли в немецком языке 18 единиц (5,23%) и 10 единиц (2,83%) русском языке. В отличие от рассмотренной выше подгруппы, субъект данных РГ совершает намеренное действие, направленное на себя с целью лишения своей жизни, например:

(252) нем. *j-n. töten* ‘убивать кого-л.’ → *sich töten* <Selbstmord begehen> ‘лишать себя жизни’; *j-n. umbringen* ‘убивать кого-л.’ → *sich umbringen*

<Selbstmord begehen> ‘лишать себя жизни’; *j-n. totmachen* (разг.) ‘убивать кого-л.’ → *sich totmachen* ‘лишать себя жизни’;

Многие РГ содержат в своей семантической структуре инструмент (орудие, средство), указывающий на различный способ ухода из жизни, в частности:

а) путем повешения с использованием, как правило, веревки, удавки; в немецком языке данный семантический ряд РГ является более многочисленным, чем в русском, ср.:

(253) рус. *повесить* → *повеситься* <лишить себя жизни через повешение>; *удушить* → *удушиться* <простореч. кончать жизнь самоубийством, вешаясь>; *задушить* → *задушиться* <повеситься, удавиться *удавить* → *удавиться* <удушиться, повеситься>;

(254) нем. *j-n. erhängen* ‘повесить кого-л.’ → *sich erhängen* ‘повеситься’; *j-n. aufbaumeln* ‘повесить кого-л.’ → *sich aufbaumeln* ‘повеситься’; *j-n. aufbammeln* (фам.) ‘повесить кого-л.’ → *sich aufbammeln* (фам.) ‘повеситься’; *j-n. hängen* ‘повесить кого-л.’ → *sich hängen* ‘повеситься’; *j-n. aufknüpfen* ‘повесить кого-л.’ → *sich aufknüpfen* ‘повеситься’; *j-n. erdrosseln* ‘задушить кого-л.’ → *sich erdrosseln* ‘удавиться’; *j-n. erwürgen* ‘задушить кого-л.’ → *sich erwürgen* ‘удавиться’;

б) посредством огнестрельного оружия, ср.:

(255) рус. *застрелить* → *застрелиться* <убивать себя из огнестрельного оружия>;

(256) нем. *j-n. erschießen/totschießen* ‘расстрелять/застрелить кого-л.’ → *sich erschießen/totschießen* ‘застрелиться’;

в) с использованием режущих и колющих орудий, ср.:

(257) рус. *заколоть* → *заколоться* <убивать колющим или заостренным орудием>; *зарезать* → *зарезаться* <разг. лишать себя жизни режущим орудием>; нем. *j-n. erdolchen* ‘зарезать, заколоть’ → *sich erdolchen* ‘зарезать себя’;

г) при помощи отравляющих веществ, ср.:

(258) рус. *отравлять* → *отравляться* <убивать себя при помощи яда>; *травить* → *травиться* <разг. принимать отраву, яд с целью самоубийства>;

нем. *j-n. vergiften* ‘отравить кого-л.’ → *sich vergiften* ‘отравиться’;

д) в различных водоемах, ср.:

(259) рус. *тонить* → *тониться* <лишать себя жизни, бросаясь в воду>;

нем. *j-n. ertränken* ‘утопить кого-л.’ → *sich ertränken* ‘утопиться’;

е) путем падения с высоты, например:

(260) нем. *j-n. hinunterstürzen* ‘сбросить кого-л. вниз’ → *sich hinunterstürzen* ‘выброситься из чего-л.’

У НГ и РГ с обобщенной семантикой «лишать себя жизни» орудие и/или способ самоубийства указывается в структуре РК:

(261) нем. *Er hat ihn mit einem Messer umgebracht* [208, S. 671] ‘Он убил его ножом’; *Er hat sich mit Gift getötet* [213, Bd. 4, S. 3756] ‘Он покончил с собой, выпив яда’.

В РК часто содержится указание на причину ухода субъекта из жизни, например:

(262) рус. *За размышлениями я не обратила внимания на то, что уехала мама, получив с меня обещания, что я себя нормально чувствую, не собираюсь вешаться из-за какого-то подлеца, и всё у меня будет хорошо* [203], *Первый затосковал Синеус в Ладоге – и утонул в озере; второй затосковал Трувор в Изборске – и повесился на вожжах* [203];

(263) нем. *Um seinen Schicksal zu entgehen, hat er sich selbst entleibt* [213, Bd.2, S. 1057] ‘Чтобы избежать своей судьбы, он покончил с собой’; *Der Lebensmüde schoss sich tot* [213, Bd.5, S. 3755] ‘Устав от жизни, он застрелился’.

Добавим, что некоторые РГ рассматриваемой семантики развивают переносные значения и не утрачивая полностью смысловой связи с прямым значением, например:

(264) нем. *Für seine Familie macht er sich noch tot* [213, Bd.5, S. 3755] перен. фам. ‘Ради своей семьи он готов еще умереть’ (букв. умертвить себя);

(265) *Du bringst dich ja bald um!* [208, S. 671] перен. ‘Ты так себя ведь скоро и погубишь!’ (т.е. ты слишком много/интенсивно работаешь).

В русской разговорной речи приведенным примерам часто соответствует разговорно-сниженный глагол *гробить* <подвергать кого-, что-л. (обычно

здоровье, человеческий организм) воздействию неблагоприятных обстоятельств, условий жизни и т.п., лишая жизненных сил, изнуряя непосильной работой> в сочетании с лексемой *себя*, например:

(266) *Именно в то время председатель и угробил себя постоянными заботами и поездками [198, с. 182]; И он привозил матери подарки: всякие кухонные приспособления, чтобы ей легче было и чтобы она больше не гробила себя на кухне, а то она всегда соседке повторяла, что кухня сожрала её талант и что её муж и дети вместе с едой едят её собственную жизнь.*

3.1.5 РГ выражения мимики

Данная ЛСГ отмечена только в русском языке и насчитывает 19 единиц (5,38%). РГ обозначают либо произвольные движения лицевых мышц субъекта, либо контролируемые движения с целью выражения своего отношения – положительного (одобрение, радость, интерес) или отрицательного (недовольство, непонимание, удивление, страх, волнение) к чему-л., кому-л. Например:

(267) рус. *перекривлять* → *перекривляться* <перекашивать свое лицо, испытывая страдание, волнение и т.п.>, *таращить* → *таращиться* <смотреть на кого-, что-либо пристально, широко открытыми глазами (от удивления, восхищения, недоумения и т. п.)>, *вытаращивать* → *вытаращиваться* <улавливать на кого или на что, выпучив глаза>, *поморщивать* → *поморщиваться* <поморщить лицо, сделать гримасу (неудовольствия, боли и т. п.)>, *прижмуривать* → *прижмуриваться* <прижмуривать глаз, глаза>, *сморщивать* → *сморщиваться* <сморщиваться от жалости, боли и т. п.>, *хмурить* → *хмуриться* <хмуриться на кого-нибудь, на что-нибудь; смотреть на кого-нибудь, на что-нибудь, насупив брови> и др.

Контексты употребления РК свидетельствуют о преобладании РГ, обозначающих негативную мимическую реакцию субъекта, например:

(268) рус. *Я был бы очень огорчен, если бы Сережа видел меня в то время, как я, сморщившись от стыда, напрасно пытался вырвать свою руку; Она*

нагнулась, потрогала пальцами коленную чашечку и сморщилась от боли; Встреча в настоящее время была крайне неприятна господину Голядкину. Он немного поморщился и на минутку смешался;

(269) Её ответ заставил мужчину нахмуриться; Видимо на лице девушке промелькнуло слишком явное облегчение, так как капитан нахмурился и погрозил ей поклёванным пальцем.

В немецком языке рассматриваемым русским РГ соответствует, как правило, НГ типа *rümpfen* ‘морщить (нос), хмурить (лоб)’, *fletschen* ‘скалить (зубы)’.

Вместе с тем, в немецком языке отмечены РГ *sich verziehen* ‘скривиться’, *sich zusammenziehen* ‘сдвигаться (о бровях, лице)’, которые, однако, употребляются декаузативно с синтаксическими актантами в позиции подлежащего, называющие части человеческого тела, например:

(270) нем. а. *Er hat seinen Mund, das Gesicht, seine Mundwinkel, Lippen (spöttlich, zum Weinen, Lachen) verzogen* ‘Он скривил рот, лицо, уголки рта, губы (презрительно, готовый заплакать, засмеяться)’ → б. *Sein Mund, Gesicht, verzog sich zu einem frohen Lächeln* ‘Его рот, лицо скривилось в радостную улыбку’ [213, Bd. 6, S.4118];

(271) нем. а. *Sie hat die Augenbrauen (Stirn) finster (zornig, schmerzlich) zusammengezogen* ‘Она сдвинула мрачно (сердито, болезненно) брови’ → б. *Sein Gesicht zog sich zusammen...* [213, Bd. 6, S. 4519] ‘Его лицо сжалось’.

3.1.6 РГ социального действия

Данная ЛСГ насчитывает в немецком языке 13 единиц (3,78%) и в русском языке 15 единиц (4,25%). РГ обозначают действия, субъект которых выполняет различные социальные функции в своих интересах. Обозначаемые действия носят в основном намеренный характер, ср.:

(272) нем. *j-n.. etw. versichern* ‘застраховать кого-л., что-л.’ → *sich versichern* ‘застраховаться’; *etw. einrichten* ‘устроить, наладить что-л. (жизнь, быт и т.д.)’ → *sich einrichten* ‘устраиваться, располагаться’; *etw., j-n. in etw. eintragen* ‘вносить что-л. куда-л. (например, свою фамилию в список)’ → *sich in etw. eintragen*

‘вносить себя (свою фамилию) в список’; *j-n. zu jmdm. ernennen* ‘назначать кого-л. кем-л. (например, почетным членом) → *sich zu jmdm. ernennen* ‘назначить себя кем-л.’ (например, руководителем); *jmdn. mit etw beschäftigen* ‘занимать кого-л. чем-л., обеспечивать кого-л. занятостью’ → *sich mit etw. beschäftigen* ‘заниматься чем-л., обеспечивать себя занятостью’ и др.;

(273) рус. *страховать* → *страховаться* <производить страхование своей жизни или своего имущества>, *подписать* → *подписаться* <вносить свое имя в списки участников каких-либо отчислений, пожертвований и т. п.>, *устраивать* → *устраиваться* <разг. приводить в порядок, налаживать свои дела, устраивать свое положение>, *выкрещивать* → *выкрещиваться* <устар. переводить из иной веры в христианство обрядом крещения> и др.

Приведем примеры:

(274) рус. *Но, как было сказано выше, перед лицом неопределённости будущего потребители и инвесторы страхуются тем, что часть наличности стараются попридержать и не пускать в дело* [203];

(275) нем. *Er hatte sich gegen Unfall, Diebstahl und Unwetterschäden versichert* [213, Bd. 6, S. 4113] ‘Он застраховался от несчастного случая, кражи и ущерба от непогоды’;

(276) нем. а. *Der Lehrer trug die Zensuren in die Liste ein* ‘Учитель внес оценки в список’ → б. *Er hat sich in das Gästebuch eingetragen* ‘Он записался в гостевую книгу’ [211].

Некоторые РГ русского языка носят архаичный характер:

(277) рус. *Отец его, пред самой рекрутчиной, со всеми своими сыновьями, в купцы выписался* (т.е. оформил документами выход из крестьянского сословия и переход в купеческое сословие); *Дядя Ерошка был заштатный и одинокий казак, жена его лет двадцать тому назад, выкрестившись в православные* (т.е. перешла из иной веры в христианство обрядом крещения), *сбежала от него*

Следует добавить, что в русском языке количественно преобладают СРГ и ПРГ религиозного характера: в немецком обнаружено лишь два РГ, в то время как в русском их 13. Некоторые из них совпадают по своему значению, ср:

(278) рус. *крестить / перекрестить кого-л., что-л. → креститься / перекреститься*, аналогично: нем. *j-n., etw. bekreuzen/bekreuzigen* ‘перекрестить кого-л., что-л.’ → *sich bekreuzen/bekreuzigen* ‘перекреститься’.

Приведем примеры:

(279) рус. а. *Она всхлинула, быстро перекрестила сына и, отступив на шаг, окинула его быстрым взглядом* [203]. → б. *Царствие ей небесное - женщина поспешно перекрестилась* [203];

(280) нем. а. *Er hatte die schlafenden Kinder geküsst und bekreuzt* [213, Bd.1, S. 503] ‘Он поцеловал спящих детей и перекрестил’. → б. *Er nahm den Hut ab und bekreuzte sich* [213, Bd. 1, S. 503] ‘Он снял шляпу и перекрестился’, аналогично: *Der Mönch bekreuzigte sich* [213, Bd. 1, S. 503] ‘Монах перекрестился’.

В русском языке к рассматриваемым рефлексивам относятся также следующие глаголы:

(281) рус. *исповедовать кого-л. → исповедоваться, сознавать что-л. → сознаваться, казнить кого-л., что-л. (перен.) → казниться, терзать кого-л., что-л. → терзаться, причащать кого-л. → причащаться, винить кого-л. → виниться, соборовать → собороваться, каять (устар.) → каяться*.

Отдельные РГ появились в результате вторичной рефлексивизации (*каяться* → *раскаяться/раскаиваться*, либо при участии сложного словообразовательного форманта (*Христос* → *похристоваться* (разг.), *разговение* → *разговляться*), например:

(282) рус. *Впрочем, в Светлый праздник, у заутрени, он честь честью похристовался со всеми, а после поздней обедни даже разговелся вместе с нами* [203];

(283) рус. *В Троицкой лавре Серебряный исповедался и причастился. То же сделали его холопы. Архимандрит, прощаясь с Никитой Романовичем, благословил его как идущего на верную смерть* [203].

Количественное преобладание русских над немецкими РГ религиозного вида объясняется, в частности, особенностями строя сопоставляемых языков: в немецком языке сильнее развиты аналитические тенденции по сравнению с

русским языком, поэтому русским синтетическим образованиям в немецком обычно соответствуют аналитические конструкции, ср.:

(284) рус. *собороваться* – нем. *die Krankenölung empfangen*, аналогично: рус. *причаститься* – нем. *das Abendmahl empfangen*; рус. *разговляться* – нем. *Fasten brechen*.

Кроме того, немецкому РГ соответствует иногда одновременно и отыменный интранзитив, ср.:

(285) рус. *исповедоваться* – нем. *beichten* (← *Beichte* ‘исповедь’) / *j-m sein Herz ausschütten*; рус. *каяться* – нем. *büßen* (← *Buße* ‘покаяние’) / *Buße predigen*:

(286) рус. *Вчера я исповедался отцу духовному и сподобился причаститься святых тайн* [203]; нем. *Er hat beim Pfarrer gebeichtet* ‘Он исповедался священнику’ [213, Bd. 1, 483];

(287) нем. *Sie hat das Abendmahl empfangen* [213, Bd.1, S. 13] ‘Она причастилась’;

(288) рус. *Митька возле клироса усердно отбивал поклоны, всенародно каялся в грехах* [203];

(289) нем. *Weiter die endlose Schuld des Lebens zu büßen war mir bestimmt* [213, Bd. 1, S.708] ‘Мне было предназначено до конца своей жизни каяться в своих грехах’.

3.1.7 РГ снабжения

В рассматриваемую группу входят в немецком языке 15 единиц (4,36%) и в русском языке 15 единиц (4,25%). РГ данной подгруппы означают снабжение субъекта вооружением, деньгами, экипировкой, поклажей, продовольствием, грузом, работой, знаниями и т.д. Добавим, что иногда предмет снабжения инкорпорирован в структуру РГ, особенно часто это наблюдается в немецком языке, ср.:

(290) нем. *jmdn., etw. waffnen* ‘вооружать кого-л., что-л.’ → *sich waffnen* ‘вооружаться’; *jmdn., etw. wappnen* ‘вооружать, снаряжать кого-л., что-л.’ → *sich wappnen* (перен.) ‘вооружаться, снаряжаться’; *jmdn., etw. equipieren* ‘экипировать,

снаряжать кого-л., что-л.’ → *sich equipieren* ‘экипироваться, снаряжаться’; *jmdn. mit etw. bewaffnen* ‘вооружить кого-л. (например, армию) чем-л.’ → *sich mit etw. bewaffnen* ‘вооружиться чем-л.’; *jmdn. wiederbewaffnen* ‘вновь вооружить кого-л.’ → *sich wiederbewaffnen* ‘вооружиться снова’; *j-n., etw. verproviantieren* ‘снаряжать, снабжать, обеспечивать кого-л. продовольствием’ → *sich verproviantieren* ‘обеспечивать себя продовольствием’ и др.;

(291) рус. *перевозоружать* → *перевозоружаться* <вооружаться по-новому, заново, менять свое вооружение>, *экипировать* → *экипироваться* <запасаться необходимым обмундированием и снаряжением; обмундировываться, снаряжаться>, *снаряжать* → *снаряжаться* <запасаясь всем необходимым, подготавливаться (к дороге, отъезду), собираться (идти, ехать) куда-либо; разг. обеспечивать себя чем-либо>, *загрузить* → *загрузиться* <перен. принимать на себя какие-либо обязанности, поручения>, *навьючивать* → *навьючиваться* <нагружаться поклажей, вьюками> и др.

В обоих языках выделяется подгруппа РГ со значением «нагружаться чем-л.» (нем. – 4 ед., рус. – 4 ед.), ср.:

(292) нем. *jmdn., etw. mit etw. beladen* ‘нагружать кого-л., что-л. чем-л. (например, человека/машину чемоданами) → *sich mit etw. beladen* ‘нагружаться, навьючиваться чем-л.’; *jmdn., etw. mit etw. belasten* ‘нагружать кого-л., что-л. чем-л. (например, человека/машину чемоданами) → *sich mit etw. belasten* ‘нагружаться, навьючиваться чем-л.’; *jmdn., etw. mit etw. beracken* ‘нагружать кого-л., что-л. чем-л. (например, человека/машину чемоданами) → *sich mit etw. beracken* ‘нагружаться, навьючиваться чем-л.’;

(293) рус. *загрузить* → *загрузиться* <перен. принимать на себя какие-либо обязанности, поручения>, *навьючивать* → *навьючиваться* <нагружаться поклажей, вьюками>, *перегрузать* → *перегрузаться* <нагружаться сверх меры>, *перегрузить* → *перегрузиться* <нагружаться грузом, поклажей, работой больше, чем следует, сверх меры>.

Орнативное значение отмечено у многих субстандартных РГ с мотивирующей субстантивной основой. Значение снабжения субъекта чем-л.

реализуется в русском языке при помощи конфи́ксов [за- + -и- + -ся], [о- + -и/ива- + -ся], [о- + -ива-+-ся], [при + -а-+-ся]. Например:

(294) *забишу́риться* мол. ‘запастись тест-системами для подтверждения беременности’ (← *бишу́р* / *бишу́ра* ‘тест-система для подтверждения беременности’ ← англ. *be sure* ‘быть уверенной (надпись на упаковке теста)’)
(рус. *Надо бы забишу́риться, пока деньги есть*);

(295) *затарива́ться* разг. ‘покупать спиртное, запастись спиртным’; ‘приобрести что-л., обзавестись, запастись чем-л.’ (← *тара* ‘любая посуда, из которой пьют спиртное’) (рус. *Чем затарива́ться будем?*; *Сейчас кто затарился аппаратом, тот и играет; затариться вайном в шопе*);

(296) *офлакони́ваться* мол. ‘приобретать или выпивать бутылку спиртного’ (← *флакон* ‘бутылка спиртного’);

(297) *опузы́риваться* сленг ‘приобретать бутылку спиртного’ (← *пузырь* / *пузырёк* ‘бутылка спиртного’);

(298) *обарахли́ться* ‘купить, приобрести что-л.’; *прибарахля́ться* ‘покупать что-л. ценное, редкое, приобретать предметы одежды’ (← *барахло* ‘старьё, старые вещи, а также (пренебр.), ‘вообще вещи’): рус. *Гарнитурчиком прибарахлились. Прибарахляйтесь потихонечку, буржуины шашлычные?*

(299) *пришмоти́ться* разг. ‘приобрести одежду, приодеться’ (← *шмотки* ‘вещи, одежда’);

(300) *утконо́ситься* разг. ‘делать покупки в магазине «Утконос»’ (← *компания «Утконос»* ‘онлайн-гипермаркет, предоставляющий услугу доставки продуктов на дом. территория доставки охватывает Москву и Московскую область’).

3.1.8 РГ лечения

Анализируемые РГ отмечены в немецком (5 ед. или 1,45%) и в русском (7 единиц или 1,98%) языках. Значением данных РГ являются ситуации двух типов.

3.1.8.1 В предложениях типа (301) нем. а. *Ich habe meine Krankheit durch Diät geheilt* ‘Я вылечил свою болезнь диетой’ → б. *Ich habe mich durch Diät*

geheilt [208, S. 303] ‘Я вылечился посредством диеты’ описывается ситуация, в которой субъект (*Ich* «я» – заболевшее лицо) при помощи строгого режима питания (диеты) избавился от болезни, иными словами, он своими действиями каузировал болезнь исчезнуть и т.о. сделал себя здоровым, аналогично:

(302) нем. а. *Der Arzt hat ihn gründlich kuriert* ‘Врач основательно его вылечил’ (т.е. помог ему избавиться от болезни) → б. *Er hat versucht, sich selbst zu kurieren* ‘Он попытался самостоятельно вылечить себя/вылечиться’ (т.е. своими определенными действиями, например, диетой, лекарствами и т. п. избавил себя от болезни) [213, Bd.3, S. 2271].

3.1.8.2 В предложениях типа (303) а. *Der Arzt hat den Patienten ausgeheilt* ‘Врач вылечил пациента’ → б. *Sie hat sich im Sanatorium ausgeheilt* [213, Bd. 1, S. 333] ‘Она вылечилась в санатории’ описывается ситуация, в которой пациент избавляется от своей болезни, поручив лечение врачу или коллективу врачей санатория, иными словами, в РК (303 б) субъект действия (*Sie* – она) выступает в роли каузатора (инициатора) действия, а непосредственный исполнитель действия имплицитно локализован обстоятельством (*im Sanatorium* ‘в санатории’, где работают врачи). Напротив, в РК (303б) в функции агенса (врача) выступает сам больной, который своими действиями устраняет болезнь. Ср. (303) и аналогичные примеры ниже:

(304) рус. *А я вот никогда не хворал и никогда не лечился. Никаких я докторов не знал* (А. П. Чехов. Три года) [205]; *Кстати, если вам всё-таки интересно, я в это время лечился в санаториях* [203];

(305) нем. а. *Er hat eine Krankheit endlich auskuriert* ‘Он наконец вылечил болезнь’ → б. *Er hat sich endlich auskuriert* ‘Он наконец вылечился (от болезни)’ [211].

Добавим, что в немецком языке для передачи значения РК (303б) употребляется также аналитический каузатив с глаголом *lassen*: нем. *Sie ließ sich im Sanatorium kurieren* ‘Она лечилась в санатории’.

Следует также отметить, что в русском языке имеется немало таких каузативных РГ, в частности, среди РГ, обозначающих уход субъекта за своим

телом, заботу о себе, например: *бриться, стричься, краситься, лечиться, обследоваться, фотографироваться* и др. К каузативным РГ также относятся глаголы типа *увольняться, вербоваться, оформляться, прописаться, экзаменоваться, записаться* (например, на прием к врачу, в библиотеку), *смениться* (о смене), *публиковаться, застраховаться* и др. Во всех этих случаях действие выполняется субъектом не самостоятельно, хотя он в определенной мере контролирует или инициирует данные действия. Так, например, в ситуации с РГ *реабилитироваться*, т.е. восстановить свою прежнюю незапятнанную, репутацию или *печататься*, т.е. помещать свои произведения в печатных изданиях, субъект практически не контролирует результат этих процессов, хотя и заинтересован в их достижении. Каузативное действие субъекта заключается только в начале этого процесса, например:

(306) рус. *Все попытки реабилитировать учёного и изобретателя натываются на стену отписок: «Осуждён правильно, с учётом содеянного»* [203];

(307) рус. *Если будете печатать моё письмо в своей книге, просьба не указывать мою фамилию и имя»* [203].

Добавим, что некоторые РГ рассматриваемого типа называются отдельными исследователями как глаголы «подозрительной каузации», поскольку каузация со стороны субъекта представляется сомнительной [175]. Речь идет, в частности, о РГ *извиниться/извиняться*, которые, по мнению Н. Герритсен, означают «попросить извинить себя». Здесь субъект лишь инициирует действие, но его просьба о прощении не предполагает автоматического выполнения этой просьбы, то есть действия субъектов в НГ *извинить* и в РГ *извиниться* являются по своей сути несоотнесительными.

В анализируемую группу входят также:

(308) рус. *полечивать* → *полечиваться* <лечиться понемногу или время от времени>, *полечить* → *полечиться* <лечиться некоторое время>, *исцелять* → *исцеляться* <выздоровливать, излечиваться; освобождаться от болезни>, *излечивать* → *излечиваться* <избавляться от болезни; вылечиваться>, *вылечивать*

→ *вылечиваться* <исцелять, излечивать, избавлять от болезни, боли применением лечебных средств>.

(309) нем. *jmdn., etw. auskurieren* ‘вылечить кого-л., что-л.’ → *sich auskurieren* ‘вылечиться’.

3.1.9 РГ приема пищи

Лексико-семантическая группа РГ со значением приема пищи является малопродуктивной в обоих языках и насчитывает в немецком языке (2 ед.) (0, 58%) и в русском языке 5 единиц (1,42%). Сюда входят следующие соотносительные пары:

(310) нем. *jmdn sättigen* ‘насыщать, кормить кого-л.’ → *sich an etw. sättigen* ‘насытиться чем-л.’; *jmdn ernähren* ‘кормить кого-л.’ → *sich ernähren* ‘кормиться’;

(311) рус. *харчить* → *харчиться* <кормиться, питаться; столоваться>, *пропитывать* → *пропитываться* <разг. прокармливать себя>, *прохарчивать* *прохарчиваться* <добывать себе пищу, харчи; прокармливаться>, *питать* → *питаться* <удовлетворять потребность в пище; есть, кормиться>, *кормить* → *кормиться* <есть, поесть пищу, корм; насыщаться>.

РГ часто употребляются с дополнениями, обозначающими способ, место и средства питания:

(312) рус. *В еде себя не урезывали. Харчились за плату у тех же лесников, у которых и ночевали безвозмездно* (Купр. Мыс Гурон, 4.) [205]; *Ну, до Воронежа, положим, ты с богомольцами дойдешь, Христовым именем пропитаешься* (А. Остр. Лес, II, 2.) [205]; *Прошу садиться, – поставил стул капитан. – Питаюсь я из солдатского котла* (Степан. Порт-Артур.) [205];

(313) нем. *Ich ernähre mich ausschließlich von/mit Pflanzenkost* [208, S. 209] ‘Я питаюсь исключительно растительной пищей’; *Ich sättige mich an/mit Obst* [208, S. 523] ‘Я питаюсь фруктами’.

3.1.10 РГ речевого сообщения

Данная группа РГ была обнаружена в обоих языках и включает в себя в немецком языке 14 единиц (4,07%) и в русском языке 6 единицы (1,70%). Субъект данных РГ выступает обычно в роли отправителя информации (адресанта), сообщая объекту-адресату о себе, своем визите, прибытии, приезде / отъезде и т. п. Ср.:

(314) рус. *Очень вам благодарен, ваше сиятельство, за сделанную мне честь, – вежливо отвечал Мановский, – и прошу извинения, что первый не представился (т.е. назвал себя) вам, но это единственно потому, что меня не было дома: я только что сейчас вернулся* [203];

(315) нем. *Er stellte sich uns mit vollem Namen vor* [208, S. 735] ‘Он представился нам полным именем’; *Ich habe mich [zur Teilnahme an einem Wettkampf] angemeldet* [208, S. 67] ‘Я известил о своем участии в соревновании’; *Du mußt dich [polizeilich] abmelden* [208, S. 45] ‘Ты должен в полиции сняться с учета’.

В некоторых случаях субъект РК выступает в роли получателя информации:

(316) рус. *Покупатель осведомился (т.е. получил какие-л. сведения, спросив о чем-л.) у продавца о цене японской кинокамеры* [198, с. 257]; *По-моему, надо выделить тех, с кем можно говорить откровенно, и им откровенно поставить вопросы вроде следующих: аа) мы идём до таких-то средств борьбы; нельзя ли информироваться, до каких вы?* [203];

(317) нем. *Ich wollte mich über das Spiel informieren* [208, S. 329] ‘Я хотел получить информацию об игре’.

В рассматриваемую группу вошли также немецкие РГ:

(318) нем. *etw., jmdn. melden* ‘объявлять, извещать о чем-л., к-л.’ → *sich melden* ‘извещать о своем прибытии (визите, приходе)’; *etw., jmdn. ankunden* (высок.) ‘объявлять, извещать о чем-л., к-л.’ → *sich ankunden* ‘извещать о своем прибытии (визите, приходе)’; *etw., jmdn. ankündigen* ‘объявлять, извещать о чем-л., к-л.’ → *sich ankündigen* ‘извещать о своем прибытии (визите, приходе)’ и др.

3.1.11 РГ *запираться, отгородиться* и т. п.

Данная ЛСГ была отмечена в обоих языках и составляет в немецком языке 12 единиц (3,49%) и в русском языке 4 единицы (1,13%). Заметное количественное преобладание немецких РГ данной семантики над русскими обусловлено развитой синонимией немецкого языка, вызванной способностью семантически близких префиксов (*ein-*, *ver-*) сочетаться с одним и тем же глаголом. В данную группу вошли РГ, обозначающие намеренное замыкание субъекта обычно в ограниченном пространстве (помещении), ср.:

(319) нем. *etw. sperren* ‘запирать что-л.’ → *sich in etw. sperren* ‘запираться где-л.’; *etw. einsperren* ‘запирать что-л.’ → *sich in etw. einsperren* ‘запираться где-л.’; *etw. einriegeln* ‘запирать что-л.’ → *sich in etw. einriegeln* ‘запираться где-л.’; *etw. abriegeln* ‘запирать что-л.’ → *sich in etw. abriegeln* ‘запираться где-л.’; *etw. einschließen* ‘запирать что-л.’ → *sich in etw. einschließen* ‘запираться где-л.’; *etw. verschließen* ‘запирать что-л.’ → *sich in etw. verschließen* ‘запираться где-л.’; *etw. verbarrikadieren* ‘запирать, забаррикадировать что-л.’ → *sich in etw. verbarrikadieren* ‘запираться, забаррикадироваться где-л.’; *etw. distanzieren* ‘размещать что-л. на расстоянии, отмежевать’ → *sich distanzieren* ‘отмежеваться, дистанцироваться от кого-л., чего-л.’ и др.

(320) рус. *межевать* → *межеваться* <разг. разделяться, проводя, устанавливая межи, границы земельных участков>, *забаррикадировать* → *забаррикадироваться* <отгородиться баррикадой>, *загораживать* → *загораживаться* <заслонять себя какой-либо преградой>, *перегородить* → *перегородиться* <отгородиться преградой>.

НК и РК рассматриваемой семантики часто употребляются с локативными актантами, ср.:

(321) нем. а. *Die Polizei hat den Verdächtigen übergangsweise in dem Polizeirevier gesperrt* ‘Полиция временно заперла подозреваемого в полицейском участке’ → б. *Seit Stunden hat er sich in sein Zimmer gesperrt und öffnet nicht* ‘Он заперся в своей комнате уже несколько часов и не открывает [двери]’ [211];

(322) нем. а. *Er distanzierte seinen Gegner* ‘Он дистанцировался от своего противника’ → б. *Sie distanzierten sich von ihren früheren Bekannten* ‘Она дистанцировалась от своих бывших знакомых’;

(323) рус. а. *Он в запале и не заметил, что Кирилл забаррикадировал вход.* (Алексей Иванов (Алексей Маврин). Псоглавцы. Гл. 1-20 (2011)) [205] → б. *Полковник Радуев забаррикадировался в углу двора – спрятался за капотом малолитражки, и теперь к нему нельзя было подобраться ни сбоку, ни сзади.* (Виктор Пелевин. Любовь к трем цукербринам (2014)) [205];

(324) рус. а. *Высокий офицер, который, очевидно, стоял тут с самого начала и всё слышал, загородил ему дорогу и спросил: – Вы к кому идёте?* [Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом, часть 2 (1943-1958)] → б. *Там я загородился книжкой и сидел, оглушенный тревогой, покуда над моей головой не рявкнул командный голос.* (Михаил Елизаров. Госпиталь (2009)) [205].

Таблица 3.1

Продуктивность ЛСГ собственно-рефлексивных и посессивно-рефлексивных глаголов в немецком и русском языках

№ п/п	Лексико-семантические группы СРГ и ПРГ	Немецкий язык		Русский язык	
		пример	количество	пример	количество
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>
1.	РГ туалета	<i>sich waschen</i>	67 (19,48%) III	<i>мыться</i>	121 (34,28%) I
2.	РГ поведения, поступков и межличностных отношений	<i>sich zähmen</i>	111 (32,27%) I	<i>сдерживаться</i>	82 (23,23%) II
3.	РГ движения частью тела	<i>sich beugen</i>	78 (22,67%) II	<i>наклоняться</i>	37 (10,48%) IV
4.	РГ нанесения физического вреда	<i>sich brühen</i>	27 (7,85%) IV	<i>обвариться</i>	42 (11,90%) III

1	2	3	4	5	6
5.	РГ выражения мимики	–	–	<i>нахмуриться</i>	19 (5,38%)
6.	РГ социального действия	<i>sich versichern</i>	13 (3,78%)	<i>застраховаться</i>	15 (4,25%)
7.	РГ снабжения	<i>sich equipieren</i>	15 (4,36%)	<i>экипироваться</i>	15 (4,25%)
8.	РГ лечения	<i>sich ausheilen</i>	5 (1,45%)	<i>вылечиться</i>	7 (1,98%)
9.	РГ приема пищи	<i>sich ernähren</i>	2 (0,58%)	<i>харчиться</i>	5 (1,42%)
10.	РГ речевого сообщения	<i>sich vorstellen</i>	14 (4,07%)	<i>представиться</i>	6 (1,70%)
11.	РГ «запираться», «отгородиться» и т.п.	<i>sich einschließen</i>	12 (3,49%)	<i>запираться</i>	4 (1,13%).
	Всего:		344 РГ (100%)		353 РГ (100%)

3.2. Типы диатезных преобразований в немецком и русском языках

У собственно-рефлексивных и посессивно-рефлексивных глаголов в немецком и русском языках выявлены следующие типы диатезного преобразования (см. ниже 3.2.1–3.2.4, а также табл. 3.2, 3.3).

3.2.1 Первый тип диатезного преобразования «двухвалентный НГ → одновалентный РГ» является наиболее продуктивным в обоих сопоставляемых языках и насчитывает в немецком языке 314 единиц (45%), и в русском языке 352 единицы (49%). Данный диатезный тип характеризуется элиминацией второго референта и изменением в ролевой структуре первого референта, совмещающего в производной диатезе одновременно роль субъекта (агенса) и объекта (пациенса) и выступающего т.о. в функции рефлексивного агенса, ср.:

(325) рус. а. *Татьяна* [Pers₁/ Ag/ Sb_{ед.}] *умыла и передела чумазых, но, к счастью, совершенно целых детей* [Pers₂/ Pt/ Ob_{вин.}] → б. *Татьяна* [Pers₁/ Ag_{refl}/ Sb_{ед.}] ...*умылась, застелила постель* [205];

(326) нем. а. *Die Mutter* [Pers₁/ Ag/ Sb_{ед.}] *kämmt das Kind* [Pers₂/ Pt/ Ob_{вин.}] ‘Мать причесывает ребенка’ → б. *Die Mutter* [Pers₁/ Ag_{refl}/ Sb_{ед.}] *kämmt sich* ‘Мать причесывается (т.е. причесывает свои волосы)’ [Инф.]’.

Сходное диатезное преобразование имеет место в следующих НГ и РГ:

(327) нем. а. *Er* [Pers/ Ag/ Sb_{ед.}] *hat das verletzte Pferd* [Pot/ Pt/ Ob_{вин.}] *erschossen* ‘Он застрелил раненую лошадь’ (т.е. лишил лошадь жизни при помощи огнестрельного оружия) → б. *Er* [Pers/ Ag_{refl}/ Sb_{ед.}] *hat sich erschossen* ‘Он застрелился (т.е. лишил себя жизни из огнестрельного оружия)’;

(328) рус. а. *Саша* [Pers/ Ag/ Sb_{ед.}]... *помылся и побрил свою редкую, некрасивую щетину* [Part/ Ob_{part} / Ob_{вин.}] → б. *Саша* [Pers/ Ag_{refl} / Sb_{ед.}] *умылся и побрился* ‘т.е. побрил свою бороду, щетину’;

(329) рус. а. *Ляля Ковальская* [Pers/ Ag/ Sb_{ед.}] *для этой цели завила и напудрила волосы* [Part/ Ob_{part} / Ob_{вин.}] *набросила полосатое байковое одеяло вместо профессорской мантии.* (Л. Р. Кабо. Повесть о Борисе Беклешове (1962)) [205] → б. *Серафима* [Pers/ Ag_{refl}/ Sb_{ед.}] *уж, наверное, халат погладила, завилась, накрасилась – трудно сделать естественный кадр, люди обижаются, если их поймали в повседневном обличье* (Кир Булычев. Петух кричит с опозданием (2002)) [205];

(330) рус. а. *Посредине столовой стояли деревянные козлы, и два мужика* [Pers_{мн.}/ Ag/ Sb_{мн.}]... *, стоя на них, белили стены* [NonP / Pt / Ob_{вин.}]. → б. *Ее резвость и поминутные проказы восхищали отца и приводили в отчаянье ее мадам* [Pers/ Ag_{refl}/ Sb_{ед.}], *мисс Жаксон, сорокалетнюю чопорную девицу, которая белилась и сурмила себе брови.* (А. С. Пушкин, Бар.-крестьянка) [205].

Аналогичная трансформация диатез наблюдается у посессивно-рефлексивного глагола с референтом-животным в позиции подлежащего: в РК происходит элиминация партитивного референта, выступающего в семантической роли партитивного объекта, ср.:

(331) нем. а. *Die Hühner* [Pot/ Ag/ Sb_{мн.}] *plustern ihr Gefieder* [Part/ Ob_{part} / Ob_{вин.}] *auf* ‘Куры распушивают свои перья’ → б. *Die Hühner* [Pot/ Ag_{refl} / Sb_{мн.}] *plustern sich auf* ‘Куры распушиваются’;

(332) рус. а. В 2008 году Александр [Pers/ Ag/ Sb_{ед}] зарегистрировал компанию «Инфомаксимум» [NonP/ Ob_{poss}/ Ob_{вин}], под этим брендом проектировался проморобот (на грант Фонда Бортника), потом была система планирования *CoffeePlan*, зарегистрированная в 2008 году. (Елена Николаева. Как не пустить в соцсеть // «Эксперт») [205], → б. Я [Pers/ Ag_{теп} / Sb_{ед}] бы поставил палатку возле метро, зарегистрировался. (Токарева Виктория. Своя правда // «Новый Мир», 2002) [205].

3.2.1.1 Подтипы диатезы «двухвалентный НГ → одновалентный РГ».

В немецком и русском языках диатезный тип «двухвалентный НГ → одновалентный РГ» характеризуется появлением в окружении РГ ряда следующих конкретизаторов (иногда в комбинации с семантической ролью):

1) **способ действия**, который в сопоставляемых языках часто выражается наречиями, усилительными словами, сравнительными оборотами (хорошо, быстро, очень, весьма, словно..., как... и др.):

(333) рус. Француженка приделалась получше [Mod] и поехала с ним в гондоле [202];

(334) рус. Он тщательно [Mod] выбрислся, надел очень яркий свитер, который где-то достала мама, и, стараясь, чтобы его никто не заметил, часто оглядываясь, пошел в клуб. (Лев Дурнов. Жизнь врача. Записки обыкновенного человека (2001)) [205];

(335) нем. *Du kapselst dich zu sehr [Mod] ein [213, Bd. 2, S. 957] обр. ‘Ты слишком замыкаешься в себя’ (т.е. сторонись окружающих); *Du hast dich schnell (gut) entwickelt [208, S. 202] ‘Ты быстро (хорошо) развился’.**

В контексте модальные конкретизаторы приобретают обычно определенное оценочное значение (положительное либо отрицательное), ср.:

(336) рус. *Вырядился как «новый рубль»; Вырядился бог знает как! [203];*

(337) нем. *Am nächsten Morgen staffierte er sich hochfein heraus (O. Gotsche. «Stärker ist das Leben», S.241) [205] ‘На следующее утро он вырядился изысканно’; *Er putzt sich wie ein Sommerfrischler heraus [213, Bd.3, S. 1795] ‘Он наряжается как дачник (отдыхающий)’;**

2) *время*, ср.:

(338) рус. *Она в воскресенье* [Temp] *непременно нарядится* [202];

(339) нем. *Das Kind hat sich im Schlaf* [Temp] *bloßgedeckt* [Инф.] ‘Ребенок во сне раскрылся’.

Темпоральные конкретизаторы выражаются в сопоставляемых языках предложно-именными сочетаниями либо наречиями, ср.:

(340) рус. Сначала он думал, что умудрился *ночью* [Temp] порезаться, но не находил следов порезов [203], ср. также: умыться *перед сном* [Temp];

(341) нем. *sich nach dem Bad* [Temp] *abfrottieren /abrubbeln (landsch. fam.)* ‘после купания растираться махровым полотенцем/энергично растираться’; *sich beim Spielen /Essen/bei der Arbeit* [Temp] *beschmutzen/ beschlabbern/ einsudeln* разг. ‘испачкаться во время игры/еды/работы’; *sich schon lange* [Temp] *anmelden* ‘стать уже давно на учет/зарегистрироваться’;

3) *цель*, ср.:

(342) рус. *Нарядился так председатель для представительности* [Tar] [202];

(343) нем. *Sie hat sich fürs Theater* [Tar] *umgekleidet* [Инф.] ‘Она переделалась для похода в театр’.

В немецких РК целевые (финальные) отношения выражаются предложно-субстантивными группами «auf, für, zu + существительное», в русском – «для, к, за, на, по, с + существительное», ср.:

(344) рус. *А спустя некоторое время, переодевшись для выезда, мать и дочь сели в поджидавший их экипаж* [203]; *А теперь я тебе даю полчаса на то, чтобы ты переделалась к балу* [203], сюда также: рус. *вырядиться (на выход), накраситься (к приходу кого-л.)* и др.;

(345) нем. *Wir haben uns für die Reise ins Gebirge ausstaffiert* ‘Мы оснастились для путешествия в горы’ [213, Bd. 1, S.376], а также: нем. *sich zum Ausgehen, für d. Theater/Party umkleiden* [213, Bd. 5, S. 3878]; рус. *переодеться для прогулки, в театр, на вечеринку*, аналогично: нем. *sich fürs Abendessen, Theater umziehen* [213; Bd. 5, S. 3895]; рус. *переодеться для ужина, в театр*;

4) **причина.** Следует отметить, что причинные отношения в структуре конструкций с СРГ и ПРГ часто пересекаются с конкретизаторами цели, назначения, а также с пространственными и временными уточнителями, например:

(346) рус. *Форма этой вещицы вызвана легендой, согласно которой красивый белый петух, увидев, как его молодая хозяйка, часто ласкавшая его, в отчаянии от потери возлюбленного бросилась в колодец, прыгнул за ней и утопился, чтобы не разлучаться со своей хозяйкой* [Caus] [203];

(347) *Если хотите, тут характернее всего то, что можно сделать логический вывод какой угодно, но взять и застрелиться вследствие вывода* [Caus]– *это, конечно, не всегда бывает* [203];

(348) нем. *Der Offizier erschoss sich, weil er den Skandal nicht erleben wollte* [Caus] [213, Bd. 2, S. 1136] ‘Офицер застрелился, так как не захотел пережить скандала’;

(349) нем. *Er hat sich, um den Folgen, der Schande zu entgehen* [Caus], *im See ertränkt* [213, Bd. 2, S. 1146] ‘Он утопился в озере, чтобы избежать последствий, позора’; ср. аналогичные РГ: нем. *sich durch etwas diskreditieren* [213, Bd. 2, S. 827] ‘дискредитировать себя чем-л.’, *sich durch unpassenden Scherz bloßstellen* ‘осрамиться неуместной шуткой’, *sich durch seine Rede demaskieren* ‘разоблачить себя своей речью [213, Bd. 1, S. 782]’;

5) **источник опасности**, ср.:

(350) рус. Он весь измазался сажей (в сажу) [Swd] [202];

(351) нем. *Sie hat sich vor seinen Lästerungen* [Swd] *bekreuzt* [213, Bd.1, S. 503] рел. ‘Она открестилась (т.е. перекрестила лоб грудь в знак суеверного страха) от его богохульства (брани; клеветы; поношения)’;

(352) рус. *Одна девчонка обожглась о крапиву* [Swd] *и заойкала.* (Валерий Медведев. Баранкин, будь человеком! (1957)) [205];

б) **место**, ср.:

(353) рус. Он погрелся у железной времянки [Loc] [219, т.3, с. 169];

(354) рус. а. Кямал [Pers/ Ag/ Sb_{ед}] достал из кармана ручку и записал адрес [NonP / Cont / Ob_{вин}] на коробке конфет "Моцарт" [Loc]. (Токарева Виктория. Своя правда // «Новый Мир», 2002) [205] → б. Зато после 7-го класса Полицук [Pers/ Ag_{refl} / Sb_{ед}] записалась в хор [Loc] и заодно солировала в эстрадном ансамбле, где пела голосом очень популярного тогда Робертино Лоретти. (Наталья Склярова. Казаки-разбойники (2002) // «Вечерняя Москва», 2002.01.10) [205];

(355) нем. *Viele Erwachsene bilden sich an einer Abendoberschule [Loc] fort* [213, Bd. 2, S. 1352] ‘Многие взрослые повышают образование в вечерней (общеобразовательной) средней школе (ГДР)’;

(356) рус. *Он вымылся над раковиной [Loc]*.

Добавим, что конкретизатор *место* в обоих языках обычно передается локативными предложными группами, в русском языке часто с помощью предлогов *у, на, в, из, перед*, а в немецком – *an, bei, vor, in, aus*, ср.:

(357) рус. *загрязниться (на пожаре), вымыться (в бане), переутомиться (на работе), высунуться (из окна), прописаться (в этом городе)*; нем. *sich vorm Spiegel pudern ‘пудриться перед зеркалом’; sich am Fensterkreuz erhängen ‘повеситься на оконном переплете’; sich im Sanatorium ausheilen ‘вылечиться в санатории’; sich bei der Polizei anmelden ‘становиться на учет в полиции’; sich aus dem Fenster zu jmdm. herausbeugen ‘высунуться из окна к кому-либо’*;

(358) нем. *Sie hat sich im Sanatorium [Loc] ausgeheilt ‘Она вылечилась в санатории’* [211];

(359) рус. *На пожаре [Loc] я загрязнился весь, ни на что не похож*. (Вацлав Михальский. Весна в Карфагене (2001)) [205];

(360) рус. *Вот, например, после продолжительных мучений в Москве [Loc] официально прописался ещё один житель – 40-летний Муртузали Мамедов*. (Ольга Демьянова. Вот, например // «Столица», 1997.04.01) [205];

(361) рус. *Вера высунулась за дверь [Loc]. Перед ней разверзся родной подъезд-колодец с лестницей, вьющейся к заляпанному купольному стеклу неба*. (Александр Снегирев. Вера (2015)) [205].

7) Активную **комбинаторную** сочетаемость в обоих языках проявляет модальный конкретизатор (способ действия), который сопровождает глагольное действие в комбинации с другими сирконстантами: *цель* (причина), *время*, *источник опасности*, *инструмент*, *место* и др., например:

(362) рус. *Магистерша к трапезе [Tar/Caus] красивее обычного [Mod] обрядилась [202];*

(363) нем. *Die Weltraunforschung hat sich in jüngster Zeit [Temp] rasch [Mod] vorwärtsentwickelt [213, Bd.6, S. 4224] ‘Исследование космического пространства в последнее время быстро продвинулось вперед’;*

(364) нем. *Sie hatten sich leicht [Mod] an verdorbenem Fleisch [Swd] vergiftet ‘Они немного отравились испорченным мясом’ [213, Bd. 6, S. 4051];*

(365) рус. *Олизар быстро [Mod] повязался одной салфеткой [Inst/Med] как фартуком, а другую надел на голову [202];*

8) **содержание**, ср.:

(366) рус. *И он не ошибался в расчете [Cont] и еще раз сумел похвалить себя за сдержанность, когда в день обеда, назначенного в его честь в дворянском собрании, туда явились только одни чиновники и самая незначительная часть дворян [203];*

(367) нем. *Er täuschte sich über seinen Gesundheitszustand [Cont] [213, Bd. 5, S. 3704] ‘Он ошибался (букв. обманывался) в состоянии своего здоровья’;*

(368) нем. *Sie täuschte sich über wirkliche Lage hinweg [Cont] [213, Bd. 3, S. 1862] ‘Она ошибалась относительно действительного положения дел’;*

(369) нем. *Er habe sich bei ihm unter diesem Namen [Cont] angemeldet, sagte er. (F. Dürrenmatt, «Der Verdacht, Reinbek bei Hamburg: Rowohlt», 1965) [211] ‘Он сказал, что записался под этим именем’.*

Ср. следующий пример, где содержание ошибки сопровождается еще усилительным модальным компонентом:

(370) нем. *Ich habe mich sehr, gründlich [Mod] in ihm getäuscht [208, S. 633] ‘Я сильно, основательно ошибся в нем’.*

9) **Только для немецкого языка** характерно появление в окружении РГ *предикативного дополнения*, иногда в сопровождении атрибута, например:

(371) *Du hast dich als treuer Freund [Prädik.] bewährt* [208, S. 135] ‘Ты оказался верным другом’.

В ряде случаев предикативное дополнение осложняется *локативом* или конкретизатором *способа действия*, например:

(372) нем. *Er hat sich öffentlich [Mod] als Maler [Prädik.] produziert* [213, Bd.4, S. 2870] презр. ‘Он демонстрировал себя на публике как художник’ (т.е. показывал свое мастерство, искусство);

(373) нем. *Er hat sich (als Künstler, Wissenschaftler) [Prädik.] dadurch in der unwürdigsten Weise [Loc] prostituiert* [213, Bd. 4, S. 2880] высок. ‘Он (как художник, ученый) тем самым унизил себя (букв. проституировался) самым недостойным образом’.

Добавим, что в русском языке таким РГ соответствуют два типа глагольных дериватов:

1) конверсивные РГ, характеризующиеся понижением синтаксического ранга подлежащего НК при трансформации НГ в РГ. При этом НК и РК описывают денотативно сходные ситуации, ср:

(374) рус. *Он (Sb_{имен}) проявил интерес к живописи ↔ У него (Sb_{предл}) интерес к живописи проявился.*

2) РГ, образованные синтаксическим способом по модели «НГ + лексема *себя*». В этом случае имеет место частичная кореферентность субъекта НГ (лицо) и лексемы *себя*, которая маркирует психический мир субъекта (его душу), например:

(375) рус. *Павел проявил безразличие/заботу по отношению к товарищу ≈ Павел [Pot] проявил себя [Part]* (т.е. обнаружил свои качества, свойства) *безразличным/заботливым человеком по отношению к товарищу.*

3.2.2 Диатезный тип «трёхвалентный НГ → двухвалентный РГ» является вторым по продуктивности в обоих сопоставляемых языках (нем. – 38% или 262 ед.; рус. – 34,8% или 246 ед.). Данный диатезный тип характеризуется элиминацией второго референта, изменением в ролевой структуре первого референта и сохранением референтной, семантической и синтаксической структуры третьего участника ситуации. Немецкие и русские СРГ и ПРГ рассматриваемого типа обозначают:

1) физические действия субъекта над своим телом, часто с использованием определенного инструмента или средства, ср.:

(376) нем. а. *Die Mutter* [Pers₁/ Ag / Sb_{ед}] *mummt das kleine Kind* [Pers₂/ Pt/ Ob_{вин}] *in dicke Decken* [NonP/ Ob_{poss} / Ob_{предл}] [213, Bd. 2, 2567] разг. ‘Мама укутывает маленького ребенка в теплые одеяла’ → б. *Er* [Pers/ Ag_{refl} / Sb_{ед}] *mummte sich in seinen Pelz* [NonP/ Ob_{poss}/ Ob_{предл}] [213, Bd. 2, 2567] ‘Он укутался (т.е. укутал себя, своё тело) в свою шубу’;

(377) рус. а. *Егоров* [Pers₁/ Ag / Sb_{ед}] *бережно* [Mod] *укутал* (т. е. тепло обернул) *мальчика* [Pers₂/ Pt/ Ob_{вин}] *в байковое одеяло* [NonP/ Ob_{poss}/ Ob_{предл}] (Бабенко, 140) → б. *На ходу* [Temp] *девушка* [Pers/ Ag_{refl} / Sb_{ед}] *укутывается* (т. е. плотно, со всех сторон обёртывает себя) *в черное меховое пальто* [NonP/ Ob_{poss} / Ob_{предл}] [203];

(378) рус. *Арсений* [Pers/ Ag / Sb_{ед}] *вправил кишки в живот и обмотал его* [Part/ Ob_{part} / Ob_{вин}] *холстиной* [NonP / Ob_{poss} / Ob_{твор}]. [Евгений Водолазкин. Лавр (2012)] → *Марина Михайловна* [Pers/ Ag_{refl} / Sb_{ед}] *накрасила губы и обмоталась палантином* [NonP / Ob_{poss} / Ob_{твор}]. (Маша Трауб. Домик на Юге (2009)) [205].

Рассмотрим другой пример анализируемого диатезного преобразования, в котором субъект рецессивной диатезы принимает другую семантическую роль:

(379) нем. а. *Er* [Pers₁ / Ag/ Sb_{ед}.] *verletzte den Mann* [Pers₂/ Pt/ Ob_{вин}] *mit dem Messer* [NonP / Inst / Ob_{предл}] ‘Он ранил мужчину ножом’ → б. *Er* [Pers/ Ag_{quirefl}/ Sb_{ед}.] *verletzte sich mit dem Messer* [NonP / Inst / Ob_{предл}] ‘Он поранился ножом’.

В исходной диатезе (379а) субъект-агенс наносит телесную рану объекту-пациенсу, в производной диатезе (379б) субъект действия выступает в роли

квазирефлексивного агенса, который неконтролирует полностью действие и случайно наносит себе рану. Добавим, что второй референт-лицо исходной конструкции элиминируется в производной диатезе, а инструментальное дополнение сохраняется в обеих конструкциях.

2) поведение человека и межличностные отношения, ср.:

(380) нем. а. *Sie* [Pers₁/ Ag / Sb_{ед}] *ordnete ihre eigenen Pläne* [Part₁ / Ob_{part} / Ob_{вин}] *denen ihres Mannes* [Part₂ / Ben / Ob_{дат}] *unter* [213, Bd. 5, 3975] ‘Она подчинила свои собственные планы планам своего мужа’ → б. *Sie* [Pers₁/ Ag_{refl} / Sb_{ед}] *hat sich freiwillig* [Mod] *ihrem Mann* [Pers₂ / Ben / Ob_{дат}] *untergeordnet* ‘Он добровольно подчинилась мужу’ [Инф.];

(381) рус. а. ...можно было распознать лишь настороженность и затаенную опасность: как бы он [Pers₁/ Ag/ Sb_{ед}] не ввязал нас [Pers₂мн / Pt / Ob_{вин}] в эту пренеприятную историю [NonP / Swd/ Ob_{предл}]. (А. Т. Твардовский. Рабочие тетради 60-х годов (1968) // «Знамя», 2003) [205] → б. Я [Pers/ Ag_{refl} / Sb_{ед}] *клял себя на чём свет стоит, что ввязался в это дело* [NonP/ Sw/d/ / Ob_{предл}]. (Вера Белоусова. Второй выстрел (2000)) [205];

(382) рус. а. 12 человек [Pers₁/ Ag (Adrn) / Sb_{мн}] *вверили Ивану Ильичу* [Pers₂/ Ben (Adr)/ Ob_{дат}] *свою жизнь* [Part₁/ Ob_{part} / Ob_{вин}] [200, Т. 1, 140]) → б. *Безухова* [Pers₁/ Ag_{refl}/ Sb_{ед}] *вверилась* (т.е. доверяя, всецело положились/отдала себя в чьё-л. распоряжение) *итальянскому доктору* [Pers₂/ Ben (Adr)/ Ob_{дат}] [200, Т. 1, 140];

(383) рус. а. *Девочка* [Pers₁ / Ag (Adrn)/ Sb_{ед}.] *доверила подружке* [Pers₂/ Ben (Adr)/ Ob_{дат}] *свою тайну* [Part₁ / Ob_{pos} / Ob_{вин}] → б. *Девочка* [Pers/ Ag_{refl}/ Sb_{ед}] *доверилась подружке* [Pers₂/ Ben (Adr)/ Ob_{дат}], т.е. доверила ей свои секреты, страхи, тайну и т.п.

Заметим, что в примерах (382) и (383) семантическая роль первого и второго актантов в исходной диатезе (382а), (383а), а также семантическая роль второго актанта в производной диатезе (382б), (383б) допускают двоякую интерпретацию: а) субъект как агенс, т. е. инициатор действия, который контролирует действие; б) субъект в роли отправителя некоторой тайной информации, т. е. адресант. Соответственно, объект действия может рассматриваться как: а) лицо, в

пользу которого выполняется действие (бенефициант); б) как получатель информации (адресат).

(384) рус. а. *Он [Pers₁/ Ag/ Sb_{ед.}] защищал сестру [Pers₂/ Pt/ Ob_{вин.}] от соседских мальчишек [Pers_{мн} / Sw/d / Ob_{предл.}] → б. *Он [Pers/ Ag_{refl}/ Sb_{ед.}] защищался от соседских мальчишек [Pers_{мн} / Sw/d / Ob_{предл.}].**

Пример (384) иллюстрирует случай диатезного преобразования, в котором все участники глагольного действия являются лицами. В ходе рефлексивной деривации второй актанта (сестра) элиминируется, свойства третьего участника (соседские мальчишки) на всех трех уровнях сохраняются без изменений, а действие первого актанта (*он*) изменяется и направляется на самого себя (рефлексивный агенс).

Ср. другие немецкие НГ/РГ диатезного типа «трёхвалентный НГ → двухвалентный РГ»:

(385) нем. *j-m etw. aufdringen/ aufschließen/ anvertrauen/erklären* (gehob.) ‘навязывать кому-л. что-л. (дружбу, любовь)/открыть кому-л. что-л. (сердце)/ доверять (тайну)/ объяснять кому-л. что-л. (например, свое мнение)’ → *sich j-m aufdringen/aufschließen/ anvertrauen/ erklären* (gehob.) ‘навязываться/ открыться/ довериться/ объясниться кому-л.’;

3) идеальную (ментальную) деятельность человека, часто связанную с внутренней энергией субъекта (вниманием, состоянием, чувствами), ср.:

(386) нем. а. *Er [Pers/ Ag / Sb_{ед.}] konzentrierte seine Kräfte [Part / Ob_{part} / Ob_{вин.}] auf ein einziges Ziel [NonP/ Tar/ Ob_{предл.}] [213, Bd. 3, 2188] ‘Он сконцентрировал свои силы на одну единственную цель’ → б. *Er [Pers/ Ag_{refl} / Sb_{ед.}] konzentrierte sich jetzt [Temp] nur auf ein einziges Ziel [NonP / Tar / Ob_{предл.}] [Инф.] ‘Он сконцентрировался (т. е. направил все свои силы, внимание и т.п.) сейчас лишь на одну единственную цель’;**

(387) рус. а. *В течение последнего тайма [Temp] игроки футбольной команды [Pers/ Ag / Sb_{мн.}] концентрировали внимание [Part / Ob_{part} / Ob_{вин.}] только на воротах противника [NonP / Tar / Ob_{предл.}] [198, с. 233] → б. *Игроки**

футбольной команды [Pers/ Ag_{refl}/ Sb_{мн}] *сконцентрировались на воротах соперника* [NonP / Tar / Ob_{предл}] [203].

В приведенном примере третий участник ситуации, выступающий в роли «цель субъекта действия» (Tar), сохраняется в исходной (387а) и производной (387б) диатезах и оформляется предложным дополнением. Партитивный референт НК (387а) (*внимание*) элиминируется в рецессивной диатезе (387б), так что множественный субъект РК начинает выполнять роль рефлексивного агенса. Таким образом, в производной диатезе происходит редукция конкретного семантического объекта и РП в структуре СРГ маркирует значение исходного глагола в более обобщенном виде («сконцентрировать свое внимание = сконцентрироваться, т.е. сконцентрировать свои силы, внимание, мысли и т.п.»).

Ниже приведены другие примеры подобных преобразований второго диатезного типа:

(388) нем. а. *Die Lehrerin* [Pers₁/ Ag/ Sb_{ед.}] *entschuldigte den Studenten* [Pers₂/ Pt/ Ob_{вин.}] *wegen Verspätung* [NonP / Prädik. / Ob_{предл}] ‘Учитель простила/извинила (т. е. не поставила ему в вину что-л.) студента за опоздание’ → б. *Die Lehrerin* [Pers/ Ag_{refl}/ Sb_{ед.}] *entschuldigte sich wegen Verspätung* [NonP / Prädik. / Ob_{предл}] ‘Учитель извинилась за опоздание’.

В примере (388а) в исходной диатезе субъект действия (*die Lehrerin* ‘учитель’) является тем, кто выполняет действие над объектом (*den Studenten* ‘студента’), т.е. не ставит ему в вину его проступок (опоздание). В производном РГ (388б) наблюдается семантический сдвиг исходного НГ, так что субъект становится уже первопричиной (виновником) проступка.

Напротив, в примере ниже данный смысловой сдвига не наблюдается:

(389) рус. *Сотрудник* [Pers₁/ Adrn/ Sb_{ед.}] *доложил начальнику* [Pers₂/ Adr/ Ob_{дат.}] *о прибытии* [NonP / Prädik. / Ob_{предл}]. → б. *Сотрудник* [Pers₁/ Ag_{refl} / Sb_{ед.}] *доложился о прибытии* [NonP / Prädik. / Ob_{предл}].

В исходной диатезе (389а) адресант (*сотрудник*) сообщает адресату (*начальнику*) о своём прибытии. В производной диатезе (389б) элиминируется адресат (начальник) и сохраняется факт сообщения (прибытие).

Также в рассматриваемом типе диатезного преобразования были отмечены примеры, в которых в производной диатезе происходит элиминация партитивного референта второго актанта ситуации, ср.:

(390) рус. а. *Присев на корточки, Блинов [Pers₁/ Ag./ Sb_{ед}] поспешно [Mode] бинтовал ногу [Part₂/ Ob_{part.}/ Ob_{вин}] амбалу [Pers₂/ Ven./ Ob_{дат.}]. Он расслышал слова Таманцева и все понял. (Владимир Богомолов. Момент истины (В августе сорок четвертого...)) (1973)) [205] → б. *В колониях нет лекарств. Осужденный [Pers./ Ag_{refl.}/ Sb_{ед}] бинтовался простынями [NonP/ Inst./ Ob_{твор.}], чтобы... (Здоровье, АкиПресс. 30 ноября 2018 г.) [205].**

В примере (390а) наблюдается расщепление второго референта на «целое» (*амбала*) и его неотъемлемую часть (*нога*), при этом инструмент, который использует агенс для совершения действия не называется, а он инкорпорирован в семантику глагола (*бинтовать*). В производной диатезе (390б) у РГ появляется инструментальная валентность (*простыни*), происходит элиминация второго референта, т.к. рефлексивный агенс (*осужденный*) производит действие над собой; аналогично:

(391) рус. *Том [Pers./ Ag./ Sb_{ед}] покраснел и вжал голову [Part₁/ Ob_{part.}/ Ob_{вин}] в плечи [Part₂/ Loc./ Ob_{предл.}]. (Олег Зайончковский. Счастье возможно: роман нашего времени (2008)) [205] → б. *А он [Pers./ Ag_{refl.}/ Sb_{ед}] затаился и вжался в кресло [NonP/ Loc./ Ob_{предл.}]. (Сергей Носов. Фигурные скобки (2015)) [205].**

Аналогичное преобразование можно наблюдать в примере (391): в производной диатезе (391а) происходит одновременная элиминация двух партитивных референтов (*голова; плечи*) исходной НК, рефлексивный агенс (*он*) производит действие, названное исходным глаголом, т.е. вжимает всего себя (в том числе голову и плечи) в кресло (Loc), на котором он сидит.

Рассматриваемый тип диатезного преобразования имеет место также в следующих НГ/РГ, ср.:

(392) нем. *etw., j-n. mit etw. bespritzen/besprühen* ‘обрызгивать /опрыскивать что-л., кого-л. чем-л.’ → *sich mit etw. bespritzen/ besprühen* ‘обрызгиваться/опрыскиваться чем-л.’; *etw., j-n. mit etw. parfümieren* ‘опрыскивать

(духами) что-л., кого-л. чем-л. → *sich mit etw. parfümieren* ‘душиться, опрыскивать себя (духами)’ и др.;

(393) рус. разг. *спрыснуть кого-л., что-л. чем-л.* → (разг.) *спрыснуться чем-л.*, т.е. *спрыснуть себя чем-л.* (например, духами); *побрызгать/ опрыскивать что-л., кого-л. чем-л.* → *побрызгаться / опрыскиваться чем-л.*, *облить/обдать кого-л., что-л. чем-л.* → *облиться/обдаться чем-л.* и др.

3.2.2.1 Подтипы диатезы «трехвалентный НГ → двухвалентный РГ».

В сопоставляемых языках диатезный тип «трехвалентный НГ → двухвалентный РГ» характеризуется появлением в окружении рефлексивов следующих конкретизаторов:

1) способ действия, ср.:

(394) рус. *Вы до такой степени [Mod] акклиматизировались в Глупове, что ничем особенным и не отличаетесь от глуповцев [203]; Это первая стадия движения к любви, а далее стихия неизбежно оказывает своё трансформирующее воздействие на того, кто вольнo [Mod] или невольнo [Mod] ей вверился [203]; аналогично: до конца/полностью [Mod] довериться кому-н., чему-л.; безропотно [Mod] подчиниться кому-н., чему-н.;*

(395) нем. *Er hat sich dem Befehl des Chefs freiwillig [Mod] untergeordnet [Инф.]* ‘Он добровольно подчинился приказу начальника’, аналогично: *sich in etwas schnell [Mod] einordnen/einfügen* ‘быстро включиться во что-л.’, *sich von j-m zu sehr [Mod] isolieren* ‘сильно сторониться кого-л.’; *sich j-m, etwas ungern unterwerfen* ‘неохотно подчиниться кому-л., чему-л.’;

2) время, ср.:

(396) нем. *Er hat sich lange Zeit [Temp] auf eine Aufgabe konzentriert [213, Bd. 2, S. 2188]* ‘Он долгое время был нацелен (букв. концентрировался) на задачу’;

(397) рус. *Сосредоточиться долго [Temp] не удавалось, мысли постоянно возвращались к девушке, но всё-таки, с горем пополам, войдя в транс, студент оказался на лесной поляне, а на поваленном дереве уже сидит его «учитель» [203];*

3) **способ действия + время**, ср.:

(398) рус. По выходным [Temp] она полностью [Mod] отдавалась домашним заботам [203]; В этот момент [Temp] в наш разговор совершенно не по-джентльменски [Mod] вмешался доктор [203];

(399) нем. In der Freizeit [Temp] hat er sich ganz [Mod] seiner Familie gewidmet [213, Bd. 6, S.4343] ‘В свободное время он полностью посвящал себя семье’;

4) **место + партитивный / посессивный объект**, ср.:

(400) рус. Правым глазом [Ob_{part}] я косилась на стонущего на полу [Loc] поганца без порток – первый акт отыгран [203];

(401) нем. Er verewigte sich mit einem netten Gedicht [Ob_{poss}] im Gästebuch des Hauses [Loc] [213, Bd. 6, S.4041] разг. шутл. ‘Он увековечил себя милым стихотворением в книге записей для гостей дома’;

5) В отдельных случаях в окружении РГ может появляться **распространяющая инфинитивная группа**, которая передает **намерение (цель)** субъекта речи, ср.:

(402) рус. Я вызвался помочь ему [Tar] (т.е. по своей охоте взялся за какое-л. дело, предложил сделать что-н.) [Инф.]

(403) нем. Ich anerbote mich, die Sache zu verrichten [Tar] [213, Bd. 1, S.131] устар. ‘Я вызвался уладить дело’.

5) Отмечен случай одновременного появления в РК трех сирконстантов: **способа действия, места и источника опасности/средство**, ср.:

(404) рус. Двухлетний ребенок в Ясном [Loc] сильно [Mod] ошпарился кипятком [Swd/Med] (Яндекс. Новости, 07.02) [205].

3.2.3 К третьему типу диатез относится «двухвалентный НГ → двухвалентный РГ». Данный диатезный тип отличается средней продуктивностью в сопоставляемых языках и насчитывает в немецком языке 83 единицы (12, 6 %) и в русском языке 71 единицу (10, 05 %). При данном диатезном преобразовании исходный набор участников сохраняется в РК, но у второго участника происходит

понижение синтаксического ранга. Семантические роли участников в НК и РК изменяются в зависимости от характера глагольного действия. Например:

(405) нем. а. *Ich* [Pers1/ Ag/ Sb_{ед.}] *rächte ihn* [Pers2/ Pt/ Ob_{вин.}] ‘Я мстил ему’ → б. *Ich* [Pers1/ Ag_{refl}/ Sb_{ед.}] *habe mich an ihm* [Pers2/ Pt/ Ob_{предл.}] *gerächt* ‘Я отомстил ему’;

(406) нем. а. *Er* [Pers/ Ag/ Sb_{ед.}] *hat sein Englisch* [Part / Ob_{poss} / Ob_{вин.}] *vervollkommnet* (perfektioniert) ‘Он усовершенствовал свой английский’ → б. *Er* [Pers/ Ag_{refl} / Sb_{ед.}] *hat sich in der englischen Sprache* [NonP/ Ob_{poss} / Ob_{предл.}] *vervollkommnet* ‘Он усовершенствовался в английском языке’;

(407) нем. а. *Die Stadtregierung* [Pers/ Ag / Sb_{ед.}] *benannte diese Straße* [NonP / Pt / Ob_{вин.}] *letztes Jahr um* [Инф.] ‘Городские власти переименовали эту улицу в прошлом году’ → б. *Und der* [Pers/ Ag_{refl} / Sb_{ед.}] *benennt sich 1847 um in «Bund der Kommunisten»* [NonP/ Ob_{poss} / Ob_{предл.}] ‘И в 1847 году он переименовался в «Союз коммунистов» [211];

(408) рус. а. *Он* [Pers/ Ag/ Sb_{ед.}] *обул сапоги* [NonP / Ob_{poss} / Ob_{вин.}]. → б. *Он* [Pers/ Ag_{refl} / Sb_{ед.}] *обулся в сапоги* [NonP / Ob_{poss} / Ob_{предл.}];

(409) рус. а. *Он* [Pers/ Ag/ Sb_{ед.}] *совершенствовал своё искусство* [Part / Ob_{poss} / Ob_{вин.}] *ведения диалога*. → б. *Он* [Pers/ Ag_{refl} / Sb_{ед.}] *совершенствовался в своем искусстве* [Part / Ob_{poss} / Ob_{предл.}] *ведения диалога*;

(410) рус. а. *Он* [Pers/ Ag/ Sb_{ед.}] *быстро затянул подпруги и навьючил Аранку* [Pot / Pt / Ob_{вин.}]. (Фазиль Искандер. Первое дело (1956)) [205] → б. *Я* [Pers/ Ag_{refl} / Sb_{ед.}] *надел заслуженную солдатскую шинель свою, продал смотрителю и содержателю постоялого двора за бесценок три четверти пожитков своих, навьючился остальным* [NonP / Ob_{poss} / Ob_{твор.}] *и пошел...* (В. И. Даль. Вакх Сидоров Чайкин, или Рассказ его о собственном своем житье-бытье, за первую половину жизни своей (1843)) [205].

Из приведенных примеров (405) – (410) видно, что набор актантов во всех НК и РК сохраняется; остаются без изменений в НК и РК семантические функции вторых актантов, которые детерминируются характером субъектно-объектных отношений; напротив, первый актант во всех РК изменяет свою роль и становится

рефлексивным агенсом, что, в свою очередь, понижает синтаксический ранг зависимых от него вторых актантов.

3.2.3.1 Подтипы диатезы «двухвалентный НГ → двухвалентный РГ».

В немецком и русском языках диатезный тип «двухвалентный НГ → двухвалентный РГ» характеризуется появлением в окружении рефлексивов следующих конкретизаторов:

1) *время + место действия*, ср.:

(411) нем. *Er hat sich schon seit Tagen [Temp] in sein Zimmer eingeschlossen und antwortet nicht* [213, Bd. 2, S. 982] ‘Он уже несколько дней как заперся в своей комнате и не отвечает’, аналогично: *sich seit Stunden [Temp] in etw. sperren* ‘запереться часами в чем-л.’;

(412) рус. *Лариса постоянно обжигалась о горячие кастрюли, сковородки, чайники* [198, с. 157];

2) *способ действия*, ср. следующие примеры с усилительным и предельным способами действия:

(413) нем. *Er verwendete sich sehr [Mod] für die Einrichtung des Spielplatzes* [213, Bd. 6, S. 4143] ‘Он сильно хлопотал за строительство игровой площадки’, аналогично: *sich mit etwas zu wenig [Mod] abgeben* ‘слишком мало заниматься чем-л.’; *sich an etwas ganz [Mod] verlieren* ‘полностью увлечься чем-л.’;

(414) рус. *Он не мог ей признаться полностью [Mod] в своём страхе* [203]; *Нагибается, крепко [Mod] хватается за решетку, потом с ужасом отбегают* [203].

3) *место действия*:

(415) рус. *Я поселился в комнате [Loc] вместе с французским мальчиком, которого звали Пирру и который был моим ровесником. (История успеха (2002) // «Домовой», 2002.04.04)* [205].

3.2.4 Четвертый тип диатезного преобразования «трехвалентный НГ → трёхвалентный РГ» отличается низкой продуктивностью в сопоставляемых языках и насчитывает 17 единиц в немецком языке (2,47%) и 37 единиц в русском

языке (5,2 %). Он характеризуется сохранением в РК первого и второго референтов и изменением в синтаксической структуре третьего референта, ср.:

(416) нем. а. *Mein Vater* [Pers₁/ Ag (Adrn) / Sb_{ед.}] *bot mir* [Pers₂/ Ben (Adr) / Ob_{дат.}] *seine Begleitung* [Part₁/ Ob_{part}/ Ob_{вин.}] *an* [Инф.] ‘Мой отец предложил меня провести (букв. предложил мне своё сопровождение)’ → б. *Mein Vater* [Pers₁/ Ag_{refl} / Sb_{ед.}] *bot sich mir* [Pers₂/ Ben (Adr) / Ob_{дат.}] *zur Begleitung* [Part/ Ob_{part} / Ob_{предл.}] *an* [213, 1, S. 125] ‘Мой отец вызвался меня провести (букв. предложил себя для сопровождения)’;

(417) рус. а. *Друг* [Pers₁/ Ag (Adrn) / Sb_{ед.}] *всегда* [Temp] *навязывал ей* [Pers₂/ Ben (Adr)/ Ob_{дат.}] *свои советы* [Part₁ / Ob_{part} / Ob_{вин.}], *хотя она их не просила* → б. *Он* [Pers₁/ Ag_{refl}/ Sb_{ед.}] *упорно* [Mod] *навязывался ей* [Pers₂/ Ben (Adr)/ Ob_{дат.}] *со своим непрошеным вниманием* [Part₁ / Ob_{part} / Ob_{предл.}] [205].

Приведем другие примеры диатез данного типа:

(418) нем. а. *Sie* [Pers₁/ Ag / Sb_{ед.}] *hat ihre Tochter* [Pers₂/ Pt/ Ob_{вин.}] *wegen eines Versehens* [Part₂ / Ob_{part}/ Ob_{предл.}] *entschuldigt* ‘Она простила свою дочь за ошибку’ → б. *Sie* [Pers₁/ Ag_{refl} / Sb_{ед.}] *hat sich bei ihnen* [Pers₂/ Adr/ Ob_{дат.}] *wegen eines Versehens* [Part / Ob_{part}/ Ob_{предл.}] *entschuldigt* ‘Она извинилась перед ними за свою ошибку’.

(419) рус. а. *Сын* [Pers₁/ Ag / Sb_{ед.}] *опозорил её* [Pers₂/ Pt/ Ob_{вин.}] *своим поведением* [Part₁ / Ob_{part} / Ob_{твор.}]. → б. *Сын* [Pers₁/ Ag_{qu} / Sb_{ед.}] *опозорился перед ними* [Pers₂/ Pt / Ob_{предл.}] *своим поведением* [Part₁ / Ob_{part} / Ob_{твор.}];

(420) нем. а. *Er* [Pers₁/ Ag / Sb_{ед.}] *hat mir* [Pers₂/ Ben/ Ob_{дат.}] *seinen Umgang* [Part₁ / Ob_{poss.}/ Об_{вин.}] *förmlich* [Mod] *aufgedrängt* ‘Он буквально навязал мне свою компанию’ → б. *Er* [Pers₁/ Ag_{refl} / Sb_{ед.}] *hat sich mir* [Pers₂/ Ben/ Ob_{дат.}] *mit seinem Umgang* [Part / Ob_{poss.}/ Об_{предл.}] *förmlich* [Mod] *aufgedrängt* ‘Он буквально навязался мне со своей компанией’;

(421) рус. а. *Я* [Pers₁/ Ag (Exp) / Sb_{ед.}] *никак не могу воздержать своих чувств* [Part₁ / Ob_{part}/ Ob_{вин.}] *к ней* [Pers₂/ Stim/ Ob_{предл.}] → б. *Я* [Pers₁/ Ag_{refl} (Exp) / Sb_{ед.}] *никак не могу воздержаться от своих чувств* [Part₁ / Ob_{part} / Ob_{предл.}] *к ней* [Pers₂/ Stim/ Ob_{предл.}].

3.2.4.1 Подтипы диатезы «трехвалентный НГ → трехвалентный РГ».

У диатез «*трехвалентный НГ → трехвалентный РГ*» в сопоставляемых языках часто встречаются в производных РК конкретизаторы *способа действия*:

(422) рус. *Он не сводил глаз со светлой, черневшей своим откосом на снегу плотины и все крепче [Mod] впивался* (т.е. крепко, глубоко проникал, вонзался во что-н. (чем-то острым, тонким)) *пальцами в поручни* [203];

(423) рус. *Дядя чрезвычайно легко [Mod] вверялся другим и в этом случае был далеко не без ошибок* (Ф. М. Достоевский «Село Степанчиково и его обитатели») [205];

(424) нем. *Du drängst dich deinen Bekannten zu sehr [Mod] auf* [208, S. 82] ‘Ты слишком навязываешься своим знакомым’.

Добавим, что русский РГ (422) *впиваться пальцами* во что-л. не имеет формального и/или соотносительного НГ, т.е. нельзя сказать *впивать/*впить пальцы/когти во что-л., кого-л., но следует говорить: *вонзить когти/вцепиться когтями*. Предположительно, РГ *впиваться* (пальцами) возник по аналогии к РГ *вцепиться*. Интересно, что предложение (425) рус. *На жалобный крик ее птенцы высовывают голову из гнезда: самец [NonPers] налетает сзади на Мамона впивается ему [Pers], когтями [Part_{NonPers}] в спину [Part_{Pers}] и клювом дерет ее* [203] описывает денотативную ситуацию с двумя «расщепленными» участниками» (*самец птенцов* и *Мамон* (человек)), каждый из которых на референтном и семантическом уровнях представлен как «целое» (*самец; Мамон*) и «часть целого» (когти; спина), а на синтаксическом уровне кодируется соответственно четырьмя синтаксическими актантами (Sb, Об_{дат}, Об_{твор}, Об_{предл}).

Продуктивность типов диатезных преобразований СРГ и ПРГ в немецком и русском языках

№ п/ п	Типы диатезных преобразований	Немецкий язык		Русский язык	
		примеры	количество	примеры	количество
1.	2-валентный НГ → 1-валентный РГ	<i>j-n., etw. kämmen → sich kämmen</i>	316 (45,9%)	<i>умывать кого-л. → умываться</i>	352 (50%)
2.	3-валентный НГ → 2-валентный РГ	<i>j-n. in etw. tummeln → sich in etw. tummeln</i>	266 (38,7%)	<i>укутать кого-л. во что-л. → укутаться во что-л.</i>	246 (34,8%)
3.	2-валентный НГ → 2-валентный РГ	<i>j-n. rächen → sich an j-n. rächen</i>	79 (11,5%)	<i>унижать кого-л., что-л. → унижаться перед кем-л.</i>	71 (10%)
4.	3-валентный НГ → 3-валентный РГ	<i>jmdm. etw. anbieten → sich jmdm. zu etw. anbieten</i>	27 (3,9%)	<i>навязывать кому-л. что-л. → навязываться кому-л. с чем-л.</i>	37 (5,2%)
	Всего:		688 (100%)		706 (100%)

**Матрица диатезных подтипов СРГ и ПРГ
в немецком и русском языках***

Конкретизатор	2 → 1		3 → 2		2 → 2		3 → 3	
	нем	рус	нем	рус	нем	рус	нем	рус
1. Способ действия	+	+	+	+	+	+	+	+
2. Время	+	+	+	+	+	+	-	-
3. Место	+	+	-	-	-	-	-	-
4. Причина	+	+	-	-	-	-	-	-
5. Цель	+	+	+	+	-	-	-	-
6. Источник опасности	+	+	-	-	-	-	-	-
7. Содержание	+	+	-	-	-	-	-	-
8. Способ действия + Цель/причина	+	+	-	-	-	-	-	-
9. Способ действия + время	+	+	+	+	-	-	-	-
10. Способ действия + Источник опасности	+	+	-	-	-	-	-	-
11. Предикатив + атрибут	+	-	-	-	-	-	-	-
12. Предикатив + место	+	-			-	-	-	-
13. Предикатив + способ действия	+	-	-	-	-	-	-	-
14. Место+партитивный/по- сессивный объект	-	-	+	+	-	-	-	-

***Примечание:** знак (+) – наличие конкретизатора в диатезном типе

знак (-) – отсутствие конкретизатора в диатезном типе

Выводы к главе 3

В главе 3 был произведен сопоставительный анализ структуры, семантики и функционирования собственно-рефлексивных и посессивно-рефлексивных глаголов в немецком и русском языках.

Структурно-семантический и функциональный анализ СРГ и ПРГ осуществлялся в соотношении с их производящими нерелексивными глаголами и охватывал в целом 1394 глагола (нем. – 688 единиц (344 пары), рус. – 706 единиц (353 пары)), полученные путем сплошной выборки из толковых и двуязычных словарей, национальных корпусов немецкого и русского языков. Были выявлены и описаны типы и подтипы диатезных преобразований данных рефлексивных глаголов в немецком и русском языках.

1. Семантика немецких и русских СРГ и ПРГ в значительной степени обуславливается семантикой их производящих НГ. Мотивирующая база данных РГ в сопоставляемых языках в целом совпадает и охватывает с различной степенью продуктивности 11 лексико-семантических групп НГ, из них в русском – 11 ЛСГ, а в немецком – 10 (за исключением – РГ выражения мимики) (см. табл. 3.1).

2. В сопоставляемых языках СРГ и ПРГ продуктивно образуются от глаголов, обозначающих: а) действия субъекта над своей внешностью, одеждой; б) поведение, поступки человека и межличностные отношения; в) нанесения физического вреда кому-л. и лишения кого-л. жизни.

3. В немецком языке высокую продуктивность обнаруживают СРГ и ПРГ, образованные от глаголов движения частью тела.

4. Напротив, в русском языке СРГ и ПРГ более продуктивно образуются от НГ, обозначающих использование материальных и финансовых средств. Кроме того, в русском языке более многочисленными являются РГ религиозного характера (*исповедоваться, причащаться, каяться; раскаиваться, разговляться, креститься, перекреститься, собороваться, виниться, сознаваться, казниться, терзаться*) (всего – 12 РГ), в то время как в немецком языке обнаружено лишь 2 РГ данной семантики (*sich bekreuzen/bekreuzigen*).

Количественное преобладание русских над немецкими РГ с данной семантикой объясняется, в частности, особенностями строя сопоставляемых языков: в немецком языке сильнее развиты аналитические тенденции по сравнению с русским языком, поэтому русским синтетическим образованиям в немецком обычно соответствуют аналитические конструкции, ср.: рус. *собороваться* – нем. *die Krankenölung empfangen*, аналогично: рус. *причаститься* – нем. *das Abendmahl empfangen*, рус. *разговляться* – нем. *Fasten brechen*.

Кроме того, немецким РГ соответствуют одновременно и отыменные интранзитивы, ср.: рус. *исповедоваться* – нем. *beichten* (← *Beichte* ‘исповедь’) / *jm sein Herz ausschütten*; *каяться* – нем. *büßen* (← *Buße* ‘покаяние’) / *Buße predigen* (tun).

5. Система значений собственно-рефлексивных и посессивно-рефлексивных глаголов русского и немецкого языков активно пополняется рефлексивными глаголами других структурных типов, и прежде всего, дериватами со сложным словообразовательным формантом, что отражает, с одной стороны, взаимосвязь различных подсистем языка, их парадигматических и синтагматических отношений, а с другой стороны, органическое взаимопроникновение стандартных и субстандартных языковых форм.

6. У собственно-рефлексивных и посессивно-рефлексивных глаголов в немецком и русском языках выявлено четыре типа диатезных преобразований: «двухвалентный НГ → одновалентный РГ», «трёхвалентный НГ → двухвалентный РГ», «двухвалентный НГ → двухвалентный РГ», «трехвалентный НГ → трёхвалентный РГ» (см. табл. 3.2).

7. Продуктивность выявленных типов диатезных преобразований в сопоставляемых языках неодинаковая, хотя удельный вес каждого типа в общем объеме РГ каждого языка одинаковый (см. табл. 3.2).

7.1. Наиболее продуктивным в обоих сопоставляемых языках является диатезный тип «двухвалентный НГ → одновалентный РГ» (нем. – 316 ед. или 45,9%; рус. – 352 ед. или 50%). Данный диатезный тип характеризуется:

а) элиминацией второго актанта; б) изменением в ролевой структуре первого актанта, совмещающего в производной диатезе одновременно роль субъекта (агенса) и объекта (пациенса) и выступающего в функции рефлексивного агенса.

7.2. Второе место по продуктивности в каждом языке занимает диатезный тип «трехвалентный НГ → двухвалентный РГ» (нем. – 266 ед. или 38,7%; рус. – 246 ед. или 34,8%), который характеризуется: а) элиминацией второго референта; б) изменением ролевой структуры первого референта; в) сохранением референтной, синтаксической и семантической структуры у третьего актанта.

7.3. Третье место по продуктивности в немецком и русском языках занимает диатезный тип «двухвалентный НГ → двухвалентный РГ» (нем. – 79 ед. или 11,5%; рус. – 71 ед. или 10%), характеризующийся сохранением исходного набора актанта в РК и понижением синтаксического ранга у второго участника ситуации. Семантические роли участников ситуации в НК и РК изменяются в зависимости от характера глагольного действия.

7.4. Низкую продуктивность в обоих языках занимает тип «трехвалентный НГ → трехвалентный РГ» (нем. – 27 ед. или 3,9%; рус. – 37 ед. или 5,2%), связанный с сохранением в РК первого и второго референтов и изменением в синтаксической структуре третьего референта.

7.5. В целом, диатезные преобразования могут затрагивать в сопоставляемых языках: а) одновременно референтный, семантический и синтаксический уровни («двухвалентный НГ → одновалентный РГ»); б) одновременно референтный и семантический уровни («трехвалентный НГ → двухвалентный РГ»); в) синтаксический уровень и факультативно семантический уровень («двухвалентный НГ → двухвалентный РГ», «трехвалентный НГ → трехвалентный РГ»).

8. При диатезном преобразовании в окружении СРГ/ПРГ могут появляться различные сирконстанты («время»; «место»; «способ действия»; «источник опасности»; «цель»; «причина»; «содержание»), уточняющие протекание глагольного действия (см. табл. 3.3.).

8.1. Наибольшее количество диатезных подтипов обнаружено у немецких и русских СРГ и ПРГ типа «двухвалентный НГ → одновалентный РГ» (нем. – 13; рус. – 10), а наименьшее в обоих языках – у РГ типа «трёхвалентный НГ → трехвалентный РГ» (по одному подтипу в каждом языке) (см. табл. 3)

8.2. Особенно часто среди конкретизаторов глагольного действия встречаются модальные, темпоральные и локативные уточнители, т.к. глагольное действие обычно протекает в определенном пространственном, временном или количественном измерении и характеризуется определенным способом.

9. Между диатезными типами, подтипами и лексико-семантическими группами НГ и СРГ/ПРГ в сопоставляемых языках существует определенная взаимосвязь.

9.1. Для глаголов «туалета», нанесения физического вреда, движение определенной частью тела характерным является диатезное преобразование типа «двухвалентный НГ → одновалентный РГ».

9.2. Глаголы, обозначающие взаимоотношение людей, чаще участвуют в диатезных преобразованиях «трехвалентный НГ → двухвалентный РГ» и «двухвалентный НГ → двухвалентный РГ».

9.3. Для глаголов снабжения характерны преимущественно диатезные преобразования типа «трехвалентный НГ → двухвалентный РГ» и «двухвалентный НГ → двухвалентный РГ».

Основные положения данной главы отражены в публикациях [105; 106; 107; 108; 109; 110; 111; 112].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении диссертации излагаются основные результаты исследования, формулируются выводы относительно структурных, семантических и функциональных особенностей СРГ и ПРГ в немецком и русском языках.

1. Категория рефлексивности занимает исключительное положение в системе глаголов каждого языка, так как характеризуется тесной связью с различными уровнями языка – морфологическим, словообразовательным, лексико-семантическим и синтаксическим, что представляет определенные трудности при изучении рефлексивных глаголов.

2. Основные направления исследования РГ включают: 1) изучение данных глаголов на различных этапах развития языка, особенности их эволюции в современном немецком и русском языках); 2) изучение отношения РГ к залогу и, в частности, исследование синонимии некоторых групп РГ и их конструкций с пассивными конструкциями; 3) изучение статуса рефлексивного показателя в структуре РГ и рефлексивных конструкций; 4) изучение семантики РГ и образуемых ими рефлексивных конструкций; 5) референтная семантика русского возвратного местоимения *себя*; 6) сопоставительное и типологическое изучение РГ. Исследование категории рефлексивности проводилось, с одной стороны, в рамках типологического изучения языков (Э. Ш. Генюшене, В. П. Недялков, В. С. Храковский), а с другой, в плане разработки теории функциональной грамматики (А. В. Бондарко, М. А. Шелякин).

3. В современной лингвистике существует два подхода к определению категории рефлексивности: 1) *семантический* подход, понимающий рефлексивность как семантическое явление, при котором действие направлено на его производителя, который одновременно выступает в роли субъекта и объекта действия; 2) *морфологический* подход, направленный на выявление производящей основы и формального рефлексивного показателя.

4. Сопоставительное изучение функционально-семантической категории рефлексивности приводит исследователей к выводу о том, что ядро поля

рефлексивности (возвратности) в немецком и русском языках заметно различается: в немецком языке значение возвратности сопряжено с категориями лица и числа, поэтому в ядре функционально-семантического поля представлены личные местоимения в аккузативе (*mich, dich, uns, euch*), в то время как в русском языке конститuentом ядра является генетически родственный доминант постфикс *-ся*.

5. Одной из сложных проблем при исследовании РГ является проблема отношения рефлексива к залогу. Сложность данной проблемы обуславливается основными аспектами изучения языка в их взаимосвязи, а именно: 1) с морфологией, т.е. с исследованием морфологических способов образования РГ и пассивных форм глагола; 2) с синтаксисом, в плане выявления изменений валентности при образовании РГ и пассива; 3) с семантикой, в плане изучения семантических отношений между НГ и РГ, а также исследования значения активных и пассивных конструкций.

6. РГ, образованные при помощи одного лишь рефлексивного аффикса и имеющие в позиции подлежащего лексически обозначенный субъект, рассматриваются в сопоставляемых языках по-разному: а) в русистике – как словообразовательный класс, который полностью исключается из сферы залога, либо как промежуточный класс между формами действительного и страдательного залогов; б) в германистике – обычно как формы действительного залога, противопоставленные формам страдательного залога.

7. Собственно-рефлексивные и посессивно-рефлексивные глаголы, характеризующиеся полной или частичной кореферентностью субъекта и объекта действия, представляют сложный по своей природе класс языковых единиц, в которых органически переплетаются их морфологические, словообразовательные, синтаксические и семантические свойства.

8. Рефлексивный показатель в структуре немецких и русских СРГ и ПРГ (*sich; -ся*) маркирует реже один определенный семантический объект, чаще несколько семантически однородных объектов, так или иначе связанных с рефлексивным субъектом.

9. Собственно-рефлексивные и посессивно-рефлексивные глаголы немецкого и русского языка вступают со своими нерефлексивными коррелятами в семантические отношения двух типов: обратимости и необратимости. Большинство СРГ и ПРГ сопоставляемых языков являются обратимыми рефлексивными глаголами, значение которых стандартным и регулярным образом соотносится со значением их производящих НГ и маркируется посредством РП (*sich/-ся*), кодирующим один и несколько семантически однородных объектов.

10. Необратимые СРГ и ПРГ характеризуются в сопоставляемых языках полной или частичной невыводимостью своего значения из значения их конstituентов – НГ и РП.

10.1. В сопоставляемых языках выявлены четыре типа необратимых СРГ и ПРГ (морфологический, семантический, лексический, синтаксический).

10.2. Выявленные типы необратимых РГ часто выступают в комбинированном виде (лексическая необратимость + синтаксическая необратимость; синтаксическая необратимость + семантическая необратимость и др.).

10.3. Наиболее продуктивным типом необратимых РГ в сопоставляемых языках является комбинированный семантико-синтаксический тип, отражающий тесную взаимосвязь семантики и синтаксиса в языке.

11. Семантика немецких и русских СРГ и ПРГ в значительной степени обуславливается семантикой их производящих НГ. Мотивирующая база РГ в сопоставляемых языках в целом совпадает и охватывает с различной степенью продуктивности преимущественно лексико-семантические группы глаголов, обозначающих: а) физические действия субъекта над телом, одеждой, часто с использованием инструмента / средства; б) снабжение субъекта чем-л.; в) поведение человека и межличностные отношения; г) идеальную (ментальную) деятельность человека, часто связанную с внутренней энергией человека (вниманием, чувствами, состоянием); д) социальную деятельность человека; е) речевую деятельность человека.

12. В сопоставляемых языках СРГ и ПРГ продуктивно образуются от глаголов, обозначающих: а) действия субъекта над своей внешностью, одеждой;

б) поведение, поступки человека и межличностные отношений; в) нанесения физического вреда кому-л. и лишения кого-л. жизни.

13. В немецком языке сравнительно высокую продуктивность обнаруживают СРГ и ПРГ, образованные от глаголов движения частью тела, а в русском – от НГ, обозначающих использование материальных и финансовых средств. В русском языке, по сравнению с немецким, более многочисленными являются РГ религиозного характера (рус. –12; нем. – 2).

14. Система значений СРГ и ПРГ немецкого и русского языков активно пополняется рефлексивами других структурных типов (рефлексивы со сложным словообразовательным формантом; вторичные рефлексивы и пр.), представляющими как литературную (стандартную) форму языка, так и его нелитературную (субстандартную) форму (разговорный язык, просторечие, жаргон, арг, сленг и др.).

15. Нереплексивные и рефлексивные глаголы исследуются в составе образуемых ими конструкций – нереплексивной и рефлексивной, что позволило выявить глубинные (семантические, референтные) и поверхностные (морфологические, синтаксические) свойства данных глаголов, а также установить изменения, которые происходят в ходе рефлексивной деривации при переходе от исходной диатезы к производной (НГ/НК → РГ/РК).

16. Для комплексного исследования немецких и русских СРГ и ПРГ эффективным оказалось, т.о., использование понятия диатезы как схемы отношения между единицами референтного, синтаксического и семантического уровней.

16.1. Для описания референтного уровня исходных НГ и производных РГ в немецком и русском языках существенными выявились четыре типа референтов: а) *потенцы*, обладающие собственной энергией и способные самостоятельно совершать действие или каузировать кого-либо выполнять определенное действие (человек, животное, природные силы и т.п.); б) *предметы*, неспособные самостоятельно выполнять действие, т.е. референты без собственной энергии; в) *партиципальные референты*, называющие часть тела живого организма или его

неотъемлемое свойство; г) *посессивные референты*, называющие отчуждаемую часть человека (одежда, имущество и т.д.).

16.2. Для описания семантического уровня немецких и русских НГ и СРГ / ПРГ релевантными являются традиционные семантические роли (агенс; пациенс; экспериенцер; адресант; адресат; стимул; бенефициант; инструмент; средство; цель; причина (каузатор); содержание), а также *дополнительные* семантические роли (рефлексивный агенс; квазиагенс; партитивный объект; посессивный объект; квазипосессивный объект; источник опасности).

16.3. При диатезном преобразовании в окружении немецких и русских СРГ/ПРГ могут появляться различные сирконстанты (конкретизаторы, уточнители) («время»; «место»; «способ действия»; «источник опасности»; «цель/причина»). Особенно часто в рефлексивных конструкциях встречаются модальные, темпоральные и локативные уточнители, так как глагольное действие обычно протекает в определенном пространственном, временном или количественном измерении и характеризуется определенным способом.

16.4. В деривации немецких и русских СРГ и ПРГ участвуют переходные двухвалентные НГ с прямым дополнением в аккумулятиве, реже – трёхвалентные НГ с обязательным дативным и прямым дополнением. В синтаксическом плане деривация СРГ и ПРГ в сопоставляемых языках сопровождается элиминацией прямого дополнения либо понижением синтаксического ранга дополнения.

17. У СРГ и ПРГ в немецком и русском языках выявлено четыре типа диатезных преобразований: а) «двухвалентный НГ → одновалентный РГ»; б) «трёхвалентный НГ → двухвалентный РГ»; в) «двухвалентный НГ → двухвалентный РГ»; г) «трёхвалентный НГ → трёхвалентный РГ». Наиболее продуктивным в обоих языках является тип диатезного преобразования «двухвалентный НГ → одновалентный РГ», а наименее продуктивным – «трехвалентный НГ → трехвалентный РГ».

18. Диатезные преобразования могут затрагивать в сопоставляемых языках: а) одновременно референтный, семантический и синтаксический уровни («двухвалентный НГ → одновалентный РГ»); б) одновременно референтный и

семантический уровни («трёхвалентный НГ → двухвалентный РГ»); в) синтаксический уровень и факультативно семантический уровень («двухвалентный НГ → двухвалентный РГ», «трёхвалентный НГ → трёхвалентный РГ»).

19. Перспективой дальнейшего исследования СРГ и ПРГ является изучение лингвокультурологических особенностей данных языковых единиц, а также типологический аспект.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов, Б. А. Избранные работы по немецкой грамматике и общим проблемам языкознания / Б. А. Абрамов. – М.: Кругъ, 2003. – 424 с. – Текст : непосредственный.
2. Адмони, В. Г. Основы теории грамматики / В. Г. Адмони. / М.–Л.: Наука, 1964. – 104 с. – Текст : непосредственный.
3. Агрелль, С. О способах образования немецкого глагола / С. Агрелль. – Текст : непосредственный // Вопросы глагольного вида. – М., 1962. – С.35–37.
4. Андреев, В. С. Языковая модель развития индивидуального стиля (на материале стихотворных текстов американских поэтов-романтиков) : спец. 10.02.04 «Германские языки» : автореферат дисс. на соиск. уч. ст. д. филол. наук. / В. С. Андреев ; СмолГУ.– Смоленск, 2012. – 42 с. – Текст : непосредственный.
5. Антонюк, Л. А. Залоговые значения взаимности и проблемы скрытой грамматики (на материале белорусского языка) / Л. А. Антонюк, А.Е. Михневич. – Текст : непосредственный // Проблемы теории грамматического залога. – Л.: Наука, 1978. – С.186–193.
6. Апресян, Ю. Д. Избранные труды, том I. Лексическая семантика : [в 2 томах] /// Ю. Д. Апресян. – М.: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – 472 с.– Текст : непосредственный.
7. Апресян, Ю. Д. Каузативы или конверсивы? / Ю. Д. Апресян. – Текст : непосредственный // Типология. Грамматика. Семантика. – СПб.: Наука, 1998. – С. 273–281.
8. Архипов, А. В. Типология комитативных конструкций: спец. 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : дисс. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук / А. В. Архипов ; МГУ им. М. В. Ломоносова.– М., 2005. – 191 с. – Текст : непосредственный.
9. Басыров, Ш. Р. Словообразование глаголов с рефлексивным комплексом в типологическом освещении : монография / Ш. Р. Басыров. – Донецк: Изд-во «Ноулидж» (Донецкое отделение), 2014. – 562 с. – Текст : непосредственный.
10. Басыров, Ш. Р., Юшкова, С. А. Диатезы реципрокных глаголов в немецком и украинском языках : монография / Ш. Р. Басыров, С. А. Юшкова. – Санкт-Петербург: Своё издательство, 2018. – 302 с. – Текст : непосредственный.
11. Белошапкина, В. А. О понятии синтаксической производности /

В. А. Белошапкина. – Текст : непосредственный // Русский язык за рубежом. – М., 1983. – № 6. – С.49–53.

12. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М. : Прогресс, 1974. – 447 с. – Текст : непосредственный.

13. Берестнев, Г. И. Самосознание личности в аспекте языка / Г. И. Берестнев. Текст : непосредственный // Вопрос языкознания, 2001. – №1. – С. 60–84.

14. Бернацкая, А. А. К вопросу о структурно-семантических основах двойного (переходно-возвратного) функционирования глаголов в современном немецком языке : спец. 10.00.00 «Филология»: автореферат дисс. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук. / А. А. Бернацкая ; Моск. обл. пед. ин-т им. Н. К. Крупской. – М., 1972. – 28 с. – Текст : непосредственный.

15. Бернацкая, А. А. О перспективах изучения возвратных глаголов в плане синтаксической парадигматики / А. А. Бернацкая. – Текст : непосредственный. // Вопросы германо-романского языкознания и методики преподавания иностранных языков. – Иркутск, 1972. – Вып. 2. – С. 213–218.

16. Бирюлин, Л. А. Диатезы русских глаголов, обозначающих атмосферные явления : спец. 10.02.01 «Русский язык» : дисс. на соиск. уч. ст. к. филол. н. / Л. А. Бирюлин ; Ленинградское отделение института языкознания. – Ленинград, 1984. – 203 с. – Текст : непосредственный.

17. Бирцер, С. Маркирование актантов двухместных предикатов в немецком языке / С. Бирцер. – Текст : непосредственный // Валентностные классы двухместных предикатов в разноструктурных языках. – СПб.: ИЛИ РАН, 2018. – С. 167–182.

18. Богданов, В. В. Семантико-семантическая организация предложения / В. В. Богданов. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1977. – 204 с. – Текст : непосредственный.

19. Бондарко, А. В., Буланин, Л. Л. Русский глагол / А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин. – Л. : Просвещение, 1967. – 190 с. – Текст : непосредственный.

20. Бондарко, А. В. Грамматическая категория и контекст / А. В. Бондарко. – Л. : Наука, 1971. – 112 с. – Текст : непосредственный.

21. Бондарко, А. В. Вид и время русского глагола (значение и употребление) / А. В. Бондарко. – М. : Наука, 1971. – 239 с. – Текст : непосредственный.

22. Бондарко, А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / А. В. Бондарко. – Л.: Наука, 1983. – 271 с. – Текст :

непосредственный.

23. Быков, В. Б. Лексикологические и лексикографические проблемы исследования русского субстандарта : спец. 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание : автореф. дисс. на соиск. уч. ст. д. филол. н. / В. Б. Быков ; Инст. слав. Берлинского ун-та им. Гумбольдта. – М., 2001. – 30 с. – Текст : непосредственный.

24. Быкова, Н. А., Мельникова, Е. М. Особенности функционирования разговорных возвратных глаголов в современной речи / Н. А. Быкова, Е. М. Мельникова. – Текст : непосредственный // Верхневолжский филологический вестник, 2016. – № 1. – С.21–26.

25. Вардуль, И. Ф. Основы описательной лингвистики (синтаксис и супрасинтаксис) / И. Ф. Вардуль. – М. : Наука, 1977. – 350 с.

26. Васильев, Л. Г. Субъект, предикат, подлежащее и сказуемое / Л. Г. Васильев. – Текст : непосредственный // Вопросы лингвистики, педагогики и методики преподавания иностранных языков. – Ижевск : Изд. дом «Удмуртский университет», 2006. – С. 67–80.

27. Веренк, Ж. Диатеза и конструкции с глаголами на *-ся* / Ж. Веренк. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. XV. – С. 286–302.

28. Ветрова, Э. С. Речевой этикет в лезгинской и украинской лингвокультурах : спец. 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : дисс. на соиск. уч. ст. д.ф.н. / Э. С. Ветрова ; ДонНУ. – Донецк, 2018 г. – 398 с. – Текст : непосредственный.

29. Виноградов, В. В. Вопросы грамматического строя / В. В. Виноградов. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. – 482 с. – Текст : непосредственный.

30. Виноградов, В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике строя / В. В. Виноградов. – М.: Наука, 1975. – 560 с. – Текст : непосредственный.

31. Волохова, В. В. Семантико-синтаксическая характеристика возвратных и псевдовозвратных структур немецкого предложения : спец. 10.02.04 «Германские языки» : дисс. на соиск. уч. ст. к. филол. н. / В. В. Волохова ; ВолГУ. – Волгоград, 2005. – 151 с. – Текст : непосредственный.

32. Генюшене, Э. Ш. К теории описания рефлексивных глаголов (на материале

литовского языка) / Э. Ш. Генюшене. – Текст : непосредственный // Залоговые конструкции в разноструктурных языках. – Л.: Наука, 1981. – С. 160–184.

33. Генюшене, Э. Ш. Рефлексивные глаголы в балтийских языках и типология рефлексивов : спец. 10.02.15 «Балтийские языки»; 10.02.20 «Сравнительно-историческое и типологическое языкознание» : дисс. на соиск. уч. ст. д. филол. наук. / Э. Ш. Генюшене ; Вильнюсский орд. труд. красн. зн. и орд. дружбы народов гос. ун-т им. В. Капсукаса. – Вильнюс, 1983. – 393 с. – Текст : непосредственный.

34. Генюшене, Э. Ш. О необратимости некоторых групп английских рефлексивов / Э. Ш. Генюшене. – Текст : непосредственный // Материалы семинара по теоретическим проблемам синтаксиса. – Пермь, 1975. – С.121–126.

35. Генюшене, Э. Ш. Рефлексивные глаголы в балтийских языках и типология рефлексивов : учебное пособие / Э. Ш. Генюшене ; Мин-во высш. и сред. спец. образования Лит. ССР. – Вильнюс, 1983. – 168 с. – Текст непосредственный.

36. Герасименко, И. А. Типология инфинитива (на материале славянских, германских и романских языков) : спец. 10.02.19 «Общее языкознание» : автореферат дисс. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук. / И. А. Герасименко ; ДонНУ. – Донецк, 2002. – 20 с. – Текст : непосредственный.

37. Горлатов, А. М. Поле возвратности в современном немецком языке: спец. 10.02.04 «Германские языки» : дисс. на соиск. уч. ст. к. филол. н. / А. М. Горлатов. – Минск, 1976. – 147 с. – Текст : непосредственный.

38. Городенська, К. Г. Зворотні дієслова / К. Г. Городенська. – Текст : непосредственный // Українська мова. Енциклопедія. – 2-ге вид., випр. і доп. – К. : «Українська енциклопедія» ім. М. Бажана, 2004. – С. 201.

39. Гото, К. В. Частотные характеристики классов русских рефлексивных глаголов / К. В. Гото, С. С. Сай. – Текст : непосредственный. // Корпусные исследования по русской грамматике. – М.: Пробел-2000, 2009. – С. 184–223.

40. Грачёв, М. А. Происхождение и функционирование русского арго : спец. 10.02.01 «Русский язык» : автореф. дисс. на соиск. уч. ст. д. филол. н. / М. А. Грачёв ; НГЛУ им. Н. А. Добролюбова. – СПб, 1995. – 35 с. – Текст : непосредственный.

41. Гришаева, Л. И. Глаголы поведения как семантический класс глаголов антропосферы: когнитивный, семантикоструктурный и функциональный аспекты

описания (на материале немецких глаголов поведения) : спец. 10.02.04 «Германские языки» : дисс. на соиск. уч. ст. д. филол. н. / Л. И. Гришаева. – Воронеж, 1999. – 450 с. – Текст : непосредственный.

42. Девкин, В. Д. Глаголы с *sich* в современном немецком языке : автореферат дисс. на соискание уч. ст. к. ф. н. / В. Д. Девкин ; Моск. гор. пед. инст. им. В. П. Потемкина. – М., 1952. – 16 с. – Текст : непосредственный.

43. Диатезы и залогов / [отв. ред. А. А. Холодович]. – Л. : Наука, 1975. – 254 с. – Текст : непосредственный.

44. Долгополова, Л. А. Становление и развитие инфинитива в немецком языке (VII-XX вв.) : спец. 10.02.04 «Германські мови» : дисс. на соискание уч. ст. д. филол. н. / Л. А. Долгополова. – Киев, 2010. – Текст : непосредственный.

45. Долинина, И. Б. Рефлексив и средний залог в системе английских залогов и проблема «гиперлексемы» / И. Б. Долинина. – Текст : непосредственный // Проблемы теории грамматического залога. – Л.: Наука, 1978. – С. 53–55.

46. Загнітко, А. П. Теоретична грамати́ка української мови: морфологія / А. П. Загнітко. – Донецьк : ДонДУ, 1996. – 435 с. – Текст : непосредственный.

47. Зализняк, А. А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «Каталога семантических переходов» / А. А. Зализняк. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 2001. – № 2. – С. 13–25.

48. Земская, Е. А. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев. – Москва: Наука, 1981. – 275 с. – Текст : непосредственный.

49. Земская, Е. А. Современный русский язык. Словообразование: учебное пособие / Е. А. Земская ; Мин. обр. и н. РФ. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 328 с. – Текст : непосредственный.

50. Знаменская, А. В. Префиксально-суффиксальное образование возвратных глаголов / А. В. Знаменская. – Текст : непосредственный // Ученые записки Борисоглебский гос. пед. ин-т. – 1958. – Вып. 5. – С. 3–42.

51. Исаченко, А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким / А. В. Исаченко. – Братислава: Изд. Словацкой академии наук, 1960. – 570 с. – Текст : непосредственный.

52. Калашникова, К. В. Системные отношения между классами русских рефлексивных глаголов в связи с их частотными характеристиками (по данным корпусного исследования). // К. В. Калашникова, С. С. Сай. – Текст :

непосредственный // Проблемы типологии и общей лингвистики. Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения проф. А. А. Холодовича. – Спб.: Нестор-История, 2006. – С.56–64.

53. Калиущенко, В. Д. Типология значений аффиксов отыменных глаголов / В. Д. Калиущенко. – Текст : непосредственный // Діахронічні дослідження лексики і граматики германських, романських і слов'янських мов : [зб. наук. праць / редкол.: М. Г. Сенів (відп. ред.) та ін.]. – Донецьк : ДонГУ, 1992. – С. 4–19.

54. Калиущенко, В. Д. Типология отыменных глаголов : монография / В. Д. Калиущенко. – Донецк : Донеччина, 1994. – 420 с. – Текст : непосредственный.

55. Кацнельсон, С. Д. Типология языка и речевое мышление / С. Д. Кацнельсон. – Л. : Наука, 1972. – 216 с.– Текст : непосредственный.

56. Кацнельсон, С. Д. Категория субъекта и объекта в языках различных типов / С. Д. Кацнельсон. – Л.: Наука, 1982. – 189 с. – Текст : непосредственный.

57. Кеснер, Й. К проблеме необратимости русских активных конструкций с глаголами совершенного вида (на фоне чешского языка) / И. Кеснер. – Текст : непосредственный. – Przeglad Rusycystyczny. – Градец Кралове, 2006. – Zeszyt 3 (115) – С.75–81.

58. Кибардина, С. М. Валентные свойства немецких глаголов / С. М. Кибардина. – Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1985. – 109 с. – Текст : непосредственный.

59. Кибардина, С. М. Валентность немецкого глагола: : спец. 10.02.04 «Германские языки» : дисс. на соиск. уч. д. филол. наук. / С. М. Кибардина ; ВоГУ. – Вологда, 1988. – 580 с. – Текст : непосредственный.

60. Кибрик, А. Е., Богданова, Е. А. Сам как оператор коррекции ожиданий адресата / А. Е. Кибрик, Е. А. Богданова. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1995. – № 3. – С. 28–47.

61. Кибрик, А. Е. Иерархи, роли, нули, маркированность и «аномальная» упаковка грамматической семантики / А. Е. Кибрик. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1997. – № 4. – С. 27–57.

62. Климов, В. В. Сравнительно-историческая грамматика германских языков. Рефлексивные глаголы в германских языках / В. В. Климов. – Калинин : КГУ, 1983. – 83 с. – Текст : непосредственный.

63. Князев, Ю. П. Возвратность как средство выражения взаимности в русском языке / Ю. П. Князев. – Текст : непосредственный // Русистика сегодня. –

1996. – № 2. – С. 31–54.

64. Князев, Ю. П. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе / Ю. П. Князев. – М. : Языки славянских культур, 2007. – 702 с. – Текст : непосредственный.

65. Ковалёва, М. Т. Возвратные глаголы в современном белорусском языке : спец. 10.02.03 «Славянские языки» : автореферат дисс. на соиск. уч. ст. к. филол. н. / М. Т. Ковалёва ; Ин-т языкознания им. Я. Коласа АН Белорусской ССР. – Минск, 1967. – 17 с. – Текст : непосредственный.

66. Копыленко, М. М., Попова, З. Д. Очерки по общей фразеологии / М. М. Копыленко, З. Д. Попова. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1972. – 302 с. – Текст : непосредственный.

67. Корнева, Е. В. Сопоставительный анализ функционально-семантических полей возвратности в русском и немецком языках / Е. В. Корнева. – Текст : непосредственный // Теоретическая и прикладная лингвистика. Проблемы философии языка и сопоставительной лингвистики. – Вып. 1. – Воронеж: Изд-во ВГТУ, 1999. – С. 81–94.

68. Кравченко, А. В. Глагольный вид и картина мира / А. В. Кравченко. – Текст : непосредственный // Изв. РАН. Сер. литература и язык. – 1995. – Т. 54. – № 1. – С. 49–64.

69. Кравченко, А. В. Загадка рефлексива: избыточность или функциональность? / А. В. Кравченко. – Текст : непосредственный. // Филологические науки. – 1995. – №4. – С. 92–105.

70. Крысин, Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка / Л. П. Крысин; Отв. ред. Ю. Д. Дешериев. – АН СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1989. – 186 с. – Текст : непосредственный.

71. Корди, Е. Е. О грамматическом и лексическом значении взаимности (грамматическая форма взаимности и симметричные глаголы) / Е. Е. Корди. – Текст : непосредственный // Проблемы теории грамматического залога. – Л.: Наука, 1978. – С. 172–180.

72. Корнева, Е. В. Возвратность как семантическая категория (на материале русского и немецкого языков) : на материале рус. и нем. яз. : спец. 10.02.19. «Теория языка» : дисс. на соиск. уч. ст. к. филол. н. / Е. В. Корнева ; Воронежский гос. ун-т. – Воронеж, 1996. – 195 с. – Текст : непосредственный.

73. Королев, Э. И. О классификации возвратных глаголов и записи их в

словаре / Э. И. Королёв. – Текст : непосредственный // Научно-техническая информация, 1968. – Серия 2, №3. – С.19–22.

74. Кузнецов, И. О. Автоматическая разметка семантических ролей в русском языке : спец. 10.02.21 «Прикладная и математическая лингвистика» : дисс. на соиск. уч. ст. канд. филол. н. / И. О. Кузнецов ; Нац. иссл. инст. – М., 2016. – 178 с. – Текст : непосредственный.

75. Левицкий, А. Э. Сравнительная типология русского и английского языков : учебное пособие / А. Э. Левицкий, Л. Л. Славова ; ЖГУ. – Житомир, 2005. – 204 с. – Текст : непосредственный.

76. Лукина, С. Л. Русские возвратные глаголы и их английские эквиваленты : спец. 10.02.19. «Теория языка» : автореферат дисс. на соиск. уч. ст. к. филол. н. / С. Л. Лукина ; Воронежский гос. ун-т.– Воронеж, 2001. – 12 с. – Текст : непосредственный.

77. Лю, Яньчунь. Лексико-семантическое поле "Вред" в русском языке: структурно-семантический и мотивационный аспекты : спец. 10.02.01. «Русский язык» : автореферат дисс. на соиск. уч. ст. к. филол. н./ Лю Яньчунь ; ТГУ. – Томск, 2018. – 23 с. – Текст : непосредственный.

78. Маслов, Ю. С. Очерки по аспектологии / Ю. С. Маслов. – Л. : Изд-во Ленинградского ун-та., 1984. – 261 с. – Текст : непосредственный.

79. Маркарян, Р. А. Страдательный залог и страдательные обороты в современном русском языке : дисс. на соиск. уч. ст. к. филол. н./ Р. А. Маркарян ; МГУ. – Москва, 1952. – 300 с. – Текст : непосредственный.

80. Марченко, Е. А. Глаголы с рефлексивным комплексом в современном русском языке : спец. 10.02.01 «Русский язык» : авт. дисс. на соиск. уч. ст. к. филол. н. / Е. А. Марченко ; ДонНУ. – Донецк, 2019. – 26 с. – Текст : непосредственный.

81. Майтинская, К. Е. Местоимения в языках разных систем / К. Е. Майтинская. – М.: Наука, 1969. – 308 с. – Текст : непосредственный.

82. Михайлик, Р. П. Семантико-граматична структура дієслів на -ся в сучасній українській мові : спец. 10.02.01 «Українська мова» : автореф. дис. на зд. наук. ст. канд. філол. Наук. / Р. П. Михайлик. – К., 1995. – 19 с. .– Текст : непосредственный.

83. Михайловский, О. Д. Немецкие бесподлежащие пассивные конструкции : спец. 10.02.04. «Германские языки» : дисс. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук : /

О. Д. Михайловский. – Л., 1983. – 158 с. – Текст : непосредственный.

84. Моисеев, А. И. О категории залога в русском языке (к постановке вопроса) / А. И. Моисеев. – Текст : непосредственный // Исследования по грамматике русского языка. – I. Учен. зап. ЛГУ им. А. А. Жданова. – Серия филол. наук, вып. 38. – Л.: Изд. ЛГУ, 1958. – С. 209–221.

85. Мокиенко, В. М. Славянская фразеология / В. М. Мокиенко. – М. : Высшая школа, 1989. – 287 с. – Текст : непосредственный.

86. Москальская, О. И. Теоретическая грамматика современного немецкого языка / О. И. Москальская. – М.: Академия, 2004. – 352 с. – ISBN 5-7695-1400-0. – Текст : непосредственный.

87. Мурзин, Л. Н. Синтаксическая деривация. Анализ производных предложений русского языка / Л. Н. Мурзин. – Пермь: Изд. ПТУ, 1974. – 170 с. – Текст : непосредственный.

88. Мучник, И. П. Грамматические категории глаголов и имени в современном русском литературном языке / И. П. Мучник. – М.: Наука, 1971. – 300 с. – Текст : непосредственный.

89. Недялков, В. П., Отаина, Г. А. Нивхские рефлексивные глаголы и типология смысловых рефлексивов / В. П. Недялков, Г. А. Отаина. – Текст : непосредственный // Залоговые конструкции в разноструктурных языках. – Л.: Наука, 1981. – С. 185–220.

90. Недялков, В. П. Каузативные конструкции в немецком языке. Аналитический каузатив / В. П. Недялков. – Л.: Наука, 1971. – 221 с. – Текст : непосредственный.

91. Недялков, В. П. Рефлексивные конструкции в балтийских языках и типологическая анкета / В. П. Недялков, Э. Ш. Генюшене. – Текст : непосредственный // Рефлексивные глаголы в индоевропейских языках. – Калинин, 1985. – С. 3–19. – 111 с.

92. Норман, Б. Ю. Переходность, залог, возвратность (на материале болгарского и других славянских языков) / Б. Ю. Норман. – Минск: Изд-во БГУ, 1972. – 132 с. – Текст : непосредственный.

93. Норман, Б. Ю. Возвратные глаголы-неологизмы в русском языке и синтаксические предпосылки их образования / Б. Ю. Норман. – Текст : непосредственный // 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе: сборник статей. – М., 2004. – С. 394–406.

94. Панкратова, С. М. Валентность единиц лексико-фразеологического уровня (на материале немецкого языка) / С. М. Панкратова. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. – 160 с. – Текст : непосредственный.

95. Падучева, Е. В. Диатеза как параметр, выявляющий системную организацию в лексике / Е. В. Падучева. – Текст : непосредственный // Категории глагола и структура предложения : междун. конф. РАН: Ин-т лингв. исслед., 28–30 мая 2001 г. : тезисы докл. – СПб, 2001. – С. 67–68.

96. Падучева, Е. В. Динамические модели в семантике лексики / Е. В. Падучева. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 609 с.– Текст : непосредственный.

97. Падучева, Е. В. О производных диатезах отпредикатных имён в русском языке / Е. В. Падучева. – Текст : непосредственный // Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. – Л.: Наука, 1977. – С. 84–107.

98. Падучева, Е. В. О семантике синтаксиса / Е. В. Падучева. – М. : Наука, 1974. – 291 с.– Текст : непосредственный.

99. Падучева, Е. В. Структура события: семантические роли, аспектуальность, каузация / Е. В. Падучева. – Текст : непосредственный // Научно-техническая информация. – 2009. – Сер. 2. – № 6. – С. 38–45.

100. Перельмутер, И. А. Индоевропейский медий и рефлексив (Опыт функционального анализа). / И. А. Перельмутер. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – №1 (1984). – С. 3–13.

101. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – М., Языки славянской культуры, 2001. – 544 с. – ISBN 594457-019-9. – Текст : непосредственный.

102. Пименов, Е. А. Типология префиксных транзитивов / Е. А. Пименов. – Кемерово, 1989. – 92 с. – Текст : непосредственный.

103. Пименов, Е. А. Бипредикатность в языке / Е. А. Пименов. – Текст : непосредственный // Этногерменевтика: некоторые подходы к проблеме. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – Серия "Этногерменевтика и этнориторика". – Вып. 4. – С. 151–152.

104. Писарева, В. В. Типы необратимых рефлексивных глаголов в немецком и русском языках / В. В. Писарева. – Текст : непосредственный // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. – Донецк: ДонНУ, 2018. – Т. 14. – Вып. 2-3 (40-41). – С. 154–163.

105. Писарева, В. В. Рефлексивные глаголы с полной и частичной однородностью актантов в сопоставительном аспекте / В. В. Писарева. – Текст : непосредственный // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*: научный журнал. – Донецк: ДонНУ, 2017. – Т. 13. – Вып. 4 (38). – С. 102–113.

106. Писарева, В. В. Собственно-рефлексивные глаголы в сопоставительном аспекте / В. В. Писарева. – Текст : непосредственный / *Stephanos*: рецензируемый мультиязычный научный журнал. Электронный проект филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова / гл. ред.: М.Л. Ремнёва. – Москва: МГУ, 2018. – №4 (30). – С. 167–172.

107. Писарева, В. В. Диатезы собственно-рефлексивных и посессивно-рефлексивных глаголов в немецком и русском языках / В. В. Писарева. – Текст : непосредственный // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*: научный журнал. – Донецк: ДонНУ, 2019. – Т. 15. – Вып. 3 (45). – С. 112–125.

108. Писарева, В. В. Глаголы прикосновения в английском, немецком, русском и украинском языках / В. В. Писарева, Ш. Р. Басыров. – Текст : непосредственный // *Донецкие чтения 2016. Образование, наука и вызовы современности: I Международная научная конференция, 16–18 мая 2016 г.: материалы.* – Т. 5. Филологические и философские науки / под общ. ред. проф. С. В. Беспаловой. – Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2016. – С. 20–22.

109. Писарева, В. В. Тактильные глаголы в сопоставительном аспекте // «Ломоносов-2017». / В. В. Писарева. – Текст : непосредственный // XXIV Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных, 10–14 апреля 2017 г.: тезисы. – М.: МАКС Пресс, 2017. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM); 12 см. – 1186 Мб. – 9000 экз. – ISBN 978-5-317-05504-2.

110. Писарева, В. В. Собственно-рефлексивные глаголы в сопоставительном аспекте / В. В. Писарева, Ш. Р. Басыров. – Текст : непосредственный // *Донецкие чтения 2017: Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса: Международная научная конференция студентов и молодых ученых, 17–20 октября 2017 г.: материалы.* – Т. 4: Филологические науки. Ч. 1: Иностранная филология. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2017. – С. 68–70.

111. Писарева, В. В. Морфологическая деривация собственно-рефлексивных глаголов в сопоставительном плане / В. В. Писарева. – Текст : непосредственный // *Язык и речь в синхронии и диахронии: Международная заочная научная*

конференция, 24 ноября 2017 г.: материалы. – Ростов-на-Дону: Таганрогский институт имени А. П. Чехова (филиал) «РГЭУ (РИНХ)», 2018. – С. 154–156.

112. Писарева, В. В. Рефлексивные глаголы с полной и частичной однореферентностью актантов в сопоставительном аспекте / В. В. Писарева. – Текст : непосредственный // «Ломоносов-2018»: XXV Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных, 9–13 апреля 2018 г.: тезисы. – М.: МАКС Пресс, 2018. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM); 12 см. – 1450 Мб. – 11000 экз. – ISBN 978-5-317-05800-5.

113. Писарева, В. В. Методика исследования рефлексивных глаголов с полной и частичной однореферентностью актантов / В. В. Писарева. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы современной германской и романской филологии: IV Республиканская научно-практическая конференция, 12 апреля 2018 г.: материалы. – Луганск: Книта, 2018. – С. 37–41.

114. Плотникова, А. М. Русские глаголы с включённой актантной рамкой : лексико-семантическое и денотативное пространство : спец. 10.02.01. «Русский язык» : автореферат дисс. на соиск. уч. ст. к. филол. н. / А. М. Плотникова. – Екатеринбург, 1997. – 21 с. – Текст : непосредственный.

115. Плунгян, В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира / В. А. Плунгян. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2011. – 672 с. – Текст : непосредственный.

116. Плунгян, В. А. Парадоксы валентностей / В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина. – Текст : непосредственный // Семиотика и информатика : сборник научных статей. – М. : Языки русской культуры, 1998. – Вып. 36. – С. 98–104.

117. Пупынин, Ю. А. Связи субъекта и объекта с грамматической семантикой предиката в русском языке / Ю. А. Пупынин. – Текст : непосредственный // Межкатегориальные связи в грамматике. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. – С. 144–153.

118. Проблемы теории грамматического залога / [отв. ред. В. С. Храковский. – Л. : Наука, 1978. – 288 с. – Текст : непосредственный.

119. Сай, С. С. Прагматически обусловленные возвратные конструкции «опущенного объекта» в русском языке / С. С. Сай. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания, 2007. – №2. – С. 75–91.

120. Сай, С. С. Маркирование актантов двухместных предикатов:

предварительные итоги типологического исследования / С. С. Сай. – Текст : непосредственный // Валентностные классы двухместных предикатов в разноструктурных языках. – СПб: ИЛИ РАН, 2018. – С. 557–625.

121. Сильницкий, Г. Г. Глаголы, моделирующие межличностные неспецифические социальные ситуации, в английском языке : спец. 10.02.04. «Германские языки» : дисс. на соиск. уч. ст. к. филол. н. / Г. Г. Сильницкий ; СмолГУ. – Смоленск, 2003. – 137 с. – Текст : непосредственный.

122. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты : спец. 10.02.19 «Теория языка» : дисс. на соиск. уч. ст. д. филол. наук. / Г. Г. Слышкин ; ВолГУ. – Волгоград, 2004. – 323 с. – Текст : непосредственный.

123. Смирницкий, А. И. Синтаксис английского языка / А. И. Смирницкий. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1957. – 284 с. – Текст : непосредственный.

124. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка : [в 3 томах] / И. И. Срезневский. – СПб., 1983. – Текст : непосредственный.

125. Степанова, М. Д. Словообразование современного немецкого языка / М. Д. Степанова. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1953. – 375 с. – Текст : непосредственный.

126. Сусов, И. П. Семантическая структура предложения (на материале простого предложения современного немецкого языка). / И. П. Сусов ; Тульский госпединститут им. Л. Н. Толстого. – Тула, 1973. – 141 с. – Текст : непосредственный.

127. Сусов, И. П. Семантика и прагматика предложения : учебное пособие / И. П. Сусов ; Мин. обр. и н. РФ. – Калинин: КГУ, 1980. – 51 с. – Текст : непосредственный.

128. Теньер, Л. Основы структурного синтаксиса. / Л. Теньер. – М.: Прогресс, 1988. – 654 с. – Текст : непосредственный.

129. Теркулов, В. І. Композити російської мови в ономаціологічному аспекті : спец. «Російська мова» : автореф. дис. на зд. наук. ст. д. філол. Наук / В. І. Теркулов ; Ін-т мовознав. ім. О.О.Потебні НАН України. – К., 2008. – 40 с. – Текст : непосредственный.

130. Трубинский, В. И. Очерки русского диалектного синтаксиса / В. И. Трубинский. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. – 214 с. – Текст : непосредственный.

131. Улуханов, И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и

принципы её описания / И. С. Улуханов. – 4-е изд. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 256 с. – Текст : непосредственный.

132. Успенский, В. А. К понятию диатезы / В. А. Успенский/ – Текст : непосредственный // Проблемы лингвистической типологии и структуры языков. – Л., 1975. – С. 65–107.

133. Федуленкова, Т. Н. Сопоставительная фразеология английского, немецкого и шведского языков. Курс лекций / Т. Н. Федуленкова. – М., 2012. – 220 с. – Текст : непосредственный.

134. Филичева, Н. И. Глаголы с комплексной валентностью и особенности их функционирования в речи / Н. И. Филичева. – Текст : непосредственный // Вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. – М.: Изд-во МГУ, 1968. – Вып. 1. – С. 135–144.

135. Филлмор, Ч. Дело о падеже / Ч. Филлмор. – Текст : непосредственный // Зарубежная лингвистика. III. – М. : Издательская группа “Прогресс”, 1999. – С. 127–258.

136. Фортунатов, Ф. Ф. Избранные труды : [в 2 томах] / Ф. Ф. Фортунатов. – Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1956–1957. – 924 с. – Текст : непосредственный.

137. Хавронина, С. А. К вопросу об изучении русских собственно-возвратных глаголов в турецкой аудитории / С. А. Хавронина, М. Г. Доган. – Текст : непосредственный // Язык и культура, 2019. – С. 155–166.

138. Холодович, А. А. Проблемы грамматической теории / А. А. Холодович. – М.: Наука, 1979. – 304 с. – Текст : непосредственный.

139. Холодович, А. А. (ред.). Типология пассивных конструкций / А. А. Холодович. – Л.: Наука, 1974. – 383 с. – Текст : непосредственный.

140. Холодович, А. А. Залог / А. А. Холодович. – Текст : непосредственный // Категория залога: материалы конференции. – Л., 1970. – С. 5–15.

141. Хомский, Н. Аспекты теории синтаксиса / Н. Хомский. – М.: Изд. МГУ, 1972. – 259 с. – Текст : непосредственный.

142. Храковский, В. С. Диатеза и референтность (К вопросу о соотношении активных, пассивных, рефлексивных и реципрокных конструкций) / В. С. Храковский. – Текст : непосредственный // Залоговые конструкции в разноструктурных языках. – Л.: Наука, 1981. – С. 5–38.

143. Храковский, В. С. Залоговые конструкции в разноструктурных языках /

В. С. Храковский. – Л. : Наука, 1981. – 288 с. – Текст : непосредственный.

144. Храковский, В. С. Роль залога и падежа при маркировке изменения диатез / В. С. Храковский. – Текст : непосредственный // Сопряженность глагольных категорий. – Калинин: КГУ, 1990. – С. 112–124.

145. Храковский, В. С. Концепция диатез и залогов / В. С. Храковский. – Текст : непосредственный // 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе. – М.: Знак, 2004. – С. 505–519.

146. Храковский, В. С. Похвальное слово диатезе / В. С. Храковский. – Текст : непосредственный // Динамические модели: Слово. Предложение. Текст : сб. ст. в честь Е. В. Падучевой. – М.: Язык славянских культур, 2008. – С. 879–895.

147. Храковский, В. С. Понятие сирконстанта и его статус / В. С. Храковский. – Текст : непосредственный // «Семиотика и информатика». – М., 1998. – Вып. 36. – С. 141–154.

148. Хэррис, З. С. Совместная встречаемость и трансформация в языковой структуре / З. С. Хэррис. – Текст : непосредственный // Новое в лингвистике. – М.: Изд. иностр. литер., 1962. – Вып. 2. – С. 528–636.

149. Цыганенко, Г. П. Состав слова и словообразование в русском языке / Г. П. Цыганенко. – Киев, 1978. – 152 с. – Текст : непосредственный.

150. Чейф, У. Л. Значение и структура языка / У. Л. Чейф. – М. : Прогресс, 1975. – 432 с. – Текст : непосредственный.

151. Черепанов, М. В. Введение в языкознание : учебное пособие. / М. В. Черепанов, Н. М. Орлова ; Саратов. гос. ун-т. им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов: Издательский центр «Наука», 2011. – 259 с. – Текст : непосредственный.

152. Шарафутдинова, Н. С. Формирование отраслевой терминологии на базе логико-семантической категории субстанциальности: на материале самолетостроительных терминов немецкого и русского языка : специальность 10.02.19 «Теория языка» : дисс. на соиск. уч. ст. к. филол. наук. / Н. С. Шарафутдинова ; УлГТУ. – Ульяновск, 1999. – 193 с. – Текст : непосредственный.

153. Шахматов, А. А. Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов. – Л. : Учпедгиз, 1941. – 620 с. – Текст : непосредственный.

154. Шведова, Н. Ю. Место семантики в описательной грамматике (синтаксис) / Н. Ю. Шведова. – Текст : непосредственный // Грамматическое описание славянских языков. – М.: Наука, 1974. – С.105–121.

155. Шелякин, М. А. Семантика и функционирование категории вида русского языка / М. А. Шелякин. – Тарту: Тартуский государственный университет, 1978. – 142 с. – Текст : непосредственный

156. Шелякин, М. А. Русские возвратные глаголы в общей системе отношений залоговости / М. А. Шелякин. – Текст : непосредственный // Теория функциональной грамматики. – СПб., 1991. – С. 312–327.

157. Шелякин, М. А. Функциональная грамматика русского языка / М. А. Шелякин. – М.: Русский язык, 2001. – 288 с. – ISBN 5-200-03024-2. – Текст : непосредственный.

158. Юшкова, С. О. Синтаксичні класи реципрокних дієслів та їх конструкцій у німецькій та українській мовах / С. О. Юшкова. – Текст : непосредственный // Сучасні проблеми та перспективи дослідження романських і германських мов і літератур: IX міжвуз. конф. молодих учених, 26-27 січ. 2011 р. : матеріали. – Донецьк: ДонНУ, 2011. – С. 232–234.

159. Юшкова, С. О. Реципрокальні дієслова та їх конструкції у німецькій та українській мовах : спец. 10.02.17 «Порівняльно-історичне і типологічне мовознавство» : автореферат дисс. на соиск. уч. ст. к. филол. н. / С. О. Юшкова ; ДонНУ. – Донецьк, 2013. – 21 с. – Текст : непосредственный.

160. Якобсон, Р. Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание / Р. Якобсон. – Текст : непосредственный // Новое в лингвистике. – М.: Изд-во «Иностранной литературы», 1963. – Вып. III. – С. 95–105.

161. Янко-Триницкая, Н. А. Возвратные глаголы в современном русском языке / Н. А. Янко-Триницкая. – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1962. – 247 с. – Текст : непосредственный.

162. Яхонтов, С. Е. Классы глаголов и падежное оформление актантов / С. Е. Яхонтов. – Текст : непосредственный // Проблемы теории грамматического залога. – Л. : Наука, 1978. – С. 102–108.

163. Abraham, W. Valence, Semantic Case and Grammatical Relations / W. Abraham. – Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 1978. – 729 p. – ISBN 978-9-0272-0962-7. – Текст : непосредственный.

164. Babby, L. H. A transformational analysis of transitive -sja verbs in Russian / Текст : непосредственный // L. H. Babby // *Lingua* 35 (3 – 4), 1975. – Pp. 297–332.

165. Brinker, K. Linguistische Textanalyse: Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden / K. Brinker. – Berlin : Erich Schmidt Verlag, 2005. – 179 S. – ISBN 978-3-

5030-7948-3. – Текст : непосредственный.

166. Brinkmann, H. Die deutsche Sprache: Gestalt und Leistung / H. Brinkmann. – Düsseldorf : Pädagogischer Verlag Schwann, 1962. – 223 S. – Текст : непосредственный.

167. Brecht, R. D, Levine, J. S. Conditions on Voice Marking in Russian / R. D. Brecht, J. S. Levine. – Текст : непосредственный // Issues in Russian Morphosyntax. // UCLA Slavic Studies 10. – Columbus, Ohio: Slavica, 1984. – Pp. 118–137.

168. Buscha, J. Zur Wortklassenbestimmung der Reflexiva in der deutschen Gegenwartssprache / J. Buscha. – Текст : непосредственный // Deutsch als Fremdsprache. – 1972. – № 3. – S. 151–159.

169. Buscha, J. Reflexive Formen, reflexive Konstruktionen, reflexive Verben / J. Buscha. – Текст : непосредственный // Deutsch als Fremdsprache. – 1982. – № 3. – S. 167–174.

170. Dirven, R. Emphatic and Reflexive in English and Dutch / R. Dirven. – Текст : непосредственный // Leuvense Bijdragen. – 1973. – №62. – Pp. 285–299.

171. Doros, A. Kategoria zwrotności w języku rosyjskim i polskim / A. Doros. – Rzeszow : WSP, 1981 – 77 С. – Текст : непосредственный.

172. Flämig, W. Grundzüge der deutschen Grammatik. / W. Flämig / Unter der Leitung von K. E. Heidolph, W. Flämig, W. Motsch. – Berlin, Akademie-Verlag, 1981.

173. Fleischer, W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Unter Mitarbeit von M. Schröder / W. Fleischer, I. Barz. — [2., durchgesehene und ergänzte Auflage]. – Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 1995. – 381 S.

174. Geniušiene, E. The typology of reflexives / E. Geniušiene. – Berlin-New York-Amsterdam : Mouton de Gruyter, 1987. – 435 p. – Текст : непосредственный.

175. Gerritsen, N. Russian reflexive verbs. [= Studies in Slavic and general linguistics 15] / N. Gerritsen. – Amsterdam – Atlanta: Rodopi, 1990.

176. Gündoğdu, M. Reflexive Konstruktionen im Deutschen und im Türkischen / M. Gündoğdu. – Текст : непосредственный // Muttersprache: Vierteljahresschrift für deutsche Sprache. – Wiesbaden, Berlin: Gesellschaft für deutsche Sprache, 2005. – № 1. – S. 54–63.

177. Haspelmath, M. Passive participles across languages // Fox B., Hopper P. (eds.). Voice: form and function. Amsterdam: Benjamins, 1994. – Pp. 151–180.

178. Helbig, G. Probleme der Reflexiva im Deutschen (in der Sicht der gegenwärtigen Forschung) / G. Helbig. – Текст : непосредственный // Deutsch als

Fremdsprache. – 1984. – № 2. – S. 78–89.

179. Israeli, A. Semantics and Pragmatics of the «Reflexive» Verbs in Russian / A. Israeli. – München: O. Sagner, 1997. – 226 p. – Текст : непосредственный.

180. Jung, W. Grammatik der deutschen Sprache / W. Jung. – Leipzig : Bibliographisches Institut, 1968. – 518 S. – Текст : непосредственный.

181. Kemmer, S. The middle voice: a typical and diachronic study. / S. Kemmer. – Stanford University, 1988. – 363 p. – Текст : непосредственный.

182. Krohn, D. Dativ und Pertinenzrelation / D. Krohn. – Текст : непосредственный // Göteborger germanistische Forschungen. – 1980. – №20. – S. 21–187.

183. Langaker, R. Concept, Image and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar / R. Langaker. – Текст : непосредственный. – Berlin-New York : Mouton de Gruyter, 1990. – S.5–55.

184. Ostromęcka-Frączak, B. Czasowniki polskie z formantem rozdzielonym (rozprawa habilitacyjna) / B. Ostromęcka-Frączak. – Текст : непосредственный // Acta Universitatis Lodzianensis, Folia Linguistica. – Łódź, 1983. – №6. – С. 1–210.

185. Paul, H. Deutsche Grammatik : [5 Bd.] / H. Paul. – [3. Aufl.]. – Halle : Veb Max Niemeyer Verlag, 1957. – Bd. 4. – 425 S. – Текст : непосредственный.

186. Paul, H. Deutsche Grammatik : [5 Bd.] / H. Paul. – [3. Aufl.]. – Halle : Veb Max Niemeyer Verlag, 1957. – Bd. 5.– 142 S. – Текст : непосредственный.

187. Reichenkron, G. Historische latein-altromanische Grammatik. 1. Teil / G. Reichenkron. — Wiesbaden : Harrassowitz Verlag, 1965. – 408 S. – Текст : непосредственный.

188. Schulz, D. Grammatik der deutschen Sprache / D. Schulz, H. Griesbach. – München : Max Hueber Verlag, 1979. – 445 S. – Текст : непосредственный.

189. Schenker, A. Slavic Literary Languages: Formation and Development (Yale Russian & East European Publications) / A. Schenker. – Columbus, Ohio : Slavica Publishers, 1980. – 287 p. – ISBN 0936586001. – Текст : непосредственный.

190. Schmidt, W. Grundfragen der deutschen Grammatik / W. Schmidt. – Berlin : Volk und Wissen, 1967. – 332 S. – Текст : непосредственный.

191. Sommerfeldt, K. E. Einführung in die Grammatik der deutschen Gegenwartssprache / K. E. Sommerfeldt. – Tübingen : Niemeyer, 1998. – 311 S. – Текст : непосредственный.

192. Stötzel, G. Ausdrucksseite und Inhaltsseite der Sprache: Methodenkritische

Studien am Beispiel der deutschen Reflexivverben / G. Stötzel. – München : Max Hueber Verlag, 1970. – 231 S. – Текст : непосредственный.

193. Stummhöfer, J. H., Viorel, E. Zum Gebrauch der Reflexivkonstruktionen im Deutschen und Rumänischen / J.H. Stummhöfer, E. Viorel. – Текст : непосредственный // Deutsch als Fremdsprache. – 1972. – №9 (4): 249. – S. 1–255.

194. Wagner, F. Untersuchungen zu Reflexivkonstruktionen im Deutschen. Regensburger Beiträge zur deutschen Sprach- und Literaturwissenschaft. Untersuchungen 10. / F. Wagner. – Frankfurt am Main – Bern – Las Vegas, 1977. – 345 S. – Текст : непосредственный.

195. Wilczewska, K. Czasowniki zwrotne we współczesnej polszczyźnie / K. Wilczewska. – Toruń, 1966. – 171 с. – Текст : непосредственный.

196. Wiemer, B. Reciprocal and reflexive constructions in German / B. Wiemer, V. P. Nedjalkov. – Текст : непосредственный // Reciprocal Constructions. – Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2007. – P. 465–512.

197. Wierzbicka, A. The Semantics of Grammar / A. Wierzbicka. – Amsterdam-Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 1988. – 617 с. – ISBN 9-789-0272-3019-5. – Текст : непосредственный.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

198. Бабенко, Л. Г. Толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / Л. Г. Бабенко. – М.: Аст-пресс, 1999. – 698 с. – Текст : непосредственный.

199. Грачёв, М. А., Мокиенко, В. М. Историко-этимологический словарь воровского жаргона / М. А. Грачёв, В. М. Мокиенко. – СПб.: Фолио-Пресс, 2000. – 254 с. – Текст : непосредственный.

200. Евгеньева, А. П. Словарь русского языка : [в 4 томах] / под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Русский язык, 1981–1984. – 1792 с. – Текст : непосредственный.

201. Елистратов, В. С. Словарь русского арго / В. С. Елистратов. – М., 2000. – 694 с. – Текст : непосредственный.

202. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка / Т. Ф. Ефремова. – М. : Русский язык, 2000. – 2310 с. – ISBN 5-200-02800-0 – Текст : непосредственный.

203. Карта слов и выражений русского языка : [сайт]. – URL :

<https://kartaslov.ru/> (дата обращения: 27.10.2019). – Текст : электронный.

204. Москальская, О. И. Большой немецко-русский словарь : [в 2 томах] / под ред. О. И. Москальской. – М. : Русский язык, 1980. – Т. 1. – 760 с.; т. 2. – 656 с. – Текст : непосредственный.

205. Национальный корпус русского языка RusCorpora : [сайт]. – URL : <http://www.ruscorgora.ru/> (дата обращения: 27.10.2019). – Текст : электронный.

206. Химик, В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи / В. В. Химик. – СПб.: Норинт, 2004. – 324 с. – Текст : непосредственный.

207. Чернышев, В. И. Словарь современного русского литературного языка : [в 17 томах] / В. И. Чернышев. – М.–Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1954. – Текст : непосредственный.

208. Agricola, E. Wörter und Wendungen. Wörterbuch zum deutschen Sprachgebrauch / E. Agricola. – Mannheim : Dudenverlag, 1992. – 818 S. – Текст : непосредственный.

209. Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache : [in 6 Bd.]– Mannheim; Wien; Zürich : Bibliographisches Institut, 1970–1980. – Bd. 1. – 464 S.; Bd. 2. – 928 S.; Bd. 3. – 1408 S.; Bd. 4. – 1904 S.; Bd. 5. – 2432 S.; Bd. 6. – 2992 S. – Текст : непосредственный.

210. Duden. Deutsches Universalwörterbuch – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich : Dudenverlag, 2001. – 1892 S. – Текст : непосредственный.

211. DWDS – Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart : [сайт]. – URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 23.01.2020). – Текст : электронный.

212. Helbig, G. Schenkel, W. Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Verben / G. Helbig, W. Schenkel. – Leipzig : VEB Bibliographisches Institut, 1973. – 458 S. – Текст : непосредственный.

213. Klappenbach, R. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache : [in 6 Bd.] / R. Klappenbach, W. Steinitz (Hrsg.). – Berlin : Akademie-Verlag, 1961–1977. – Текст : непосредственный.

214. Mater, E. Deutsche Verben 7. Verhältniss zum Reflexivpronomen. Kompositionsbildung zu Grundwörtern / E. Mater. – Leipzig : VEB Bibliographisches Institut, 1969. – 375 S. – Текст : непосредственный.